

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ «МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ВЕСТНИК

МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

13

Выпуск (868)

Год основания – 1940

Москва
ФГБОУ ВО МГЛУ
2022

1930

MSLU

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION OF THE RUSSIAN FEDERATION
FEDERAL STATE BUDGETARY EDUCATIONAL INSTITUTION OF HIGHER EDUCATION
«MOSCOW STATE LINGUISTIC UNIVERSITY»

VESTNIK

OF MOSCOW STATE LINGUISTIC UNIVERSITY

HUMANITIES

13

Issue (868)

The year of foundation – 1940

Moscow
FSBEI HE MSLU
2022

1930

ВЕСТНИК

МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

выпуск 103 (868)

Печатается по решению Ученого совета
Московского государственного лингвистического университета

Главный редактор
Г. Г. БОНДАРЧУК

доктор филологических наук, профессор

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Беляков Д. А.	кандидат филологических наук, доцент (МГЛУ)
Бондарев А. П.	доктор филологических наук, профессор (МГЛУ)
Бубнова Г. И.	доктор филологических наук, профессор (МГУ имени М. В. Ломоносова)
Воробьев В. В.	доктор филологических наук, профессор (РУДН)
Ганин В. Н.	доктор филологических наук, профессор (МПГУ)
Глушак В. М.	доктор филологических наук, профессор (МГИМО(У) МИД РФ)
Голубина К. В.	кандидат филологических наук, доцент (МГЛУ)
Голубкова Е. Е.	доктор филологических наук, профессор (МГЛУ)
Гусейнова И. А.	доктор филологических наук, доцент (МГЛУ)
Евтушенко О. В.	доктор филологических наук, доцент (МГЛУ)
Егорова О. Г.	доктор филологических наук, профессор (МГЛУ)
Захари Михайлов Захариев	доктор исторических наук, профессор (Болгария)
Захарова Н. В.	кандидат филологических наук (Институт мировой литературы имени А. М. Горького (ИМЛИ) РАН)
Зусман В. Г.	доктор филологических наук, профессор (НИУ ВШЭ в Нижнем Новгороде)
Ирисханова О. К.	доктор филологических наук, профессор (МГЛУ)
Косиченко Е. Ф.	доктор филологических наук, доцент (МГЛУ)
Космарская И. В.	кандидат филологических наук, доцент (МГЛУ)
Краева И. А.	кандидат филологических наук, доцент (МГЛУ)
Кузнецов В. Г.	доктор филологических наук, профессор (МГЛУ)
Малыгина И. В.	доктор философских наук, профессор (МГЛУ)
Осьминина Е. А.	доктор филологических наук, доцент (МГЛУ)
Порохницкая Л. В.	доктор филологических наук, доцент (МГЛУ)
Потапова Р. К.	доктор филологических наук, профессор (МГЛУ)
Семина И. А.	доктор филологических наук, профессор (МГЛУ)
Силантьев Р. А.	доктор исторических наук (МГЛУ)
Сомова Е. В.	доктор филологических наук, доцент (МПГУ)
Сорокина Т. С.	доктор филологических наук, профессор (МГЛУ)
Толкачев С. П.	доктор филологических наук, профессор (МГЛУ)
Травников С. Н.	доктор филологических наук, профессор (Государственный институт русского языка имени А. С. Пушкина)
Трыков В. П.	доктор филологических наук, профессор (МПГУ)
Харитончик З. А.	доктор филологических наук, профессор (Минский государственный лингвистический университет, Беларусь)
Хитина М. В.	доктор филологических наук, доцент (МГЛУ)
Ченки А. Д.	доктор филологических наук, профессор (Vrije Universiteit, Нидерланды; МГЛУ)
Черноземова Е. Н.	доктор филологических наук, профессор (МПГУ)
Янулевичене В.	доктор филологических наук, профессор (Университет им. Миколаса Ромериса, Вильнюс, Литва)

VESTNIK

OF MOSCOW STATE LINGUISTIC UNIVERSITY

Issue 13 (868)

Published by the decision of the Academic Council
Moscow State Linguistic University

Editor-in-chief
G. G. BONDARCHUK

Doctor of Philology, Professor

EDITORIAL BOARD

Belyakov D. A.	PhD in Philology, Associate Professor (MSLU)
Bondarev A. P.	Doctor of Philology, Professor (MSLU)
Bubnova G. I.	Doctor of Philology, Professor (MSU)
Vorobiov V. V.	Doctor of Philology, Professor (RUDN)
Ganin V. N.	Doctor of Philology, Professor (MPSU)
Glushak V. M.	Doctor of Philology, Professor (MGIMO)
Golubina K. V.	PhD in Philology, Associate Professor (MSLU)
Golubkova E. E.	Doctor of Philology, Professor (MSLU)
Guseinova I. A.	Doctor of Philology, Associate Professor (MSLU)
Yevtushenko O. V.	Doctor of Philology, Associate Professor (MSLU)
Egorova O. G.	Doctor of Philology, Professor (MSLU)
Zahari Zahariev	Doctor of History, Professor (Bulgaria)
Zakharova N. V.	PhD in Philology, Leading Researcher (IMLI)
Zusman V. G.	Doctor of Philology, Professor (NRU "Higher School of Economics" in Nizhny Novgorod)
Iriskhanova O. K.	Doctor of Philology, Professor (MSLU)
Kosichenko E. F.	Doctor of Philology, Associate Professor (MSLU)
Kosmarskaya I. V.	PhD in Philology, Associate Professor (MSLU)
Kraeva I. A.	PhD in Philology, Associate Professor (MSLU)
Kuznetsov G. V.	Doctor of Philology, Professor (MSLU)
Malygina I. V.	Doctor of Philosophy, Professor (MSLU)
Osmirina E. A.	Doctor of Philology, Associate Professor (MSLU)
Porokhnitskaya L. V.	Doctor of Philology, Associate Professor (MSLU)
Potapova R. K.	Doctor of Philology, Professor (MSLU)
Semina I. A.	Doctor of Philology, Associate Professor (MSLU)
Silantiev A. N.	Doctor of History (MSLU)
Somova E. V.	Doctor of Philology, Associate Professor (MPSU)
Sorokina T. S.	Doctor of Philology, Professor (MSLU)
Tolkachev S. P.	Doctor of Philology, Professor (MSLU)
Travnikov S. N.	Doctor of Philology, Professor (Pushkin State Institute of the Russian Language)
Trykov V. P.	Doctor of Philology, Professor (MPSU)
Kharitonchik Z. A.	Doctor of Philology, Professor (MinSLU, Republic of Belarus)
Khitina M. V.	Doctor of Philology, Associate Professor (MSLU)
Cienki A. J.	Doctor of Philology, Professor (VU, Amsterdam; MSLU)
Chernozemova E. N.	Doctor of Philology, Professor (MPSU)
Januliviciene V.	Doctor of Philology, Professor (M. Romeris University, Vilnius, Lithuania)

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Соотношение русских конструкций, содержащих деепричастия на <i>-миш</i> , со славянским и балтийским <i>accusativus cum participio</i> АЛЬБРЕХТ Ф. Б.	9
Формально-структурные особенности франкоязычного интернет-полилога БЫКОВА О. А.	17
Романские вкрапления в дискурсивном пространстве интернет-мемов ГОЛУБКОВА Е. Е., КАНАШИНА С. В.	24
Роль гиперо-гипонимических отношений в вербализации пространственной и временной категоризации КУЗНЕЦОВ В. Г.	29
Vanitas в среднефранцузском романе «Chevalier errant» Томмазо Салуццо (эволюция кодекса чести рыцаря в XIV веке) МАНУХИНА А. О.	35
Антропоцентризм в кодах культуры древнеанглийской паремии (на англ. яз.) МУХИН С. В., ЗОТИКОВА О. Д.	41
Лингвостилистический и социокультурный анализ выражения «Обещание гасконца» во французском языке (на фр. яз.) ПАРФЕНОВА Л. В.	49
Научно-исследовательская основа лингвокриминалистики и особенности портретирования «цифровой личности» ПОТАПОВА Р. К., И. В. КУРЬЯНОВА И. В.	56
Нумеративы в персидском военном подъязыке РУЛЬКОВА С. М., ЛЕШИН А. Г., АРСЕНТЬЕВА С. В.	62
Специфика описания категории «Tatort» на примере немецкого детективного романа Шт. Брюггентиса «Мальчик без тайн» РЫБАКОВА М. Б.	68
Дискурсивные особенности профессиональной кинокритики во французской специализированной прессе (на примере журнала «Кинематографические тетради») СЕМИНА И. А.	74
Стратегии описания семантики лексических единиц в профессиональной и обыденной лексикографических парадигмах (на материале английского языка) ЦЕХАНОВИЧ И. Г.	82
Об англицизмах в статьях о выборах во Франции в 2022 году (на материале журнала «L'Obs») ШУМАКОВА А. Н.	89

СОДЕРЖАНИЕ

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

«Волшебная гора» Томаса Манна: от замысла к воплощению БЕЛЯКОВ Д. А., ЧЕРНОВА Ю. В., ВЕДЕНЕЕВА А. Ю.	95
Поэтика малых форм пространства в эссе Ж. Перека «Просто пространства» БОДРОВА В. А., СОМОВА Е. В.	101
Отражение родовых конвергенций в сюжетосложении в прозе Гайто Газданова (1926–1970) ЕГОРОВА О. Г., КУЗНЕЦОВА Е. В.	109
Гибридность в литературе пограничья (на материале творчества В. Вертлиба и Ю. Рабинович) ЗУСМАН В. Г., ПАХОМОВА О. В.	117
Компенсационная тактика культурных лакун при переводе с китайского языка на русский (на материале перевода сборника «Ляо Чжай Чжи И») ЛЭЙ ЛИСЫ.	125
Специфика эстетических концепций парнасцев и прерафаэлитов: сходства и различия НАЗАРОВА Т. В.	133
«Что значит имя?» (по следам романа Дж. Керуака «Сатори в Париже») ТОЛКАЧЕВ С. П.	141

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Культурно-прагматический потенциал слова в асимметрии лингвокультур мира ГУРЕВИЧ Л. С.	148
Истоки связей России и Франции: о роли Анны Ярославны в диалоге культур СДОБНОВА Ю. Н., МАНУХИНА А. О.	157

LINGUISTICS

The Correlation of the Russian Constructions, Including the Adverbial Participle with the Suffix *-mshi*, with Slavic and Baltic Accusativus Cum Participio

ALBREKHT F. B. 9

Formal and Structural Features of French Internet Polylogue

BYKOVA O. A. 17

Romanic Insertions in English Internet Memes

GOLUBKOVA E. E., KANASHINA S. V. 24

The Role of Hypero-Hyponymic Relations in the Verbalization of Spatial and Temporal Categorization

KUZNETSOV V. G. 29

Vanitas in the Middle French Novel “Chevalier Errant” by Tommaso Saluzzo
(the evolution of the “Knight’s Code of Honor” in the XIV century)

MANUHINA A. O. 35

Anthropocentrism in Culture Codes of Old English Paroemias

MUKHIN S. V., ZOTIKOVA O. D. 41

Linguistic-Stylistic and Socio-Cultural Analysis of the Expression “The Gascon’s Promise”
in the French Language

PARFENOVA L. V. 49

The Research Basis of Linguistic Forensics and the Features of Profiling a “Digital Personality”

POTAPOVA R. K., KURYANOVA I. V. 56

Numeratives in the Persian Military Sublanguage

RULKOVA S. M., LESHIN A. G. ARSENTEVA S. V. 62

Specificity of the Description of the Tatort Category on the Example of the German Detective Novel
by St. Bruggentis “The Boy without Secrets”

RYBAKOVA M. B. 68

Discursive Features of Professional Film Criticism in the French Specialized Press
(on the example of «Cahiers du Cinema»)

SEMINA I. A. 74

The Strategies of Describing the Semantics of Lexical Units in Professional and Folk Lexicographic
Paradigms (on the data of the English language)

TSEKHANOVICH I. G. 82

On English Loanwords in the Articles on the 2022 French Presidential and Legislative Elections
(based on “L’Obs” magazine)

SHUMAKOVA A. N. 89

CONTENTS

LITERARY STUDIES

«The Magic Mountain» by Thomas Mann: from the Idea to its Actual Implementation BELYAKOV D. A., CHERNOVA IU. V., VEDENEEVA A. JU.	95
Poetics of Small Forms of Space in the Essay «Species of Space and other Pieces» Written by G. Perec BODROVA V. A., SOMOVA E. V.	101
On the Evolution Consistency of the Prose by Gaito Gazdanov (1926–1970) EGOROVA O. G., KUZNETSOVA E. V.	109
Hybridity in the Frontier Literature (based on the Creative Works of V. Vertlib and Yu. Rabinowich) ZUSMAN V. G., PAKHOMOVA O. V.	117
Compensatory Tactics for Cultural Gaps when Translating from Chinese to Russian (based on translation of stories Liao Zhai Zhiyi) LISI LEI	125
Characteristic Aspects of Parnassian and Pre-Raphaelite Aesthetic Concepts: Similarities and Differences NAZAROVA T. V.	133
“What Does the Name Mean” (following the footsteps of J. Kerouac’s Novel “Satori in Paris”) TOLKACHEV S. P.	141

CULTUROLOGY

The Cultural Pragmatic Potential Capacity of the Word in the Asymmetry of the World Linguocultures GUREVICH L. S.	148
The Origin of Relations Between Russia and France: on the Role of Anna Yaroslavna in the Dialogue of Cultures SDOBNOVA YU. N., MANUHINA A. O.	157

Соотношение русских конструкций, содержащих деепричастия на -мши, со славянским и балтийским accusativus cum participio

Ф. Б. Альбрехт^{1,2,3}

¹Литературный институт им. А. М. Горького, Москва, Россия

²Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия

³Московский педагогический государственный университет, Москва, Россия
reductio1@yandex.ru

Аннотация. В статье показывается, что конструкции с деепричастиями на -мши во вторичной предикативной функции – это явление русского языка, непосредственно не выводимое из оборота accusativus cum participio. Такие конструкции – это или контаминация развернутой и полусвернутой предикаций, или случай, когда деепричастие выступает в адverbальной функции, но в контексте начинает проявлять не только обстоятельственную зависимость от глагола, но и соотносительность с объектом, проявляющим свойство субъекта-носителя результитивного состояния.

Ключевые слова: accusativus cum participio, деепричастие, субъект-объектные отношения, русский язык, славянские языки, балтийские языки

Для цитирования. Альбрехт Ф. Б. Соотношение русских конструкций, содержащих деепричастия на -мши, со славянским и балтийским accusativus cum participio // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2022. Вып. 13(868). С. 9–16. DOI 10.52070/2542-2197_2022_13_868_9

Original article

The Correlation of the Russian Constructions, Including the Adverbial Participle with the Suffix -mshi, with Slavic and Baltic Accusativus Cum Participio

Fedor B. Albrecht^{1,2,3}

¹Maxim Gorky Institute of Literature and Creative Writing, Moscow, Russia

²Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia

³Moscow State Pedagogical University, Moscow, Russia
reductio1@yandex.ru

Abstract. Abstract. The article discusses the point of view that the constructions, which include the predicative adverbial participle with the suffix -mshi, are not directly deduced from the accusativus cum participio. Sometimes they are a contamination of two predicative constructions, and sometimes the adverbial participle functions as an adverbial modifier of an attendant state; in the latter case the adverbial participle has also a correlation with the object, so that the object can be interpreted as a subject experiencing some state as a result of previous actions.

Keywords: accusativus cum participio, adverbial participle, subject-object relations, the Russian language, the Slavic languages, the Baltic languages

For citation: Albrecht, F. B. (2022). The Correlation of the Russian Constructions, Including the Adverbial Participle with the Suffix -mshi, with Slavic and Baltic Accusativus Cum Participio. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 13(868), 9–16. 10.52070/2542-2197_2022_13_868_9

ВВЕДЕНИЕ

В работе «К вопросу о моносубъектности / немоносубъектности деепричастного оборота и основного высказывания в современном русском языке» мы упомянули, что в русском языке «бывают отдельные маргинальные случаи... когда с помощью... деепричастия характеризуется второстепенное действие объекта главной клаузы» [Альбрехт 2020, с. 265–266], и привели, в частности, пример *Ну, уж это поздравляю вас сограмиши!* Тогда же мы предположили, что, возможно, такие случаи являются реликтом *participium praedicativum*, соотносимого с прямым объектом, в конструкции *accusativus cum participio*, но не исключили, что это может быть и собственно русское явление, каким-то образом связанное с диалектным и / или просторечным употреблением деепричастия, как в примере *Он выпимши* [там же]. В данной статье мы хотели бы подтвердить второй тезис: конструкции вроде *Это она выпимши меня видала* и *Поздравляю вас, гражданин, сограмиши* непосредственно не выводятся из индоевропейской (в частности балтийской и славянской) конструкции *accusativus cum participio*, а формы типа *выпимши* – это не реликт *participium praedicativum*, соотносимого с прямым объектом.

1. СООТНЕСЕНИЕ АНАЛИЗИРУЕМЫХ КОНСТРУКЦИЙ С ACCUSATIVUS CUM PARTICIPIO ДРУГИХ ЯЗЫКОВ

На первый взгляд, конструкции вроде *Это она выпимши меня видала* и *Поздравляю вас, гражданин, сограмиши* имеют вполне очевидную общность с *accusativus cum participio* других индоевропейских (древних и современных) языков, поскольку, как можно подумать, это – реликт того состояния, когда старославянские и древнерусские причастия употреблялись предикативно: причастие в винительном падеже является вершиной пропозиционального актанта, присоединяемого к глаголу основного высказывания. Сопрягаясь с именем в винительном падеже (логическим подлежащим), это причастие выступает в роли логического сказуемого (*participium praedicativum*); см. примеры из церковнославянского, латинского и древнегреческого языков:

- (1) Видѣ два брата (ACC.DUAL.M) ... вметающа (PprA. ACC.DUAL.M) мрежи въ море...;
- (2) Vidit duos fratres (ACC.PL.M) ... mittentes (PprA. ACC.PL) rete in mare «Он увидел двух братьев... забрасывающих сети в море»;

(3) Εἶδεν δύο ἀδελφούς (ACC.SG.M)... βάλλοντας (PprA. ACC.PL) ἀμφίβληστρον εἰς τὴν θάλασσαν «Он увидел двух братьев... забрасывающих сети в море» (Мф. 4:18);

(4) ωни же, видѣвше его (ACC.SG.M) ходяща (PprA. ACC.SG.M) по морю, мнѣху призракъ быти...;

(5) At illi, ut viderunt eum (ACC.SG.M) ambulantes (PprA. ACC.SG.M) super mare, putaverunt phantasma esse... «Они же, увидев, что он ходит по морю, подумали, что это призрак»;

(6) Οἱ δὲ ἰδόντες αὐτὸν (ACC.SG.M) ἐπὶ τῆς θαλάσσης περπατοῦντα (PprA. ACC.SG.M) ἔδοξαν ὅτι φάντασμα ἐστίν... «Они же, увидев, что он ходит по морю, подумали, что это призрак» (Мк. 6:49).

Данный оборот в редких случаях фиксируется исследователями и в русском языке, хотя он и носит устаревший характер, например:

- (7) Ласточку свою он видит на снегу замерзшую (Крылов) [Соболевский 2009, с. 329];
- (8) Он очень удивился, услышав ее (= собачку) говорящую (Гоголь) [там же].

Об устаревшем характере последних двух примеров свидетельствует история причастий в славянских языках. Так, А. А. Пичхадзе, специально останавливаясь, среди прочего, на обороте *accusativus cum participio*, отмечает, что с самого раннего периода в этой конструкции фиксируются неизменяемые причастия (стоящие в краткой форме именительного падежа множественного числа мужского рода), например:

(9) а не оклевештеши оучителя немощь. югда видиши оученика (ACC.SG.M) прѣданѣште (PprA) (Супрасльская рукопись);

(10) оу Хотѣслава ми было гривн[а] възати: а творять и (ACC.SG.M) пе[ре]ставивъше (PpstA) (берест. гр. №1020, вт. пол. XII в.) [Пичхадзе 2016, с. 507].

Согласно данным А. А. Пичхадзе, «аналогичные несклоняемые формы в конструкции *accusativus cum participio* нередко фиксируются в хорватских глаголических текстах XV–XVI вв.» [там же], причем неизменяемая форма причастия и здесь представляет собой, по мысли исследовательницы, застывшую форму именительного падежа множественного числа мужского рода:

- (11) i vidi nikie (ACC.PL) idući (PprA) v pus'tinū raz'boi činiti «и увидел неких, идущих в пустыню разбойничать»;
- (12) uzre orla (ACC.SG.M) idući (PprA) k sebe «увидел орла, приближающегося к себе»;

(13) *vide ženu v'dovicu (ACC.SG.F) beručī (PprA) dr'va* «увидел женщину-вдовицу, собирающую дрова» [Пичхадзе 2016, с. 507].

Таким образом, А. А. Пичхадзе делает предположение, что «... в accusativus cum participio, как и в инфинитивных конструкциях, в славянских языках уже в эпоху древнейших памятников предикативное причастие утрачивало согласование с субъектом, выраженным формой винительного падежа» [там же] (здесь, конечно, имеется в виду субъект второй пропозиции. – Ф. А.). Практически та же самая картина – утрата согласования предикативного причастия с субъектом в форме винительного падежа – наблюдается и в балтийских языках: «в позиции согласуемого пропозиционального актанта находится особая нефинитная форма – *несогласуемое причастие* (выделено П. М. Аркадьевым. – Ф. А.) (в традиционной литовской терминологии такие формы называются *деепричастиями* (выделено П. М. Аркадьевым. – Ф. А.) ..., литов. «padalyvis» ...), выражающее грамматическое время» [Аркадьев 2011, с. 45]. Например:

(14) литов. *Sakiau tėvą (ACC.SG.M) gerai gyvenant (ADVP.PRES.)* «Я говорю отца хорошо живя» [Аркадьев 2011, с. 44];

(15) *Parėjo namo ir rado sūnų (ACC.SG.M) užgimus (ADVP.PST)* «Пришел домой и нашел / обнаружил сына родившись» [Булыгина, Синёва 2006, с. 130];

(16) латыш. *Es nekad neesmu redzējis savu draugu (ACC.SG.M) gaudam (ADVP.PRES.)* «Я никогда не видел своего друга плача» [Векслер, Юрик 1987, с. 326];

(17) *Putni jūt tuvojamies (ADVP.PRES) pavasari (ACC. SG.M)* «Птицы чувствуют приближаясь весну» [Сталтмане 2006, с. 177];

(18) латгал. *Radzu jūs (ACC.PL.) raudim (ADVP.PRES.)* «Вижу их плача» [Брейдак 2006, с. 206];

(19) *Dzieržu jūs (ACC.PL.) runojamīs (ADVP.PRES.)* «Слышу их разговаривая» [там же].

2. АНАЛИЗ РУССКИХ ПРИМЕРОВ И ДОВОДЫ В ПОЛЬЗУ ИХ ТРАКТОВКИ КАК РЕЛИКТОВ ACCUSATIVUS CUM PARTICIPIO

Рассмотрим следующие примеры из современного русского языка:

(20) Ну, уж это поздравляю вас соврамши!
(А. Островский. *Невольницы*).

(21) Поздравляю вас, гражданин, соврамши!
(М. Булгаков. *Мастер и Маргарита*).

(22) Это она выпимши меня видала, пошумел я...
(И. Шмелев. *Лето Господне*).

(23) А за рулем меня никто ни разу выпимши не видал и никогда не увидит (В. Шукшин. *Раскас*).

(24) Тебя я выпимши не знаю, какой ты есть, а Михаил у нас ой нехороший (В. Распутин. *Последний срок*).

На первый взгляд, эти примеры можно трактовать исходя из той же логики, что и оборот accusativus cum participio. Приведем доводы, которые могли бы об этом свидетельствовать:

- 1) деепричастие характеризует второстепенное действие / состояние объекта, а не субъекта главной клаузы, как это обычно для деепричастия, и как будто составляет вместе с объектом пару «логический субъект – логический предикат» (*вас соврамши = вы соврали; меня выпимши = я выпил*);
- 2) глаголы основного высказывания (перформативный глагол, ведущий себя как *verbum dicendi* *поздравлять*, *verbum sentiendi* *видеть*, *verbum putandi* *знать*), на первый взгляд, контролируют вложенную предикацию, то есть оборот «винительный с деепричастием», являющийся наследником accusativus cum participio, тем более что, по данным древних памятников, причастие утрачивало согласование по падежу уже очень давно, и аналогичный процесс шел в родственных балтийских языках;
- 3) на уровне поверхностной трансформации конструкции как будто легко переделяется в предложения с изъяснительным придаточным: *Поздравляю вас, гражданин, что Вы соврали – Она видала, что я выпил – За рулем меня никто не видел, что я выпил – Тебя я не знаю, когда ты выпьешь*.

Таким образом, теоретически возможно принять конструкции (20)–(24) за реликт употребления participium praedicativum, соотносимого с прямым объектом, в конструкции accusativus cum participio.

3. ИНАЯ ТРАКТОВКА АНАЛИЗИРУЕМЫХ ПРИМЕРОВ

Однако, рассмотрев примеры (20)–(24) более пристально, мы пришли к выводу, что считать их реликтом accusativus cum participio поспешно: при всем внешнем конструктивном сходстве обнаруживается, на наш взгляд, существенная разница как в функционировании, так и в семантике приводимых русских оборотов по сравнению с классическим accusativus cum participio. Кроме того, исторические данные как об этом обороте, так и об истории русских деепричастий также ставят под сомнение, что приведенные русские высказывания – реликт

accusativus cum participio. В лучшем случае наблюдается типологическое сходство (и то условное), а не генетическая преемственность. Приведем аргументы в пользу нашей точки зрения.

3.1. Аргумент первый: исторический

Как известно, магистральная линия развития деепричастия в русском языке – это специализация на обозначении добавочного действия того же субъекта, что и основного высказывания. Деепричастие современного русского языка относится к конвербам с имплицитным субъектом (an implicit-subject converb), кореферентным с субъектом главной клаузы. Для данных конвербов кореферентность с субъектом основного высказывания является типичной (typical), тогда как некорреферентность – нетипичной (unusual) [Haspelmath 1995, p. 10]. Следовательно, употребление деепричастий, которые были бы кореферентны с объектом основного высказывания – явление для русского языка маргинальное. Вторичная функция русского деепричастия, развившаяся в диалектах и проникшая в просторечие, – это сказуемое с семантикой перфекта (результатива) [Горшкова, Хабургаев 1981, с. 336]. Как отмечает В. В. Колесов, конструкции вроде (25) *Весь опуши*, (26) *Был вставши*, (27) *Я приехатчи, учнут запершися сидеть* – это новое явление русского языка [Колесов 2005, с. 599], возникшее уже тогда, когда была сформирована категория деепричастий: ср. также

(28) Он уехавши;

(29) У мя в колхозе наработавши много [Горшкова, Хабургаев 1981, с. 336];

(30) Она была поевши [Пожарицкая 1997, с. 111];

(31) Он не жрамши [Добрушина 2014, с. 100];

(32) Мая сястра давно замаш туды вышаццы;

(33) Корова нядавна тялифшы [Wiemer, Giger 2005, с. 24] (псковский говор);

(34) Здесь растаявши [там же, с. 30] (псковский говор).

Заметим, что мы не нашли ни одного примера, когда бы в качестве сказуемого функционировало деепричастие несовершенного вида с семантикой процесса: **Он жря и выпивая*. С. К. Пожарицкая отмечает в некоторых говорах разрушение перфекта, когда формы деепричастий на *-вши* или *-мши* конкурируют с формами на *-л*, начинают образовываться не только от глаголов перехода в новое состояние, и в результате забывается семантическая противопоставленность этих форм: (35)

Она хорошо рисовавши [Пожарицкая 1997, с. 112]. Однако даже такое употребление за рамки прошедшего времени не выходит.

3.2. Аргумент второй: формальное ограничение на образование

В (20)–(24) и подобных примерах функционируют только деепричастия с суффиксом *-вши* / *-мши* (или другие просторечные варианты с вокалическим исходом на /И/) (см. [Добрушина 2014, с. 100]). Нам не удалось найти ни одного примера с формой деепричастия вроде **Поздравляю вас соврав*, **Это она выпив меня видала*, **Тебя я выпив знаю* – очевидно, потому что, во-первых, как пишут К. В. Горшкова и Г. А. Хабургаев, «...в плане относительной хронологии собственно деепричастное употребление нечленных причастий предшествовало их использованию в качестве сказуемых...» [Горшкова, Хабургаев 1981, с. 354]¹, а во-вторых, «... “нового перфекта” (представленного хотя бы отдельными примерами), не оказывается только в говорах Ростово-Суздальской земли и ее колоний (чем и объясняется отсутствие его в системе литературного языка, нормы которого формировались под влиянием диалекта Москвы)» [там же, с. 337]. Следовательно, выведение форм на *-мши* / *-вши* непосредственно из потерявшего словоизменение древнего *participium praedicativum* будет неуместным анахронизмом.

3.3. Аргумент третий: семантическое и функциональное ограничение

Анализируемые примеры (20)–(24) маргинальны. В преобладающем большинстве случаев подобные деепричастия ведут себя как:

1) стандартные деепричастия:

(36) Смотрите: похождения в окрестностях Вязников и в самом городе я честно описал, не соврамши (А. Пермяков. Петушки – Москва. Поехал);

2) просторечные сказуемые с перфектной семантикой:

(37) А мы не жрамши, не пимши, на билеты последнее истратили (М. Тарковский. Кондромо);

3) типичные деепричастные наречия, выражающие состояние того же субъекта, что и в основном высказывании, и затушевывающие таксисное значение предшествования:

(38) Да выпил он, должно, он дурной выпимши (В. Шукшин. Материнское сердце);

¹ См. также об этом в [Колесов 2005, с. 599].

(39) Я тоже сижу иногда без обеда, не жрамши (В. Славкин. Картина);

4) деепричастия в составе сложного сказуемого (если логический акцент падает на деепричастие):

(40) Новый год, к примеру, или женский день. Хоть выпимши придут, а гостинцы принесут (В. Пронин. Самоубийство).

Кроме того, конструкция *accusativus cum participio* контролируется глаголами восприятия (чаще других), мысли, речи, одобрения-порицания¹. Поскольку глаголы восприятия связаны прежде всего с актуальным состоянием, в абсолютном большинстве случаев присоединенное причастие – это действительное причастие настоящего времени (или его неизменяемый балтийский реликт), в крайнем случае – прошедшее причастие с контекстной семантикой результата действия (см. пример (7)). Семантика процессуальности воспринимаемой ситуации оказывается принципиально важной, так как она показывает динамическое развертывание (41) *Nobody noticed the scouts approach the enemy trench*, подчеркивает, что разница между (41) и, например, (42) *Nobody noticed the scouts approaching the enemy trench* заключается в аспектуальном представлении процесса (in the aspective presentation of the process) [Blokh 1994, с. 108]. Сочетаемость же деепричастий вроде *выпимши* далеко превосходит глаголы указанных групп: в частности, подобные деепричастия сочетаются с непереходными глаголами состояния или процесса *сидеть, лежать, ходить* и функционируют или как обстоятельства образа действия (или сопутствующего состояния), или как часть сложного сказуемого, причем всегда с результативной, а не с процессуальной семантикой.

3.4. Аргумент четвертый: синтаксическое ограничение

Этот аргумент следует из предшествующего. Адвербиальная семантика деепричастий вроде *выпимши* блокирует их свойство сочетаться с обычными глагольными актантами или сирконстантами. Так, в примеры (20)–(24) подставить к форме на *-мши(-вши-)* какой-нибудь актант или сирконстант проблематично: **Поздравляю вас, гражданин, нагло мне соврамши*; **Это она выпимши водку меня видала*, потому что перед нами – полуадвербиализованная форма с самодовлеющей семантикой образа действия /

сопутствующего состояния. Допустимо, на наш взгляд, подобно Г. Паулю, говорившему о деградации сказуемого, выраженного глаголом в личной форме, и превращении его в определение, когда «одно из двух сказуемых... может логически подчиняться другому, так что после этого можно заменить его придаточным предложением...» [Пауль 2014, с. 166], говорить здесь о деградации сказуемого и превращении его в обстоятельство сопутствующего состояния. Исходное же *participium praedicativum* сохраняет возможность управления теми же актантами и сирконстантами, что и глагол.

3.5. Аргумент пятый: типологические данные

Подлинные реликты оборота *accusativus cum participio*, даже если они довольно сильно меняют поверхностно-морфологические и поверхностно-синтаксические свойства конструкции, в любом случае должны сохранить неизменными ее глубинно-семантические свойства: глагол физического восприятия, речи или мысли управляет пропозициональным актантом со значением «субъект и его процессуальный признак»². Так, неизменяемый конверб в балтийских языках и отмеченные А. А. Пичхадзе случаи неизменяемости славянских *participium praedicativum* в примерах (9)–(13) – пример на весьма слабое поверхностно-морфологическое изменение конструкции. Любопытный пример более существенного внешнего изменения конструкции *accusativus cum participio* при сохранении ее глубинной структуры есть, на наш взгляд, в сербском языке. В данном языке нет регулярного действительного причастия настоящего времени, однако при глаголах восприятия (и только при них) функционирует особая конструкция, в которой пропозициональный актант присоединяется при

¹ См. об этом: [Амбразас 1990, с. 142; Булыгина, Синёва 2006, с. 110; Сталтмане 2006, с. 177; Соболевский 2009, с. 329–330; Аркадьев 2011, с. 44].

² Об этом, в частности, свидетельствует следующий факт: при том, что в балтийской конструкции *accusativus cum participio* конвербы чаще всего неизменяемые (см. примеры (14)–(19), согласно данным В. И. Амбразаса, в литовском и латышском языках возможны склоняемые формы причастий, но «... лишь в тех конструкциях, где аккумулятив имени осмысливается как объект глагола, например: (43) литов. *Išvydau savo dukrele (ACC.SG.F) besėdiničią (PprA.ACC.SG.F)* ... «Увидел свою дочку сидящую»; латыш. (44) *Kristine māti (ACC.SG.F) jau atrada argulīšo (PprA.ACC.SG.F)* ... «Кристина уже нашла мать лежащую (в постели)». А когда объектом восприятия является не аккумулятив имени, а само действие, «... обычно употребляются несклоняемые формы» [Амбразас, 1990, с. 61]. Кроме того, в этих языках, по данным В. И. Амбразаса, отмечается и *genetivus cum participio* с тем же семантическим различием в употреблении склоняемых и несклоняемых причастных форм: (45) литов. *Pamatysi auštrant auštrą ir saulele (GEN.SG) užtekancią (CONV1.PRES.GEN.SG.F)* «Увидишь, как рассветает заря и восходит солнышко»; (46) латыш. *Neticēju māmiņas (GEN.SG.F) sūru dienu redzējušas (PprA.GEN.SG.F)* «Я не верила, что матушка видала горький день» [там же, с. 162].

помощи коннектора *како* (реже *где*) и выглядит практически как классическое придаточное с финитной глагольной формой, только субъект этого придаточного стоит в главной части, зависит от глагола главной части и выражается винительным падежом, например:

(47) Било ми је лепо да гледам овце, и кера (ACC.SG.M) како (CON) трчкара (VF.3.SG.) око њих «букв. Мне было приятно смотреть (на) овец и собаку, как бегают вокруг них» (*Љильана Хабјановић Ђуровић. Гора преображења*);

(48) Гледах пиле (ACC.SG.N) на црној табли где (CON) трчи (VF.3.SG.) у кругу, обележеном белом кредом. Гледах га (ACC.SG.N) дуго како (CON) трчи (VF.3.SG.) ... букв. «Я смотрел (на) цыпленка на черной доске, где бегают в круге, обозначенном белым мелом. Я смотрел на него долго, как бегают...» (*Св. Николај Велимировић, Молитве на језеру*).

Как мы показали в пунктах 3.3 и 3.4, интересующие нас контексты (20)–(24) глубинно-семантические свойства *accusativus cum participio* не сохраняют. Заметим, что при переводе примеров (1) и (4) из Мф. 4:18 и Мк. 6:49 на русский язык либо сохраняется архаический *accusativus cum participio* (*Они, увидев его идущего по морю, подумали...* – Синодальный перевод), либо смысл высказывания передается обычным придаточным изъяснительным, в котором уже нет предикативного причастия (*Они же, увидев, что Он ступает по морю, подумали...* – перевод епископа Кассиана (Безобразова)), либо же фраза воспринимается носителями русского языка как содержащая обычное *participium attributivum* в составе причастного оборота (*Он увидел двух братьев... закидывающих сети в море* – Синодальный перевод, тождественный переводу еп. Кассиана (Безобразова)). Во втором и третьем случаях перевода о сохранении глубинной структуры *accusativus cum participio* речи не идет.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В примерах (20)–(24) мы имеем дело лишь с внешним, поверхностно-синтаксическим подобием обороту *accusativus cum participio*, тогда как глубинно-семантические свойства подобных конструкций другие. Так, примеры (20) и (21) представляют собой контаминацию двух предикативных конструкций, одна из которых – разговорная, эллиптированная и является полусвернутой предикацией, возникшей из развернутой с деепричастием в роли сказуемого (*Гражданин*

соврамиш). Иными словами, о настоящем контроле глаголом *поздравляю* деепричастной формы *соврамиш*, сопряженной с логическим субъектом *вас*, речи идти не может. Форма *вас* – это присловный объектный распространитель того же глагола *поздравляю*. Вся конструкция напоминает *accusativus cum participio* исключительно внешне. Ту же самую контаминацию полной и эллиптированной конструкции мы можем, например, наблюдать в примере (38), где *выпиши* – это полусвернутая и эллиптированная предикация (*когда выпьет*), ставшая обстоятельством образа действия-сопутствующего состояния.

Примеры же (22), (23) и (24) представляют – в самом лучшем случае – типологическую преемственность с оборотом *accusativus cum participio*: *выпиши* здесь выступает в адвербиальной функции (*в пьяном виде*), но в контексте – то есть функционально-семантически, а не исходно – начинает проявлять не только наречную (обстоятельственную) зависимость от глагола *видал(а)*, *знаю*, но и соотносительность с объектом *меня*, *тебя*, который – опять же, в контексте и в соотношении с формой *выпиши* – начинает проявлять свойство субъекта-носителя результативного состояния. Соотношение с оборотом *accusativus cum participio* если и есть, то вторичное.

Список сокращений

ACC – аккузатив (винительный падеж);

GEN – родительный падеж;

SG – единственное число;

DUAL – двойственное число;

PL – множественное число;

M – мужской род;

F – женский род;

N – средний род;

PprA – действительное причастие настоящего времени;

PpstA – действительное причастие прошедшего времени;

PpFP – страдательное причастие прошедшего времени;

ADVP.PRES – деепричастие настоящего времени;

ADVP.PST – деепричастие прошедшего времени;

CON – коннектор (союз или местоимение);

VF – спрягаемый глагол;

3 – третье лицо.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Альбрехт Ф. Б. К вопросу о моносубъектности / немоносубъектности деепричастного оборота и основного высказывания в современном русском языке // *Slověne*. 2020. Vol. 9, № 2. С. 244–273.
2. Соболевский С. И. Грамматика латинского языка. Теоретическая часть: Морфология и синтаксис. СПб.: Издательство Олега Абышко; Университетская книга – СПб, 2009.
3. Пичхадзе А. А. О предикативном vs. атрибутивном употреблении причастий в древнерусском: неизменяемые причастия // *Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова*, 10. 2016. С. 499–515.
4. Аркадьев П. М. Проблемы синтаксиса конструкций «accusativus cum participio» в литовском языке // *Вопросы языкознания*. 2011. № 5. С. 44–75.
5. Булыгина Т. В., Синёва О. В. Литовский язык // *Языки мира: балтийские языки* / гл. ред. В. Н. Топоров. М.: Academia, 2006. С. 93–155.
6. Векслер Б. Х., Юрик В. А. Латышский язык. Самоучитель. Рига: Звайгзне, 1987.
7. Сталтмане В. Э. Латышский язык // *Языки мира: балтийские языки* / гл. ред. В. Н. Топоров. М.: Academia, 2006. С. 155–193.
8. Брейдак А. Б. Латгальский язык // *Языки мира: балтийские языки* / гл. ред. В. Н. Топоров. М.: Academia, 2006. С. 193–213.
9. Haspelmath, M. (1995). The converb as a cross-linguistically valid category // Haspelmath, M., König, E., eds. *Converbs in Cross-Linguistic Perspective (Empirical Approaches to Language Typology, 13)*, Berlin, New York, 1–55.
10. Горшкова К. В., Хабургаев Г. А. Историческая грамматика русского языка. М.: Высшая школа, 1981.
11. Колесов В. В. История русского языка. СПб: Филологический факультет СПбГУ; М.: Издательский центр «Академия», 2005.
12. Пожарицкая С. К. Русская диалектология. М.: Издательство МГУ, 1997.
13. Добрушина Е. Р. Корпусные исследования по морфемной, грамматической, лексической семантике русского языка. М.: Издательство Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета, 2014.
14. Wiemer, B., Giger, M. Resultativa in den nordslavischen und baltischen Sprachen (areale und grammatikalisierungstheoretische Gesichtspunkte). München, 2005.
15. Амбразас В. И. Сравнительный синтаксис причастий балтийских языков. Вильнюс: Мокслас, 1990.
16. Blokh, M. Y. (1994). *A course in theoretical English grammar*. Moscow: Vysshaya shkola.
17. Пауль Г. Принципы истории языка. М: URSS, 2014.

REFERENCES

1. Albrecht, F. B. (2020). K voprosu o monosubyechnosti / nemonosubyechnosti deeprichastnogo oborota i osnovnogo vyskazyvaniya v sovremennom russkom yazyke = On the problem of subject identity in the construction “adverbial participle + main clause” in modern Russian. *Slověne*, Vol. 9, № 2, 244 – 273. (in Russ.).
2. Sobolevskij, S. I. (2009). *Grammatika latinskogo yazyka. Teoreticheskaya chast': Morfologiya i sintaksis* = The Grammar of Latin. The Theory: Morphology and Syntax. Saint-Petersburg: Izdatelstvo Olega Abyshko; Universitetskaya kniga – SPb. (in Russ.).
3. Pichkhadze, A. A. (2016). O predikativnom vs. atributivnom upotreblenii prichastij v drevnerusskom yazyke: neizmen'ayemye prichastiya = Predicative vs. attributive participles in Old Russian: indeclinable participles. *Trudy Instituta russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova*, 10, 499–515. (in Russ.).
4. Arkadyev, P. M. (2011). Problemy sintaksisa konstrukcij «accusativus cum participio» v litovskom yazyke = The Problems of Syntax of the Accusativus cum Infinitivo constructions in Lithuanian. *Voprosy yazykoynaniya*, 5, 44–75. (in Russ.).
5. Bulygina, T. V., Sinjova O. V. (2006). Litovskij yazyk = The Lithuanian Language. In Toporov, V. N. (ed.), *Yazyki mira: baltiiskie yazyki*. Moscow: Academia, 93–155. (in Russ.).
6. Veksler, B. H., Yurik, V. A. (1987). *Latyshskij yazyk. Samouchitelj* = The Latvian Language. The Tutorial Book. Rīga: Zvaigzne. (in Russ.).
7. Staltmane, V. E. (2006). *Latyshskij yazyk* = The Latvian Language. In Toporov, V. N. (ed.), *Yazyki mira: baltiiskie yazyki*. Moscow: Academia, 155–193. (in Russ.).
8. Brejda, A. B. (2006). *Latgaliskij yazyk* = The Latgalian Language. In Toporov, V. N. (ed.), *Yazyki mira: baltiiskie yazyki*. Moscow: Academia, 44–75. (in Russ.).
9. Haspelmath, M. (1995). The converb as a cross-linguistically valid category // Haspelmath, M., König, E., eds. *Converbs in Cross-Linguistic Perspective (Empirical Approaches to Language Typology, 13)* (pp. 1–55). Berlin, New York.
10. Gorshkova, K. V., Haburgaev, G. A. (1981). *Istoricheskaya grammatika russkogo yazyka* = The Historical Grammar of the Russian Language. Moscow: Vysshaya shkola. (in Russ.).
11. Kolesov, V. V. (2005). *Istoriya russkogo yazyka* = The History of the Russian Language. Saint-Petersburg: Filologicheskij fakul'tet SPbGU; Moscow: Izdatel'skij centr “Akademiya”. (in Russ.).

12. Pozharitskaya, S. K. (1997). Russkaya dialektologiya = The Russian Dialectology. Moscow: Izdatel'stvo MGU. (in Russ.).
13. Dobrushina, E. R. (2014). Korpusnye issledovaniya po morfemnoj, grammaticheskoy, leksicheskoy semantike russkogo yazyka = The Corpus Studies in Morphemic, Grammar, Lexical Semantics of Russian. Moscow: Izdatel'stvo Pravoslavnogo Sv'ato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta. (in Russ.).
14. Wiemer, B., Giger, M. Resultativa in den nordslavischen und baltischen Sprachen (areale und grammatikalisierungstheoretische Gesichtspunkte). München, 2005.
15. Ambrazas, V. I. (1990). Sravnitel'nyj sintaksis prichastij baltijskih yazykov = The Comparative Syntax of Participles in Baltic Languages. Vilnius: Mokslas. (in Russ.).
16. Blokh, M. Y. (1994). A course in theoretical English grammar. Moscow: Vysshaya shkola.
17. Paul, H. (2014). Principy istorii yazyka = The Principles of the Language History. Moscow: URSS. (in Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Альбрехт Федор Борисович

кандидат филологических наук, доцент
 заведующий кафедрой русского языка и стилистики Литературного института им. А. М. Горького
 доцент кафедры русского языка как иностранного
 Московского государственного лингвистического университета
 доцент кафедры общего языкознания Московского педагогического государственного университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Albrecht Fedor Borisovich

PhD (Philology), Associate Professor, Head of the Department of the Russian language and Stylistics, Maxim Gorky Institute of Literature and Creative Writing
 Associate Professor at the Department of Russian as a Foreign Language, Moscow State Linguistic University
 Associate Professor at the Department of General Linguistics, Moscow State Pedagogical University

Статья поступила в редакцию 26.09.2022
 одобрена после рецензирования 20.10.2022
 принята к публикации 14.11.2022

The article was submitted 26.09.2022
 approved after reviewing 20.10.2022
 accepted for publication 14.11.2022

Формально-структурные особенности франкоязычного интернет-полилога

О. А. Быкова

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия

bykoolya@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы формально-структурной организации полилогической коммуникации на материале франкоязычного интернет-дискурса. Применяя к анализу интернет-полилогов иерархическую модель, разработанную Э. Руле и другими представителями Женевского университета, автор выявляет проблемные места в описании полилога, в том числе в сопоставлении с другими формами общения. Предпринимается также попытка построения обобщающих структурных моделей полилогического взаимодействия.

Ключевые слова: полилог, полилогическое общение, интернет-дискурс, структурная модель коммуникации

Для цитирования: Быкова О.А. Формально-структурные особенности франкоязычного интернет-полилога // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2022. Вып.13 (868). С. 17–23. DOI 10.52070/2542-2197_2022_13_868_17

Original article

Formal and Structural Features of French Internet Polylogue

Olga A. Bykova

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia

bykoolya@yandex.ru

Abstract. The article deals with the issues of the formal-structural organization of polylogical communication based on the French Internet discourse. Applying the hierarchical model developed by E. Roulet and other representatives of the University of Geneva to the analysis of Internet polylogues, the author reveals many problem areas in the description of the polylogue, in comparison with other forms of communication. An attempt is also made to construct generalizing structural models of polylogical interaction.

Keywords: polylogue, polylogical interaction, Internet-discourse, structural model of communication

For citation: Bykova, O. A. (2022). Formal and structural features of French internet polylogue. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 13 (868), 17–23. 10.52070/2542-2197_2022_13_868_17

ВВЕДЕНИЕ

Обращение к теме полилогического взаимодействия порождает целый комплекс проблем, связанных со спецификой данной формы коммуникации в сопоставлении с диалогом и монологом. Но несмотря на то, что многостороннее общение находится в фокусе внимания исследователей в течение нескольких десятилетий, по справедливому замечанию Э. Б. Яковлевой вопрос о том, считать ли полилог разновидностью диалога или суммой диалогов, рассматривать ли его в качестве полноценной формы речевого общения, до сих пор является дискуссионным среди лингвистов [Яковлева, 2006].

СТРУКТУРНАЯ МОДЕЛЬ ОРГАНИЗАЦИИ ДИСКУРСА Э. РУЛЕ

Изучение формально-структурного ракурса полилога направлено на определение совокупности образующих его речевых единиц, выявление отношений между ними, установление критериев объединения простых и сложных речевых единств.

В качестве модели, подходящей для формально-структурного анализа интеракций, можно рассматривать модульную схему организации дискурса, разработанную Э. Руле и другими исследователями из Женевского университета. Рассматривая дискурс как «переговоры» (*négociation*), авторы предлагают модель иерархической структуры дискурса, которая методологически отвечает задачам анализа как монологической, так и диалогической коммуникации. Автор противопоставляет структурную организацию выступления, высказывания (*structure d'intervention*) и обмена (*structure d'échange*) [Roulet, 1987].

Э. Руле выделяет в структуре дискурса 5 основных уровней. Наибольшая выделяемая автором единица – инкурсия (*incursion*). В других источниках в качестве терминологического синонима понятия «инкурсия» используется термин «интеракция». Это единица, ограниченная встречей и расставанием коммуникантов, которая включает в себя несколько транзакций (*transaction*), имеющих различный статус. Вторичные транзакции обслуживают ритуальные компоненты интеракции (открывающий и завершающий этапы), в то время как основные транзакции носят тематический характер и состоят друг с другом в отношениях равноправия или подчинения. Выделение транзакции происходит на основании семантической и / или прагматической связи.

Обмен (*échange*) представляет собой минимальное диалогическое единство, состоящее из реплик / ходов (*intervention*), с различной иллюкутивной направленностью (в частности, автор различает реплики инициативной и реактивной направленности) [там же]. Основой для выделения реплики служит основной речевой акт, который в ней реализован, при этом он может сопровождаться второстепенными речевыми актами. Таким образом, в качестве минимальной единицы в модели Э. Руле рассматривает речевой акт (*acte de langage*).

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СТРУКТУРНОЙ МОДЕЛИ ОРГАНИЗАЦИИ ДИСКУРСА Э. РУЛЕ ПРИ ОПИСАНИИ ПОЛИЛОГИЧЕСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Полилог, в отличие от монолога (структура *один говорящий – х слушающих*) и диалога (структура *один говорящий – один слушающий* с постоянной меной коммуникативных ролей) представляет собой более сложное целое, что объясняется ростом количества интерактантов и, соответственно, большей вариативностью коммуникативных ролей и выбора адресата высказывания. Мена коммуникативных ролей менее предсказуема.

Вследствие этого описание полилогической коммуникации в терминах модели Э. Руле требует решения целого ряда вопросов, некоторые из которых нашли освещение в статье К. Кербрата-Ореккиони, посвященной триадическому взаимодействию [Kerbrat-Orecchioni, 1995].

В частности, исследователь рассуждает об обоснованности применения критерия однородности интерлокутивной схемы (*homogénéité du schéma interlocutif*) при анализе многостороннего общения и выделении единиц речевого обмена. Так, автор отмечает, что учет данного критерия требует в некоторых случаях искусственного разделения одной транзакции на несколько обменов, границы которых находятся внутри одних и тех же реплик. Кербрата-Ореккиони указывает также на сложность определения статуса фрагментов с коллективным адресатом [там же].

Кроме того, исследователь поднимает проблему совместного построения реплики, которое в работах исследователей получило название *co-construction* /*co-énonciation* [Jeanneret, 1991]: можно ли при подобной организации взаимодействия говорить о «совместной» реплике или рассматривать реплики каждого из собеседников как отдельные ходы? Проблемным представляется также описание случаев прерванного обмена (*truncation*) и «наслоения» реплик (*imbrication*).

И, наконец, при рассмотрении полилогического взаимодействия в некоторых случаях сложно определить границы интеракции в целом. Имеем ли мы дело с одной и той же интеракцией в том случае, если к разговору присоединяется новый собеседник или, наоборот, один или несколько собеседников выходят из общения? К. Кербрат-Ореккиони предлагает (и мы разделяем ее позицию) не сужать рамки анализа и уточняет, что данные обстоятельства могут не повлечь за собой переход к качественно новому разговору [Kerbrat-Orecchioni, 1998]. Однако структурная организация речевого взаимодействия, ввиду удаления одного или нескольких «звеньев», несомненно, будет претерпевать изменения.

СТРУКТУРНЫЕ ЕДИНИЦЫ ПОЛИЛОГИЧЕСКОГО ОБЩЕНИЯ

В отечественных исследованиях, посвященных проблемам полилога, подчеркивается необходимость выделения такой особой единицы полилогического общения как полилогическое единство. Так, С. Л. Круглова предлагает следующие критерии для выделения простых и сложных полилогических единств:

- 1) наличие трех и более собеседников;
- 2) единство темы разговора;
- 3) наличие языкового центра, вокруг которого это единство строится [Круглова, 1997].

В качестве элементарной единицы текста автор рассматривает диктему – элементарную тематическую единицу связной речи. Простым монолитным полилогическим единством считается обмен тремя высказываниями трех собеседников на общую тему, второе и третье из которых зависят от первого. В свою очередь, сложные полилогические единства, которые носят более частый характер, включают речевые комплексы, создаваемые усилиями более трех собеседников, произносящих более одной реплики и двудиктемные реплики [там же].

Т. В. Попова определяет полилогическое единство как коммуникативно-интерактивную единицу полилогической речи, обладающую семантико-синтаксической связностью и тематической целостностью и функционирующую как глобальное речевое событие, в котором принимают участие не менее трех человек [Попова, 1995].

Выделение такой единицы как полилогическое единство представляет собой, на наш взгляд, важный шаг на пути обособления полилога от остальных форм речи и одновременно означает признание его структурно-интеракционистской специфики.

СТРУКТУРНЫЕ МОДЕЛИ ИНТЕРНЕТ-ПОЛИЛОГА

При анализе интеракций на материале франкоязычного интернет-дискурса обнаруживаются следующие структурные особенности интернет-полилога:

- 1) высокая степень структурной вариативности интернет-полилога: она вызвана тем, что механизм реплицирования функционирует иначе, чем в диалоге (с одной стороны, у партнеров есть больший выбор адресатов высказывания; с другой стороны, партнеры меньше «вовлечены» в коммуникацию: реакция каждого из партнеров необязательна в каждом обмене). Помимо этого, дистантность и опосредованность общения делают «обязательность» реакции и вовсе условностью;
- 2) необязательность так называемых конфирмативных обменов [Roulet, 1987], в функции открытия и закрытия разговора;
- 3) потенциально незавершенная структура интернет-полилога: пользователи могут в любой момент возобновить или продолжить общение в рамках одной беседы;
- 4) механизм реплицирования в интернет-полилогах строится на таких типах отношений, как:
 - а) реакция на высказывание/я одного из собеседников при игнорировании остальных;
 - б) реакция на несколько реплик нескольких собеседников, представленных как коллективная реплика;
 - в) «вброс» реплик, не связанных с конкретными репликами ни одного из коммуникантов;
- 5) структурно интернет-полилог может распадаться на диалоги, трилоги и т. д., иногда таким образом, что один или несколько собеседников (добровольно или намеренно) могут оказаться «вне» беседы. И наоборот, один и тот же коммуникант может одновременно принимать участие в нескольких «подразговорах»;
- 6) одно речевое действие того или иного коммуниканта может реализоваться в нескольких сообщениях, опубликованных друг за другом. В таком случае сообщения воспринимаются либо как отдельные речевые шаги, либо как речевые акты, составляющие один речевой шаг. Вместе с тем, одно сообщение не всегда может рассматриваться как отдельный речевой шаг (например, в случае, когда собеседник

отправляет одно за другим несколько сообщений, которые можно объединить в одно речевое действие).

В статье, посвященной анализу спонтанных триадических интеракций, В. Траверсо предпринимает попытку типологии подобных взаимодействий на основании структурного критерия и выделяет следующие модели: один адресат – два адресанта, один адресат – один адресант, два адресанта – один адресат [Kerbrat-Orecchioni, 1995].

Методология автора применима и к анализу полилогической интернет-коммуникации. Действительно, полилог в Интернете принимает форму «подразговоров», которые могут стать объектами отдельного анализа (естественно, при учете общей канвы беседы).

В качестве материала для исследования были использованы фрагменты интернет-полилогов, взятых из социальной сети Facebook со страницы канала France Inter и относящихся к жанру комментария.

Отобранный материал обладает некоторой спецификой.

1. Представляет собой гибрид институциональной и персональной коммуникации. Это прекрасно иллюстрирует соседство двух комментариев:

P¹ в ответ на сообщение (1), содержащее ссылку на радиоэфир и

P² в ответ на реплику P¹.

- (1) «L'été 2022 est probablement l'été le plus frais que vous allez vivre dans les 20 prochaines années» a expliqué la ministre de la Transition énergétique dans le Grand Entretien de la matinale.

P¹: Madame la ministre, n'employez pas le «vous» mais privilégiez le «nous». En vous incluant dans la projection, vous prendrez peut-être enfin la pleine mesure du drame qui se joue et de l'incompétence et l'inutilité de nos politiques ces 20 dernières années.

P²: Très bien vu (et surtout entendu!!!), nos ministres hors-sol semblent avoir du mal à s'associer avec le sort du commun des mortels...

2. В качестве стимула, инициирующего реакцию интернет-пользователей, выступает информационное сообщение, размещенное представителями медиа France Inter. При этом они крайне редко принимают участие в дальнейшей коммуникации, лишь внося некоторые уточнения или дополнения. Таким образом, коммуникация развивается усилиями интернет-пользователей, заинтересованных публикацией или реакцией других посетителей страницы.

3. В основном коммуниканты не знакомы друг с другом и находятся в ситуации полностью виртуального общения.

ПОЛИЛОГИ БЕЗ СТРУКТУРЫ ОБМЕНА

Наиболее простые полилогические единства имеют следующий вид:

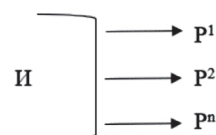

Рис. 1. Простые полилогические единства

Приведенную схему иллюстрирует пример (2). Реактивные реплики P¹, P², P³ в примере (2) относятся к инициирующему сообщению (публикации Танги Пастуро) юмористического характера и не содержат отсылок к репликам остальных коммуникантов. Полилог такого типа может быть подразделен на диалоги без структуры обмена (модель стимул-реакция), с той оговоркой, что пользователи, оставляющие сообщение, имеют возможность ознакомиться с реакциями других коммуникантов, что может определенным образом ориентировать коммуникативную направленность их высказываний.

- (2) **P¹**: Mais qu'il est séduisant ce Tanguy ! ... Et drôle ... toujours ... 😊
P²: Tanguy Pastureau mon héros 🤩
P³: Et Nagui qui va aller en jet privé voir les matchs de foot au Qatar...
P⁴: 😂😂😂😂😂
P⁵: Tu nous avais manqué Tanguy
P⁶: Toujours aussi bon !!!! 😊😂😂😂😂❤️

Интересной представляется реплика P⁵, автор которой выступает как «коллективный говорящий» и выступает от лица всех подписчиков.

Полилоги без структуры обмена могут принимать вид «разветвленных» разговоров, где в качестве инициирующих (И) выступают и публикация представителей канала, и реактивные реплики (P) других интернет-пользователей.

- (3) **И¹**: Les Insoumis veulent le désordre estime la Première ministre Elisabeth Borne.
P¹ (И²): Soutien à Elisabeth Borne
 Laissez les insoumis (soumis à leur gourou bolivarien) brailler tant qu'ils veulent et avancez pour faire progresser le pays
P² (обращение к автору P¹): entre les deux tours c'était pas le même discours hein les girouettes

P³ (обращение к автору **P¹**): tu as bien compris le message mis en scène par mrs Borne et mrs Salamé!

P⁴ (обращение к автору **P¹**): ouhaa !!!! Le clash

P⁵ (обращение к автору **P¹**) (**И³**): Soutien aux insoumis. Laissez les Macronistes a leur Gourou et avançons pour notre pays, pays en totale déchéance (enseignement, hôpitaux, associations, précarité, j'en passe et des meilleurs.

P⁶ (обращение к автору **P⁵**): oui oui sauf que lfi avec sa manie de l homme blanc responsable de tous et qui oppresse soi disant la terre entière me fatigue c est la première fois que je vois une civilisation se faire harakiri avec le sourire béat de ce qui la compose

P⁷ (обращение к автору **P¹**): Avancer vers quoi?

Даже реплика **P⁷**, иллокутивная сила которой направлена на получение реакции со стороны собеседника, остается без ответа.

Схематически такой тип взаимодействия можно представить следующим образом:

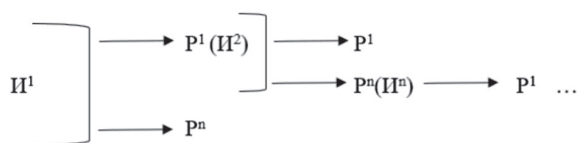

Рис. 2. Нелинейный полилог без структуры обмена

Наличие значительного количества интеракций или фрагментов интеракций, построенных по данной модели, можно объяснить специфическими чертами интернет-коммуникации, такими как виртуальность, опосредованность, дистантность, частичная анонимность, которые минимизируют давление норм речевого общения, в том числе обязательность реакции.

ПОЛИЛОГИ СО СТРУКТУРОЙ ОБМЕНА

При наличии реакции со стороны интерактанта-автора иницирующей реплики можно говорить о полилоге со структурой обмена. Поскольку технологические возможности Facebook позволяют автору комментария следить за реакциями на его публикацию, пользователям легче поддерживать беседу.

В контексте интернет-коммуникации интересным представляется вопрос о статусе иконических реакций на сообщения. Пользователь может ответить на публикацию или комментарий, используя предложенные автоматизированные реакции. По нашему мнению, данные технологические

алгоритмы заменяют невербальный компонент коммуникации, недоступный в сетевом общении, поэтому могут рассматриваться как полноценный компонент интеракции. Соответственно, если автор иницирующей реплики использует данную функцию, чтобы отреагировать на комментарий под своим сообщением, полилог приобретает структуру обмена.

Более «традиционной» формой полилогов со структурой обмена можно считать полилоги с дополненной конфигурацией на рисунке 2.

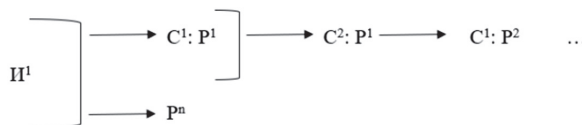

Рис. 3. Нелинейный полилог со структурой обмена

На рисунке 3 реактивная реплика собеседника 1 (**C¹**) служит стимулом к возникновению диалога. Такая конфигурация, однако, редкость, так как к подраговору чаще всего присоединяются новые собеседники. Проиллюстрируем подобную модель примером подраговора (4).

(4) **C¹**: Entre l'ordre (obéir obéir et obéir) et le désordre (nous ne sommes pas d'accord), je comprends pourquoi je vote LFI.

C² (обращение к **C¹**): Je ne pense pas que la LFI soit la panacée mais il y a dans ce groupe politique des valeurs humaines qu'on ne retrouve nulle part ailleurs.

C³ (обращение к **C²**): des valeurs humaines qui ne défendent pas l'histoire de notre pays. LFI n'est pas laïque et Républicaine. Bonjour chez vous.

C² (обращение к **C³**): Bla bla bla...

C⁴ (обращение к **C³**): quel est le rapport entre défendre l'histoire du pays (qui n'a pas besoin d'être défendue, puisque c'est un fait) et la laïcité ?

C³ (обращение к **C⁴**): révisitez l'histoire de la gauche et ce que défend LFI aujourd'hui. Un gouffre.

C¹ (обращение к **C²**): c'est tout à fait ça.

Если представить приведенный полилог в виде схемы, получим следующую сложную структурную конфигурацию:

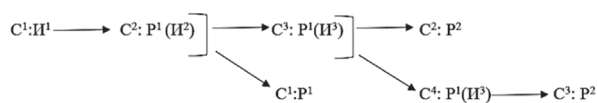

Рис. 4. Полилог с подраговорами

Как видим, присоединение новых собеседников к разговору значительно усложняют структуру интеракции.

Особая конфигурация создается в случае, когда один шаг интерактанта разделяется на несколько реплик, адресованных одному (как в (5)) или нескольким (как в (6)) собеседникам.

- (5) **C¹** (обращение к **C²**): tes parents ont donc été très égoïste
C² (обращение к **C¹**): c'est cela. Ce n'est pas parce que vos parents ont été égoïstes qu'il fait faire la même erreur.
C² (обращение к **C¹**): je vous retourne le conseil.
- (6) **C¹** (обращение к **C³**): en fait tu es égoïste et frustré..c'est pour ça que tu perd du temps sur Facebook pour essayer de culpabilise les gens. Je denoterais presque une bonne frustration de pas avoir eu d'enfant ☹️
C² (обращение к **C³**): laisse tomber les gens ne sont pas encore assez près du mur on dirai , mais bon plus le temp passe plus ça leur fera mal quand il prendront la réalité en pleine figure
C³ (обращение к **C¹**): a part des insultes ça ne répond pas à la question que j'ai posé. Cela n'a rien de constructif. N'est ce pas cela le signe de la frustration ?
C³ (обращение к **C²**): j'aime bien les voir s'auto-persuader qu'ils ont fait le bon choix maintenant qu'ils en ont. Ca me détend.

При рассмотрении примеров можно заметить, что **C²** в (5) использует асинхронность коммуникации, чтобы «вдогонку» уязвить собеседника, дополнив свое предыдущее высказывание. Однако в данном случае с трудом можно говорить об отдельных коммуникативных ходах, в отличие от двух следующих друг за другом реплик **C³** в примере (6), содержащих обращение к разным собеседникам. Таким образом, последовательно отвечая на сообщения, адресованные ему, **C³** развивает параллельно

несколько подразговоров. Или же речь идет о различных коммуникативных ходах в рамках одного разговора? Как можем отметить, реплика **C²** содержит отсылку к негативным комментариям в адрес **C³**, поэтому в данном случае правомерно отнести его реплику к интеракции между **C¹** и **C³**.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Структурная конфигурация полилогического взаимодействия – вопрос, который пока остается малоизученным и периферийным в современном языкознании. Вместе с тем изучение структурной специфики полилога могло бы пролить свет на новое лингвистическое качество многосторонней формы общения в сопоставлении с диалогом и монологом. Кроме того, интересным и перспективным представляется изучение структуры полилогической коммуникации в рамках различных типов дискурсов.

Предпринимая попытку построить типологию структурных моделей полилога в интернет-дискурсе, мы исходили из исследования функционирования механизма реплицирования. Так, в первом приближении, он схож с механизмом реплицирования в диалоге. Однако в полилоге адресность более вариативна и менее регламентирована, чем в диалоге.

В интернет-полилоге, где нормы общения оказывают меньшее давление на коммуникантов, а специфика виртуальной коммуникации делает возможными алгоритмы, невозможные в реальном общении, структурные модели еще более разнообразны. Мы рассмотрели два их типа: модели со структурой обмена и без структуры обмена. Каждый из типов может быть реализован в различных конфигурациях, специфических для конкретной ситуации общения.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Яковлева Э. Б. Многосторонние формы общения: Полилог как объект лингвистического анализа: Аналитический обзор. М.: ИНИОН РАН, 2006.
2. Roulet E. L'articulation du discours en français contemporain. Bruxelles : P.Lang, 1987.
3. Kerbrat-Orecchioni C., Plantin C. Le trilogue. Lyon: PUL, 1995.
4. Jeanneret T. Fabrication du texte conversationnel et conversation pluri-locuteurs // Cahiers de linguistique française. 1991. №12. P. 83–102.
5. Kerbrat-Orecchioni C. Les interactions verbales. P.: A. Colin, 1998.
6. Круглова С. И. Полилогическая речь (на материале английского языка): дис. ... канд. филол. наук. М., 1997.
7. Попова Т. В. Типы полилогических единств в речевом общении коммуникантов, выполняющих относительно равные роли (на материале драматических произведений современных английских и американских авторов): дис. ... канд. филол. наук. СПб., 1995.
8. André-Larochébouvy D. Introduction à l'analyse sémiolinguistique de la conversation. P.: Didier, 1984.

REFERENCES

1. Yakovleva E. B. (2006) *Mnogostoronnie formy obshcheniya: Polilog kak ob'ekt lingvisticheskogo analiza* = Multilateral Forms of Communication: Polylogue as an Object of Linguistic Analysis. Moscow: INION RAN. (In Russ.)
2. Roulet E. (1987). *L'articulation du discours en français contemporain*. Bruxelles : P.Lang.
3. Kerbrat-Orecchioni C., Plantin C. (1995). *Le trilogue*. Lyon: PUL.
4. Jeanneret T. (1991). *Fabrication du texte conversationnel et conversation pluri-locuteurs* // Cahiers de linguistique française, №12, 83–102.
5. Kerbrat-Orecchioni C. (1998). *Les interactions verbales*. P.: A. Colin.
6. Kruglova, S. L. (1997) *Polilogicheskaya rech'(na materiale angliyskogo yazyka)* = Polylogical speech (on the material of English language): PhD in Philology. (In Russ.)
7. Popova T. V. (1995) *Tipy polilogicheskikh edinstv v rechevom obshchenii kommunikantov, vypolnyayushchikh otnositel'no ravnye roli (na materiale dramaticheskikh proizvedenij sovremennykh angliyskikh i amerikanskikh avtorov)* = Types of polylogical entities in the speech communication of communicants performing relatively equal roles (based on the dramatic works of contemporary English and American authors) : PhD in Philology. (In Russ.)
8. André-Larochebouv D. (1984). *Introduction à l'analyse sémiolinguistique de la conversation*. P.: Didier.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Быкова Ольга Алексеевна

кандидат филологических наук

доцент кафедры лексикологии и стилистики французского языка факультета французского языка

Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Bykova Olga Alekseevna

PhD in Philology, Senior lecturer at the department of lexicology and stylistics,

Faculty of the French Language, Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию 19.09.2022
одобрена после рецензирования 17.10.2022
принята к публикации 14.11.2022

The article was submitted 19.09.2022
approved after reviewing 17.10.2022
accepted for publication 14.11.2022

Научная статья

УДК 811.13

DOI 10.52070/2542-2197_2022_13_868_24

Романские вкрапления в дискурсивном пространстве интернет-мемов

Е. Е. Голубкова¹, С. В. Канашина²

¹Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия

²Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации, Москва, Россия

¹katemg@yandex.ru

²svetlanakanashina@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена романским (испанским) вкраплениям в дискурсивном пространстве интернет-мемов. Актуальность и новизна исследования обусловлены необходимостью рассмотреть иноязычные элементы в семиотически неоднородных дискурсах, в частности, дискурсе малого формата, а также недостаточной изученностью дискурсивного пространства интернет-мемов. Исследование показало, что романские вкрапления стилистически разнообразны, отличаются особым прагматическим заданием, а также могут порождать комический эффект.

Ключевые слова: интернет-мем, романские вкрапления, заимствования, комический эффект, лингвокультура

Для цитирования: Голубкова Е. Е. Романские вкрапления в дискурсивном пространстве интернет-мемов // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2022. Вып. 13 (868). С. 24–28. DOI 10.52070/2542-2197_2022_13_868_24

Original article

Romanic Insertions in English Internet Memes

Ekaterina E. Golubkova¹, Svetlana V. Kanashina²

¹Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia

²Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russia

¹katemg@yandex.ru

²svetlanakanashina@yandex.ru

Abstract. The article looks at Romanic lexical units in the discourse of internet memes. The research is new and relevant because there is a strong need to analyse foreign words in semiotically hybrid discourses, in particular, in mini format discourse such as internet memes. Besides, the discursive features of internet memes are not fully examined. The research shows that Romanic lexical units have a rich stylistic potential, special pragmatic functions and can generate a humorous effect.

Keywords: internet meme, Romanic lexical units, borrowings, humorous effect, linguoculture

For citation: Golubkova, E. E., Kanashina, S. V. (2022). Romanic insertions in English internet memes. Vestnik of Moscow State Linguistics University. Humanities, 13(868), 24–28. DOI 10.52070/2542-2197_2022_13_868_24

ВВЕДЕНИЕ

Как отмечают многочисленные исследователи, дискурс представляет собой открытую систему, способную к интеграции иноязычных элементов [Новожинова, 2012, Норлусенян, 2010]. Иноязычные вкрапления в дискурсивном пространстве давно и пристально изучаются и с точки зрения билингвизма, и с точки зрения стилистических функций [Маркелова, 2010, Маркелова, 2012]. Смена языкового кода, однако, не рассматривалась на материале особого вида интернет дискурса малой формы – интернет мемов [Канашина, 2016]. Представляется актуальным рассмотреть романские вкрапления в дискурсе интернет-мемов на английском языке ввиду распространенности данных единиц интернет-коммуникации и неизученности вопроса их функциональных особенностей.

Материалом исследования послужили 50 мемов, содержащих романские вербальные вкрапления и отобранных из разнообразных интернет-ресурсов. Методология опиралась на процедуры дискурсивного и мультимедийного анализа, стилистический анализ дискурса, а также лингвокультурологический анализ семиотически осложненных единиц.

ОСОБЕННОСТИ ИСПАНСКИХ ВКРАПЛЕНИЙ В АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ИНТЕРНЕТ-МЕМАХ

Романские вкрапления достаточно востребованы в интернет-мемах, что мотивировано, прежде всего, межкультурными контактами, иммиграцией и исторической близостью романской и англосаксонской лингвокультур. Кроме того, открытость и динамичность компьютерно-опосредованной коммуникации, в рамках которой функционируют интернет-мемы, способствует интеграции разных языков и диалогу культур.

Испанские вкрапления в англоязычные интернет-мемы представляют особый интерес, отражая особенности взаимодействия американской и латиноамериканской лингвокультур. В дискурсивном пространстве мемов представлены разнообразные испанские лексемы, среди которых как ассимилированные (например, *siesta*, *macho*, *tortilla* и т. д.), так и неассимилированные заимствования.

Примечательным является также использование так называемого Mock Spanish (букв. 'шуточный, пародийный испанский') в дискурсе интернет-мемов. Mock Spanish включает в себя единицы испанского языка, которые встроились в англоамериканскую лингвокультуру и приобрели

пренебрежительную и насмешливую коннотацию. Стоит отметить, что латиноамериканцы традиционно подвергаются стереотипизации, комической репрезентации, а также могут становиться объектами расизма и расовой дискриминации в американском интернет-пространстве. Вышеупомянутые факты обуславливают коннотативную нагруженность лексем, принадлежащих к Mock Spanish.

Рис. 1. Интернет-мем 1

Рис. 2. Интернет-мем 2

(<https://memegenerator.net/>)

На рисунке 1 представлен интернет-мем, в котором вербальный компонент переводится следующим образом: «До свидания, Берни!». Клише *Hasta la vista* принадлежит к пласту лексики Mock Spanish, потому что укоренилась устойчивая шутивно-ироничная коннотация данного словосочетания. Прецедентным основанием этого мема служит экстралингвистический политический контекст. Американский политик Хилари Клинтон, баллотировавшаяся на пост президента от Демократической партии США в 2016 году, обращается к Бернарундерсу, который также выдвигал свою кандидатуру от Демократической партии. Взаимодействие вербального и визуального компонентов порождает карикатурный и гротескный образ враждебной и жестокой Х. Клинтон, бросающей вызов сопернику. Также легко декодировать прецедентную отсылку к культовой фразе *Hasta*

la vista, baby из фильма «Терминатор», благодаря чему интернет-мем приобретает комическую тональность.

На рисунке 2 сопроводительная надпись переводится следующим образом: «До свидания, друзья! Границы закрыты, увидимся в Тихуане¹». В данном случае используются лексемы *adios amigos*, которые включены в состав Mock Spanish. Применительно к клише *adios amigos* укоренилась устойчивая ироничная коннотация, которая прослеживается в данном меме. Наблюдается прецедентная отсылка к антииммигрантской политике Д. Трампа, который прибегал к иммиграционным барьерам для латиноамериканцев. Вымышленная реплика Д. Трампа содержит дерогативную оценку носителей латиноамериканской культуры за счет опоры на коннотативно нагруженное клише *adios amigos*.

Как показывают рассмотренные примеры, романские вкрапления в дискурсивном пространстве мемов несут в себе богатый образный потенциал. Они способны создать комический эффект за счет актуализации прецедентных феноменов, а также привнести оценочность в отношении субъектов коммуникации. Ярко прослеживается отсутствие нейтрального статуса лексем Mock Spanish. Напротив, наблюдается шутивно-ироничная коннотация, а также возможно появление дерогативной окраски.

Оригинальными представляются романские вкрапления в дискурсе интернет-мемов, которые реализуются как переключение кодов с одного языка на другой. В этом случае интернет-мем становится билингвальным пространством, интегрирующим знаки разноязычной природы.

Рис. 3. Интернет-мем 3

¹ Город в Мексике рядом с государственной границей США.

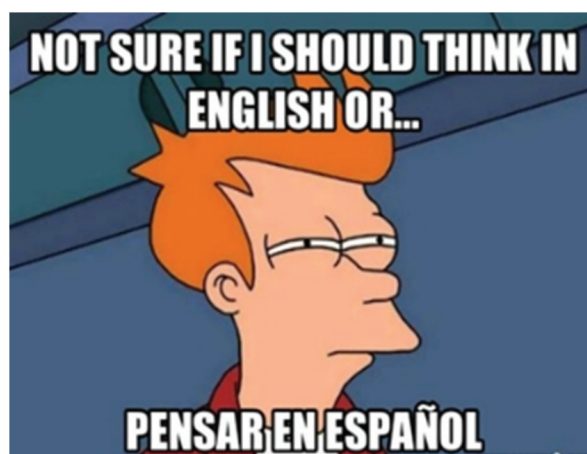

Рис. 4. Интернет-мем 4

(<https://www.facebook.com/TeikirisyTShirts/>)

На рисунке 3 изображен мем с переключением кодов. Сопроводительная надпись является контаминированной двуязычной конструкцией, интегрирующей английские и испанские лексемы. Перевод вербального сопровождения: «Сохраняй спокойствие и говори на Спанглиш (англ. Spanglish²). Отмечается оригинальная стилистика и лингвокреативный характер данного мема за счет переключения кодов и апелляции к двум лингвокультурам одновременно. Кроме того, комический эффект порождается благодаря контрасту британской короны как символа благородства и монархии и высоко эрративной, стилистически сниженной вербальной надписи.

На рисунке 4 также продемонстрирован мем, в котором задействовано переключение кодов. Вербальное сопровождение переводится следующим образом: «Не уверен, стоит ли мне мыслить на английском или мыслить на испанском». Переключение кодов с английского на испанский создает эффект абсурда и генерирует комизм, а также превращает дискурсивное пространство мема в лингвокреативную среду, в которой романские лексемы передают яркую образность.

Эмпирический материал указывает на то, что в дискурсе мемов переключение кодов с английского на испанский может использоваться как лингвокреативный прием, направленный на порождение стилистически, оригинального вербального сопровождения, которое способно привлечь внимание реципиента.

² Смешанный язык с чертами английского и испанского.

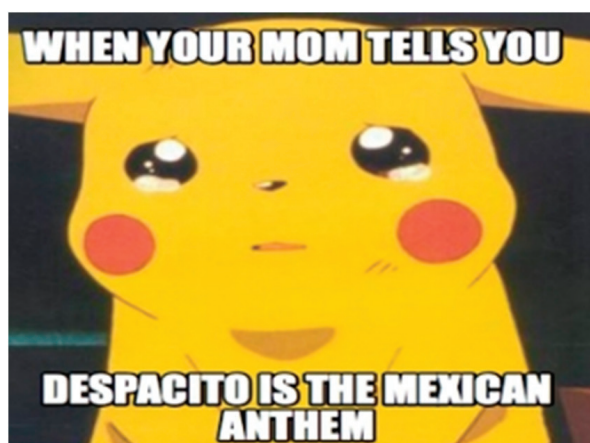

Рис. 5. Интернет-мем 5

(<https://www.memecreator.org/meme/when-your-mom-tells-you-despacito-is-the-mexican-anthem/>)

Рис. 6. Интернет-мем 6

(<https://imgflip.com/i/1cqdor>)

Рассмотрим пример на рисунке 5. Вербальный компонент переводится как: «Когда твоя мама говорит тебе, что *despacito*¹ – мексиканский гимн». В данном примере романское вкрапление *despacito* служит лингвокультуремой, которая передает национальный колорит. Абсурд в сопроводительной надписи порождает комический эффект мема.

В интернет-меме на рис. 6 употребляется испанская лексема *senior*. Вербальный

компонент мема переводится следующим образом: «Нет-нет, сеньор Ассанж! Я не отключала Интернет». В этом примере разворачивается сложная полимодальная метафора, построенная на прецедентности и апеллирующая к экстралингвистическому контексту. Персонаж мема обращается к основателю «WikiLeaks» Джулиану Ассанжу, который благодаря хакерской деятельности смог раздобыть и обнародовать секретные документы, касающиеся политической деятельности, коррупции, внешней политики и т. д. Автор мема прибегает к комической репрезентации деятельности Дж. Ассанжа.

Как показали интернет-мемы 5 и 6, романские вкрапления могут выполнять функции лингвокультурем, которые используются с целью привнесения культурного колорита и выразительности высказыванию.

Выводы

Таким образом, романские (испанские) вкрапления в дискурсивном пространстве мемов проявляют многофункциональность. Их прагматический эффект определяется особенностями самого дискурса малой формы с гибридизированным семиотическим пространством. В таком мини дискурсе особое значение имеет вербальный компонент, любое отклонение от нормы в котором выполняет важную прагматическую задачу. Соединение английского и испанского языков в пределах вербальной части одного интернет мема «работает» одновременно на нескольких таксономических уровнях: на концептуальном уровне оно свидетельствует о взаимодействии американской и латиноамериканской лингвокультур, на лингвокультурологическом уровне несет в себе отсылки к прецедентным феноменам, на языковом уровне создает условия для игры слов, развития коннотаций и создания стилистического эффекта. Испанские лексемы (в особенности Mock Spanish) могут выступать носителями коннотаций, за счет чего, как правило, передается оценочность или комическая характеристика персонажей. Наконец, романские вкрапления могут выполнять функцию лингвокультурем и привносить культурный колорит.

¹ Популярная песня на испанском языке.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Новоженова З. Л. Иноязычные вкрапления как дискурсивное явление: русское слово в чужом тексте // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Филология, педагогика, психология. 2012. № 8. С. 37–42.
2. Норлусеня В. С. Иноязычные вкрапления: современное состояние проблемы // Вестник Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого. 2010. № 57. С. 63–66.

3. Маркелова Т. И. Стилистический аспект переключения кода в англоязычном дискурсе СМИ // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2010. Вып. 596. С. 187–199.
4. Маркелова Т. И. Стилистическая значимость иноязычных вкраплений в английском публицистическом тексте // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2012. Вып. 650. С. 131–139.
5. Канашина С. В. Интернет-мем как новый вид полимодального дискурса в интернет-коммуникации (на материале английского языка): дис. ... канд. филол. наук. М., 2016.

REFERENCES

1. Novozhenova, Z. L. (2012). Foreign Inclusions as a Discursive Phenomenon: Russian Words in Foreign Texts. Vestnik of IKBFU. Philology, pedagogy, and psychology. №. 8. P. 37–42.
2. Norlusenyan, V. S. (2010). Inoyazychnyye vkrapleniya: sovremennoye sostoyaniye problemy = Foreign language inclusions: the current state of the problem / Vestnik of Yaroslav-the-Wise Novgorod State University. №. 57. P. 63–66.
3. Markelova, T. I. (2010). Stylistic Function of Code Switching in the English discourse. Vestnik of Moscow State Linguistic University, 596, 187–199.
4. Markelova, T. I. (2012). Stylistic Salience of Foreign Insertions in the English Publicist Style. Vestnik of Moscow State Linguistic University, 650, 131–139.
5. Kanashina, S. V. (2016). Internet-mem kak novyy vid polimodal'nogo diskursa v internet-kommunikatsii (na materiale angliyskogo yazyka) = Internet meme as a new type of polymodal discourse in Internet communication (based on the material of the English language): PhD in Philology. Moscow.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Голубкова Екатерина Евгеньевна

доктор филологических наук, профессор
профессор кафедры лексикологии английского языка факультета английского языка Московского государственного лингвистического университета

Канашина Светлана Валериевна

кандидат филологических наук, доцент, Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Golubkova Ekaterina Evgenievna

Doctor of Philology (Dr. habil.), Professor, Professor at the Department of English Lexicology, Faculty of the English Language, Moscow State Linguistic University

Kanashina Svetlana Valerievna

PhD (Philology), Assistant Professor, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation

Статья поступила в редакцию 14. 11.2022
одобрена после рецензирования 29. 11.2022
принята к публикации 07. 12.2022

The article was submitted 14. 11.2022
approved after reviewing 29. 11.2022
accepted for publication 07. 12.2022

Роль гиперо-гипонимических отношений в вербализации пространственной и временной категоризации

В. Г. Кузнецов

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия

vgk.avamo@mail.ru

Аннотация. В статье в сопоставительном аспекте рассматривается вербализация фундаментальных категорий – пространства и времени – гиперонимами и гипонимами в трех языках – французском, английском и русском. В связи с этим разработано определение гиперо-гипонимических отношений, основанное не на таксономических, а на лингвистических принципах. Установлено, что вербализация пространственной и временной категоризации обусловлена этносемантическими факторами.

Ключевые слова: категоризация пространственная, категоризация темпоральная, гипероним, гипоним, вербализация, языковая картина мира

Для цитирования: Роль гиперо-гипонимических отношений в вербализации пространственной и временной категоризации // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. Вып. 13 (868). С. 29–34. DOI 10.52070/2542-2197_2022_13_868_29

Original article

The Role of Hypero-hyponymic Relations in the Verbalization of Spatial and Temporal Categorization

Valeriy G. Kuznetsov

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia

vgk.avamo@mail.ru

Abstract. The article explores in comparative aspect the verbalization of fundamental categories – spatial and temporal by hyperonyms and hyponyms in three languages: French, English and Russian. In connection with this the definition of hypero-hyponymic relations is worked out on the basis of linguistic principles instead of taxonomic ones. It was revealed that the verbalization of spatial and temporal categories is due to ethnosemantic factors.

Keywords: spatial categorization, temporal categorization, hyperonym, hyponym, verbalization, language world view

For citation: Kuznetsov, V. G. (2023). The role of hypero-hyponymic relations in the verbalization of spatial and temporal categorization. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 13(868), 29–34. DOI 10.52070/2542-2197_2022_13_868_29.

КОГНИТИВНЫЙ АСПЕКТ ГИПЕРО-ГИПОНИМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Известный специалист по семантике, британский лингвист Дж. Лайонз справедливо отмечает, что гипонимия является фундаментальным смысловым отношением, посредством которого структурирована лексико-семантическая система языка [Лайонз, 1978]. Термин «гипонимия» является относительно новым и образован по аналогии с терминами «синонимия» и «антонимия». Но само понятие гипонимии существует давно и часто обозначалось термином «включение».

В лингвистической литературе, даже в работах таких авторитетных семантиков, как Дж. Лайонз, М. А. Кронгауз, М. В. Никитин, определение гиперо-гипонимических отношений ограничено родо-видовыми типами: *птица* – гипероним, *синица*, *воробей*, *ворона* – гипонимы. По аналогии пример на материале французского языка: гипероним *légumes* – овощи включает гипонимы *courge* – тыква, *poivre* – перец, *oignon* – лук, *concombre* – огурец, *tomate* – помидор и др. Между тем подобное выделение гиперо-гипонимических отношений является таксономическим, ограниченным и не отражает их лингвистическое содержание, а именно, видо-видовой аспект гипонимов. Так, во французском языке существуют гипонимы, обозначающие разные виды тыкв, перца и лука: *potiron* – бутылочная тыква, *coloquinte* – горькая тыква; *poivron* – ямайский перец; *ciboule* – лук-тамарка, *échalote* – лук-шарлот.

Большой недостаток таксономической классификации гипонимов состоит в том, что она не предоставляет возможность выделять гипонимы, вербализующие внутренний мир человека. Примеры из французского и английского языков: *trac m.* – страх перед публичным выступлением; *toiser* – смерить взглядом кого-л. (с ног до головы); *to peer* – смотреть прищурясь, *to glower* – смотреть сердито.

Поэтому определение гиперонимов и гипонимов должно быть дополнено на основе широты и узости референтной и номинативной базы. Это позволит расширить и дифференцировать традиционное таксономическое определение гиперо-гипонимических отношений. **Гиперонимы** – лексические знаки с обобщающим родовидовым значением и широкой номинацией. Гипонимы представляют собой лексические знаки с видо-видовым значением, характеризующиеся конкретной, детальной номинацией и узкой референцией, совмещающие несколько значений, однословные по своему морфологическому составу. Пример гиперо-гипонимических отношений, иллюстрирующий

отличие лингвистического определения от таксономического: гипероним французского языка *la monture* – верховое животное (лошадь, верблюд, осел). Гипонимы обозначают разновидности лошадей и верблюдов: *déstrier* – боевой конь, *paleferoi* – конь для парадных выездов, *soureur* – скаковая лошадь; *dromadaire* – одногорбый верблюд, *méhari* – верховой верблюд.

Гипонимы представляют собой сочетание, комбинацию нескольких означаемых при одном означающем. Например, *to orient*, одно из значений английского глагола – строить церковь алтарем на восток. Гипоним-глагол состоит из следующих означаемых: определенное действие + конкретный предмет действия + направленность действия. Семантическая структура гипонима-существительного, например: *maroon* – человек, высаженный на необитаемый остров: человек + применяемое по отношению к нему целенаправленное действие + результат этого действия.

Цель данной статьи – проанализировать роль гиперо-гипонимических отношений в вербализации пространственных и временных категорий в трех языках: французском, английском и русском.

КАТЕГОРИИ ПРОСТРАНСТВА И ВРЕМЕНИ

Прошло более 25 тыс. лет с тех пор, как было положено начало осмыслению человеком категорий пространства и времени. Тем не менее интерес к этой онтологической и гносеологической проблеме со стороны не только лингвистов, но и философов, культурологов, физиков и представителей других наук нисколько не ослабевает. И. Кант утверждал, что мы не можем мыслить мир вне времени и пространства [Кант 1994]. Время и пространство являются важными, фундаментальными категориями. Пространство имеет первостепенное значение в процессе познания человеком окружающего мира. Человек воспринимает пространство как среду его бытования.

Так, в английском языке имеет место различие выражения пространственных отношений глаголами с послелогом, отсутствующее во французском и русском языках: употребляют *to sit down*, когда действие осуществляется из положения стоя, и *to sit up*, когда действие осуществляется из положения сидя.

В качестве особенностей выражения категории времени рассмотрим членение суток во французском языке. Во-первых, отсутствует однословное, нерасчлененное обозначение понятия «сутки», употребляются словосочетания *jour et nuit* и *vingt-quatre heures*. Во французском языке *minuit*

и *midi* имеют большую значимость, поскольку служат точками отчета времени суток: *matin* утро начинается в *minuit* полночь и продолжается до *midi* полдень, а время с полудня до 6 часов вечера – дневное время. *Trois heures de l'après-midi* – три часа дня. В русском языке предлог *перед* сочетает пространственное и временное значение, в то время как в английском и во французском имеет место различие: *перед домом* – *in front of the house* / *devant la maison*, *перед едой* – *before the meal* / *avant le repas*.

Следует отметить, что носители языка не осознают наличие гиперонимов и гипонимов в их родном языке. Они выявляются в процессе перевода и сопоставительного изучения языков.

РОЛЬ ГИПЕРОНИМОВ И ГИПОНИМОВ В ВЕРБАЛИЗАЦИИ ПРОСТРАНСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ

Рассмотрим подробнее выражение пространственных отношений гиперонимами и гипонимами в трех языках. Например выражение пространственных отношений гиперонимом: в русском языке имеется глагол с общим значением *идти*, в то время как во французском и английском языках употребляются разные глаголы в зависимости от того, перемещение в пространстве осуществляется от говорящего или по направлению к говорящему: *aller* / *venir*, *go* / *come*.

Более значительную роль в вербализации пространственных отношений и, как будет показано ниже, в вербализации временных отношений играют гипонимы. Во французском языке примеров гипонимов, вербализующих положение предмета в пространстве, довольно многочисленны: *accroche-cœur m.* – завиток волос на виске или на лбу; *horloge f.* – уличные или башенные часы, *pendule f.* – часы настольные, стенные, каминные (в качестве эквивалента в английском и русском языках используется слово с общим значением – *clock* и *часы*); *giron m.* – 1. часть тела от поясицы до колен (английский эквивалент *lap*), 2. ширина ступени лестницы; *étocs m. pl.* – прибрежные подводные скалы; *estran m.* – маршеый берег (низменная полоса морского берега, подверженная воздействию высоких приливов); *lido m.* – береговой вал, гряда наносов на берегу; *garenne f.* – место у реки, где разрешена рыбная ловля.

Глаголы английского языка, вербализующие положение в пространстве: *to straggle* – быть разбросанным, тянуться беспорядочно; *to stagger* – располагать в шахматном порядке; *to straddle* – широко расставлять ноги. Вербализация действия,

происходящего в определенном пространстве: фр.: *barboter* – шлепать по грязи; англ. *to splash* – шлепать по грязи или воде; *to paddle* – шлепать по неглубокой воде. Гипонимы французского языка, обозначающие положение предмета в общественном или определенном географическом пространстве: *halle f.* – общественный крытый рынок, *baza m.* – общественный крытый рынок на Востоке, *souk m.* – крытый рынок в странах Северной Африки; *speos m.* – подземный храм в Египте.

Существуют гипонимы, обозначающие часть, которую занимает предмет в общем пространстве: фр. *margelle f.* – край колодца или фонтана; *coursive f.* – узкий коридор внутри судна; англ. *gangway* – 1. проход между рядами (кресел и т. п.). 2. проход, разделяющий палату общин в английском парламенте на две части; *aisle* – проход между рядами в церкви.

Во французском и английском языках есть однословные антонимичные гипонимы пространственного характера, которых нет в русском языке: *babord m.* – левый борт, *tribord m.* – правый борт; англ. *port* / *starboard*.

Гипонимы французского и английского языков, выражающие способ перемещения в пространстве: *arpenter* – ходить большими шагами (на английский также передается словосочетанием *stride along*). Во французском и английском языках имеется гипоним, отсутствующий в русском: *débandade f.*, *rout* / *stampede* – беспорядочное бегство. Во французском, английском и русском языках есть гипоним *passage m.*, *passage*, *пассаж*, обозначающий ритмическое движение лошади на короткой рыси с энергичными мягкими подъемами и сгибанием ног. Особенности перемещения в пространстве выражаются глаголами французского, английского и русского языков: *chanceler* / *to stagger* / *шататься*; *sauter* / *to jump* / *прыгать*; *traîner (la jambe)* / *to schuffle* / *волочиться*.

Французский гипоним *schusse m.* указывает направление перемещения в пространстве: прямой, без остановок спуск на лыжах. Направление движения выражается глаголами французского, английского и русского языков *arriver* / *to arrive* / *прибыть*; *partir* / *to depart* / *отбывать*.

Во французском, английском и русском языках есть глаголы, обозначающие перемещение по определенной поверхности: по твердой поверхности *marcher* / *to walk* / *идти*; по воздуху *voler* / *to fly* / *летать*; по водной поверхности *nager* / *to swim* / *плавать*.

Действие, имеющее целью придать предмету определенное направление перемещения в пространстве, выражается во французском языке глаголами *jeter* и *lancer*. Оба глагола переводятся во французо-русском словарях как *бросать*. Однако

тем между ними существует различие. *Jeter* не предполагает ни значительных усилий, ни достижения определенной цели. В то время как *lancer* означает *бросать предмет* (например мяч) *в определенном направлении в пространстве, чтобы попасть в цель*.

Гипонимы из области морского дела: *chavirer* – *опрокинуться* (о судне) *таким образом, что вода затопляет палубу* (английские эквиваленты *to capsizes, to turn turtle*); *échouer* – *сесть на мель, на рифы, на подводный камень* (эквиваленты английского языка *to stand, to ground, to beach*).

Понятие контейнера, разработанное в когнитивной лингвистике, включает: 1. *положение предмета в определенном месте пространства: вверху – внизу*, 2. *деление пространства на определенные доли*. Во французском языке есть гипоним, отсутствующий в английском и русском, вербализующий движение вверх в определенном пространстве: *remonte f.* – 1. *плавание судов вверх по реке*, 2. *ход рыбы для нереста вверх по реке*. Во франко-английском словаре в качестве эквивалентов приводятся слова с общим значением *ascent* и *running*. Гипонимы английского языка *abseil* – *спускаться по крутому склону с помощью веревки* и *swoor* – *устремляться вниз на свою жертву* (о хищной птице) означают «движение вниз».

Гипонимы французского и английского языков, означающие положение предмета в нижней части пространства: фр. *cor m.* – *мозоль на ступне*. Во французском и английском языках имеются отсутствующие в русском гипонимы *orteil m.* и *toe* – *палец на ноге*. Примером положения в нижней части определенного пространства могут служить гипонимы английского и французского языков *prone* – *лежащий ничком* и *étos m.* – *опасная для судоходства прибрежная скала*. Деление пространства на определенные доли может быть проиллюстрировано на примере французского гипонима *allotissement m.* – *деление земли на участки*. В английском и русском языках отсутствуют однословные эквиваленты.

РОЛЬ ГИПОНИМОВ В ВЕРБАЛИЗАЦИИ ТЕМПОРАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Темпоральность включает следующие временные отношения: длительности, скорости, прерывистости, отношение к определенному временному периоду. Эти отношения, так же как и пространственные, характеризуются этносемантической. Длительность, продолжительность какого-либо события вербализуется в английском и французском языках гипонимами *spell* – *короткий промежуток времени*; *lay-day* – *время стоянки* (день пребывания судна в порту с момента захода до

отплытия); фр. *randonnée f.* – *продолжительная прогулка*; *estarie f.* – *время стоянки судна для разгрузки и погрузки*.

Темпоральная прерывистость выражается следующими французскими гипонимами: *bourrasque f.* – *порыв ветра*, *grain m.* – *короткий шквал*, *redoux m.* – *короткий промежуток потепления в холодную погоду*.

Скорость и характер скорости определенного действия выражается гипонимами английского языка *to scud* – *стремительное плавное движение*, *to rocket* – *увеличиваться быстро и внезапно*, *to hack* – *ехать верхом не спеша*. Французские и английские гипонимы, обозначающие действие, которое длится медленно и долго: *mitonner* – *варить долго на слабом огне*, *mijoter* – *варить на медленном огне обычно в собственном соку*; англ. *screech* – *длинная нудная речь*. Во французском языке имеется эквивалент – гипоним *harangue f.*

Интенсивность природных явлений (дождь, снег, ветер) выражается гипонимами английского языка *gust* – *порыв ветра, хлынувший дождь*; *flurry* – *неожиданный ливень или снегопад*.

Представляет интерес то, что в английском языке имеются гипонимы, обозначающие определенный возраст: *teg* – 1. *овца на втором году*, 2. *самка оленя на втором году*; *toddler* – *ребенок, начинающий ходить*.

Примеры гипонимов отнесенности события к определенному периоду времени *vintage* – *марочное вино, произведенное в определенном году и определенном регионе*. Гипоним французского языка *réveillon m.* не имеет эквивалентов-гипонимов в русском и английском языках и переводится словосочетанием: *праздничный ужин в Рождественскую ночь, Christmas Eve party*. Французский гипоним *rentrant m.* – *учащийся, начинающий учебный год после каникул* не имеет эквивалента ни в русском, ни в английском языках.

Примеры английского языка: *to jig* – *быстро* (темпоральность) *двигаться взад и вперед* (перемещение в пространстве), *to snatch* – *быстро* (темпоральность) *схватить что-либо* (положение в пространстве), *to trudge* – *идти устало с трудом* (перемещение в пространстве и скорость перемещения). Пример из французского языка: гипоним *embardée f.* – *резкое изменение* (темпоральность) *движения судна* (пространственность) *под действием ветра, течения*.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Гипонимы благодаря точечной номинации обладают свойством детальной, подробной структуризацией

окружающего мира, отражают особенности концептуализации и категоризации объективной действительности языковым коллективом, помогая изучить его культурный код, то есть языковую картину мира.

Языковая картина мира (ЯКМ) формируется в соответствии с концептуализацией и категоризацией объективной действительности. Категоризация – когнитивное расчленение осмысленного человеком внешнего (объективной реальности) и внутреннего (духовного мира), которые представляют собой в единстве Бытие.

В основе определения языковой картины мира лежит представление о языке как своего рода сетке, которую он набрасывает на наше сознание в процессе восприятия внешнего и внутреннего мира. Тем самым язык выступает в качестве посредника, промежуточного звена между человеком и миром. ЯКМ представляет собой модель мира, оформленную языковыми, главным образом лексическими средствами. Философ Л. Витгенштейн образно сказал по этому поводу: «Границы моей речи указывают на границы моего мира» [Витгенштейн, 2005, с. 180], далее «И то, что мир – это мой мир, обнаруживается в том, что границы речи, единственной речи, которую из всех я понимаю, указывают на границы моего мира» [там же, с. 182].

ЯКМ – это отражение внешнего и внутреннего мира, культуры языкового коллектива в зеркале его языка. Многие авторы предлагают собственное определение ЯКМ, которые можно обобщить, основываясь на учении В. Гумбольдта о внутренней форме языка: **языковая картина мира** – это восприятие объективной реальности (внешнего и внутреннего мира) через посредство лексико-семантической и грамматической системы родного языка. Языковая картина мира носит социальный характер. Важно подчеркнуть, что ЯКМ является общей для всех членов языкового коллектива. Поэтому неправомерно выделение некоторыми авторами индивидуальной ЯКМ. В данном случае правильно говорить о преломлении общего в индивидуальном сознании [Гончарова, 2012].

В самом деле, если бы у членов языкового коллектива существовала индивидуальная ЯКМ, это серьезно затрудняло бы общение.

С когнитивной точки зрения гиперонимы представляют собой обобщенную, а гипонимы – конкретную номинацию. Неправомерно, как это делает французский антрополог и этнолог Люсьен Леви-Брюль в соответствии со своим учением о дологическом мышлении, соотносить слова-гиперонимы с абстрактным мышлением, а гипонимы с конкретным. Например, в австралийских языках отсутствуют родовые слова *дерево*, *рыба* и *птица*, имеются только слова, обозначающие разновидности деревьев, рыб и птиц.

Шарль Балли, ученик и последователь Ф. де Соссюра, выдающийся представитель Женевской лингвистической школы отмечал, что не следует проводить параллель между структурой языка и уровнем развития мышления народа, который говорит на этом языке. Он даже выказался иронически по этому поводу. «Английскому путешественнику кажется странным, что в языке народа, чуждого цивилизации, используется один и то же глагол «любить», когда речь идет о друзьях и о еде. Англичанин смотрит на мир с точки зрения своего языка, где различаются глаголы *to love* и *to like*, но тогда французы – тоже дикари, поскольку они говорят *aimer une femme* ‘любить женщину’ и *aimer le pot-au feu* ‘любить жаркое!’» [Балли, 2003, с. 69].

Другой видный представитель Женевской школы, русский по происхождению, Сергей Карцевский в своей статье «Об асимметричном дуализме лингвистического знака», принесшей ему мировую славу, обосновал, что «Будучи семиологическим механизмом, язык движется между двумя полюсами, которые можно определить как *общее* и *отдельное*, *абстрактное* и *конкретное*» [Карцевский, 2004, с. 239]. Гиперонимия и гипонимия, которые выражают отношение включения и отражают категории общего и отдельного, рода и вида, представляют собой семантическое отношение, существующее во всех языках, и тем самым могут рассматриваться как языковая универсалия.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Лайонз Дж. Введение в теоретическую лингвистику. М.: Прогресс, 1978.
2. Кант И. Критика чистого разума. М.: Мысль, 1994.
3. Витгенштейн Л. Логико-философский трактат. // Избранные работы. М.: Территория будущего, 2005. С. 14–221.
4. Гончарова Н. Н. Языковая картина мира как объект лингвистического описания // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2012. № 2. С. 396–405.
5. Балли Ш. Язык и жизнь. М.: Едиториал УРСС, 2003.
6. Карцевский С. Об асимметричном дуализме лингвистического знака. // Из лингвистического наследия. Том 2. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 239–245.

REFERENCES

1. Lyons, Jhon (1972). Vvedenie v teoreticheskuyu lingvistiku = Introduction to Theoretical Linguistics. Moscow: Progress. (In Russ.)
2. Kant I. (1994). Kritika chistogo razuma = Critique of pure Reason. Moscow: Mysl'. (In Russ.).
3. Wittgenstein, L. (2005). Logiko-filosofskiy traktat = Tractatus Logico-Philosophicus. Izbrannye raboty (pp. 14–221). Moscow: Territoriya budushchego. (In Russ.)
4. Goncharova, N. N. (2012). Language World View as an Object of Linguistic Description. Bulletin of the Tula State University. Humanitarian Sciences, 2, 396–405. (In Russ.)
5. Balli, Sh. (2003). Yazyk i zhizn' = Language and Life. Moscow: Editorial URSS. (In Russ.)
6. Karcevsky, S. (2004). Ob assimetrichnom dualizme lingvisticheskogo znaka = The Asymmetric Dualism of the Linguistic Sign. Iz lingvisticheskogo naslediya (pp. 239–245). Moscow: Yazyki slavyianskoj kultury. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Кузнецов Валерий Георгиевич

доктор филологических наук, профессор
профессор кафедры лексикологии и стилистики французского языка факультета французского языка
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Kuznetsov Valeriy Georgievich

Doctor of Philology (Dr. habil.), Professor, professor of the Department of French Lexicology and Stylistics,
Faculty of the French language, Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию 10.09.2022
одобрена после рецензирования 10.10.2022
принята к публикации 14.11.2022

The article was submitted 10.09.2022
approved after reviewing 10.10.2022
accepted for publication 14.11.2022

Vanitas в среднефранцузском романе «Chevalier errant» Томмазо Салуццо (эволюция кодекса чести рыцаря в XIV веке)

А. О. Манухина

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия

amanuhina@mail.ru

Аннотация. В статье анализируется эволюция кодекса чести рыцаря в XIV веке на материале сочинения Томмазо Салуццо «Chevalier errant». Материал исследования представляет особый интерес, так как произведение было создано на пересечении культур (французской и итальянской) и эпох (Средневековья и Возрождения). Появление культурного феномена *vanitas* существенно повлияло на восприятие идеалов рыцарства. Нравственные стереотипы XIV века вербализованы в тексте произведения различными языковыми средствами. Цель статьи – выявить и описать оценочные структуры, формирующие специфику кодекса чести рыцаря.

Ключевые слова: нравственные стереотипы рыцарства, среднефранцузский язык, оценочные конструкции.

Для цитирования: Манухина А. О. Vanitas в среднефранцузском романе «Chevalier errant» Томмазо Салуццо (эволюция «Кодекса чести рыцаря» в XIV веке) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2022. Вып. 13 (868). С. 35–40 DOI 10.52070/2542-2197_2022_13_868_35

Original article

Vanitas in the Middle French Novel “Chevalier errant” by Tommaso Saluzzo (the evolution of the “Knight’s Code of Honor” in the XIV century)

Alla O. Manuhina

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia

amanuhina@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the analysis of the evolution of the “Code of Honor of a knight” in the XIV century on the material of the work of Tommaso Saluzzo “Chevalier errant”. The research material is of particular interest, since the work was created at the intersection of two cultures (French and Italian) and epochs (the Middle Ages and the Renaissance). The emergence of the cultural phenomenon of *vanitas* significantly influenced the perception of the ideals of chivalry. The moral stereotypes of the XIV century are verbalized in the text of the work by various linguistic means. The purpose of the article is to identify and describe the evaluation structures that form the specifics of the “Knight’s Code of Honor”.

Keywords: moral stereotypes of chivalry, Middle French, evaluative constructions

For citation: Manuhina, A. O. (2022). Vanitas in the Middle French novel “Chevalier errant” by Tommaso Saluzzo (the evolution of “The Knight’s Code of Honor” in the 14th century). Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 13 (868), 35–40 DOI 10.52070/2542-2197_2022_13_868_35

ВВЕДЕНИЕ

«Кодекс чести рыцаря» – особое явление в европейской культуре, возникшее в X веке вместе с выделением рыцарства как отдельной социальной группы. С X по XIV век представления рыцарства о нравственных ценностях претерпели существенные изменения, и эта эволюция нашла отражение в письменных памятниках эпохи, особенно в художественных произведениях.

Цель статьи – выявить особенности, произошедшие к XIV веку в кодексе чести рыцаря, основываясь на анализе среднефранцузского сочинения Томмазо Салуццо «Chevalier errant», которое объединяет в себе черты куртуазно романа и эпического произведения в стихах.

Материал исследования представляет особый интерес, так как в статье впервые дается лингвистическое описание среднефранцузского текста, выполненного в Пьемонте, т. е. за пределами Франции. Особенность создания «Chevalier errant» заключается в том, что автор, рыцарь-итальянец, писал на среднефранцузском языке, являвшимся для него родным, и был носителем и итальянской, и французской культур.

Томмазо, маркиз Салуццо, был уроженцем Пьемонта. В XIII веке Пьемонт существовал в виде множества феодальных владений, в XIV веке маркграфство Пьемонт перешло вначале под власть французов, а спустя несколько лет – Савойского дома, став частью Савойского герцогства после установления единства Пьемонта с Савойей. Поэтому в Средневековье в этом регионе говорили на старофранцузском и среднефранцузском языках.

Произведение «Chevalier errant» было написано в течение двух лет, в 1394–1396 годах, когда Томмазо Салуццо находился в плену в Турине у Людовика Пьемонтского, потерпев поражение от графов Савойских.

Адресат произведения – эрудированная элита Пьемонта, знакомая с творчеством великих французских и итальянских поэтов прошлого и способная расшифровать заключенные в тексте сочинения аллегории и аллюзии, которые не всегда доступны для понимания современному читателю. Сочинение рассчитано на вдумчивое и многоуровневое прочтение: автор «пишет для таких читателей, которые не только знают литературу, повествующую о подвигах и любви, но и узнают себя в ней» [Мюлеталер 1984, с. 27]

Томмазо Салуццо, будучи высокообразованным человеком, писал «Chevalier errant» под влиянием французских аллегорических поэм, самой известной из которых была «Роман о Розе» XIII века Гийома де Лорриса и Жана де Мёна. «Chevalier

errant» написан частично в стихах, частично в прозе. Автор представил в романе аллессию собственной жизни – анонимный рыцарь совершает странствие по свету в поисках славы и богатства. Он попадает в мир любви (le monde d'Amours), фортуны (le monde de Fortune) и познания (le monde de Congnoissance). Но этот поиск, с позиций морали XIV века, не может в итоге увенчаться успехом. Доблесть, слава и богатство, главные составляющие рыцарского идеала, противопоставляются понятию *vanitas* (в значении «суета сует», «тщетность бытия»), и именно в этой антитезе заключается главный идейный смысл произведения. Рассмотрим подробнее составляющие данной антитезы.

NEUF PREUX КАК ВОПЛОЩЕНИЕ
РЫЦАРСКОГО ИДЕАЛА СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

В «Chevalier errant» представлен эталон рыцаря и правителя, вербализованный в описаниях легендарных героев и правителей прошлого.

В сюжете романа прошлое и настоящее причудливо переплетаются. Во время странствий автор-рыцарь попадает во дворец Великолепных (*palais des Esleus*), где встречает Девять доблестных мужей (*Neuf Preux*). Употребленный здесь эпитет *Esleus* (имеющий значения: «*excellent*» («превосходный, великолепный»), «*distingué*» («выдающийся, незаурядный»), «*parfait*» («совершенный») [Godefroy 1889, с. 480]) выражает общую положительную оценку персонажам, о которых пойдет речь далее, создает обобщенный образ выдающегося человека и заранее настраивает читателя на определенный способ восприятия.

В отсылке к *Neuf Preux* Томмазо Салуццо не оригинален: этот мотив встречается в легендах Франции и Италии еще за столетие до создания «Chevalier errant», а к XIV веку он стал своего рода топомосом, распространенным в европейской средневековой культуре. Очевидно, Томмазо Салуццо был прекрасно знаком с преданиями о *Neuf Preux*, поэтому представляет повествование о Девяти доблестных мужах как собрание познавательных историй прошлого:

Lequel livre est extrait et compile en partie de plusieurs histoires anciennes, et parle en bref de tous les seigneurs et dames de renommée de l'ancien temps et du present^{<?>}.

Данная книга получена и составлена по частям из многих древних историй, и вкратце говорит о всех славных господах и дамах прошлых времен и настоящего^{<?>}.

Neuf Preux символизировали «образец доблести, военной и государственной мощи» [Воронень 2014, с. 3]. В более ранних средневековых

произведениях, как правило, мифологические, легендарные и исторические личности были организованы в три триады: три персонажа языческих (Гектор, Александр Македонский, Юлий Цезарь), три героя иудейских (Иисус Навин, Давид, Иуда Маккавей), три правителя христианских (король Артур, Карл Великий и Готфрид Бульонский). Их оценочная характеристика восходит к средневековой традиции почитания героев прошлого: «les familles médiévales de haut rang ont eu besoin de héros identificatoires» [Bouchet 2009, с. 121].

Однако в «Chevalier errant» образ Neuf Preux подвергся переосмыслению. В своем произведении автор создает «искусственный куртуазный сияющий мир, наполненный символами, типичными для позднего Средневековья» [Ворошень 2014, с. 3]. Описание Neuf Preux начинается с хорошо известных средневековому читателю языческих царей (как исторических личностей, так и мифологических персонажей):

- Александра Македонского:

Moy Alixandre qui ja ne fuz saoulez Tant que je oz le monde dessouz moy subgiguez.	Я, Александр, который не был удовлетворен, Пока я весь мир себе не покорил.
---	--

- Юлия Цезаря:

Cesar sui, le premier empereur; Par sens et par force dominay le monde entour.	Я Цезарь, первый император, Умом и силой властвовал во всем мире.
---	--

- Агамемнона:

Agamenon sui, l'empereur des Gregois Qui confondi Troye et Priam et ses fors.	Я Агамемнон, император греков, Который уничтожил Трою и Приама, и его войска.
--	--

- Далее к ним присоединяется христианин король Артур:

Moy Artuz qui tant fuz honnourez, Car.xij. roys furent a moy subgiez, Et la Table Reonde qui fu de tel postez.	Я Артур, который настолько был почитаем, так как 12 королей были мне подвластны, и Круглый стол, который был так установлен.
---	---

Вопреки сложившимся к XIV веку канонам изображения Neuf Preux, автор относит к ним и своих старших современников – реальных правителей Франции и Италии, уже умерших к моменту создания произведения, например,

- Филиппа Красивого, короля Франции:

Roy bel Phelippe sui de France la vaillant.	Я Филипп Красивый из доблестной Франции.
--	---

- графа Савойского:

Conte de Savoye fuz, et en Ytalie, quant l'empereur y fu pour ses oeuvres faire, et estoie son mareschal.	Я был графом Савойским, и в Италии, когда император там был по своим делам, был его маршалом
---	--

Положительная оценка дана поступкам героев (*subgiguez, dominay, confondi*), а также их волевым качествам и интеллекту.

Интересно, что в изображении прославленных королей как прошлого, так и современности одним из главных положительных черт является обладание властью. Из описания следует, что кодекс чести рыцаря в XIV веке включал в себя не только традиционную отвагу и смелость в бою, но и умение править, при этом не только с помощью силы, но и ума (*par sens et par force dominay*). Это обусловлено нравственными стереотипами эпохи: согласно средневековым представлениям, власть сюзерена дана от Бога, и любые властные отношения считались сакральными, и априори подразумевали положительную этическую оценку.

Оценочная характеристика каждого из героев выстроена по одной схеме: основание оценки (успех воина, предводителя и правителя) → одобрение со стороны автора (имплицитное, не выраженное в тексте) → положительная этическая оценка. При этом оценка представлена как «не имеющая субъекта истина в реальном мире» [Вольф 1985, с. 70].

С одной стороны, Neuf Preux описываются автором как идеализированные аллегорические образы прошлого, с другой – как реальные действующие лица повествования, с которыми главный герой (под которым скрывается Я автора) вступает в прямой диалог. По сути, в сюжет добавляется десятый герой-современник, сам Томазо Салуццо. Интересно, что, подражая великим людям прошлого, автор создает сам себе легендарную биографию:

Ma mère fu de Geneve de la noble ligné Le fort Olivier, le noble combattant, Qui fu preuz en armez et fu cremuz tant, Qui conquist Fierebraz, le cremuz payn Qui aux gens Charlemaine menoit bel hutin.	Моя мать была из Женевы из благородного рода. Сильный Оливье, благород- ный воин, Который был доблестным в бою и настолько внушал страх, Который захватил Фиребра- за, ужасного язычника, Который среди людей Карла Великого возглавлял пре- красное сражение.
---	---

Добавив в свою родословную легендарного Оливье из «Песни о Роланде», автор стремится возвыситься себя и стать равным Neuf Preux. Здесь можно видеть изменение содержания рыцарского кодекса: для рыцаря XIV века становится важным не только личная отвага воина и слава правителя, но и древность рода, и героические предки.

Из анализа приведенных фрагментов сочинения следует, что в описании Neuf Preux, к которым автор относит и себя, реализована не только положительная оценка, но и соответствие норме, так как отвага, мудрость и успех воина и правителя всегда в Средневековье рассматривались как обязательные атрибуты истинного рыцаря.

VANITAS КАК ВОПЛОЩЕНИЕ ИСТИНЫ И ПОЗНАНИЯ

Сочинение «Chevalier errant», написанное в конце XIV века, оказалось на стыке двух эпох (Средневековья и Ренессанса) и двух культур (французской и итальянской), что отразилось в авторском понимании кодекса чести рыцаря. В XIV веке появляется новое для европейской рыцарской культуры понятие – *vanitas*, которое следует толковать как «тщетность усилий человека», «тщетность стремления людей к обладанию ложными благами».

Многие качества рыцаря, традиционно считавшиеся добродетельными, теперь приобретают противоположную оценку. Neuf Preux, символизовавшие доблесть, власть, признание и богатство, демонстрируют оборотную сторону успеха, расплатой за который стало вероломное убийство:

- Александр Македонский:

Bien petit me dura
ytellez poostez
Car cil en qui plus
me fioye si m'a
envenimez.

Очень недолго длилось
такое мое могущество
Так как тот, в кого я более
всего верил, меня
отравил.

- Юлий Цезарь:

Quant j'estoye a Romme a
tel baudour,
Ou Capitole me murtrirent,
la fina ma valour.

Когда я был в Риме в та-
кой радости,
У Капитолия меня убили,
Там закончилась моя
власть.

- Агамемнон:

Au reppariez de Grece, en
mer mes gens furent
encloz,
Et ma femme en ma terre
me murtri et me vira
le doz.

При отплытии из Греции
мои люди оказались в
западне в море,
И моя жена на моей зем-
ле меня убила и меня
поразила в спину.

- король Артур

Mordret mon filz me tua et
je l'ay detrenchiez.

Мордред – мой сын
меня убил, и я его
уничтожил.

- Филипп Красивый

Quant j'aloye en France
par mes forests
chaquant
A un arbre me tuay, qui a
moy vint devant.

Когда я ехал во Фран-
ции по моим лесам,
охотясь,
У дерева меня убил тот,
кто ехал возле меня.

Во всех приведенных примерах автор делает акцент на обстоятельствах насильственной смерти героев (*m'a envenimez, me murtrirent, ma femme me murtri, mon filz me tua, me tuay qui vint devant*) – чем более яркой была их жизнь, тем более жалкой оказывается смерть. Антитеза *славная жизнь / бесславный конец* употреблена, чтобы лучше раскрыть понятие «vanitas», символизирующего мимолетность достижений человека и «бренность земного бытия».

В «Chevalier errant» фигурирует персонаж Дама Фортуна (Dame Fortune), аллегорически воплощающая *vanitas*:

Tous a un cri et a une
voix disoient: «Aide,
Dame Fortune»; Lors
veissiez faire choses
espoventablez, car elle
fist prandre de ces prelaz
et de ceulz roys et par ses
menistrez les faisoit ruer
de la haute roche juz; et
qui plus hault avoit son
siege, tant de plus hault
tresbucha.

Все кричали и в один
голос говорили: «Помо-
ги, Дама Фортуна». И Вы
видели, как свершаются
вещи ужасающие: она
велела хватать кого-то
из этих прелатов и коро-
лей, и с помощью своих
помощников их бросала
с высокой скалы; и чем
выше был их трон, с тем
большей высоты они
низвергались.

В данном отрывке показано, как стремление к земным благам в своем высшем проявлении превращается в смертный грех для любого христианина, тщеславие и гордыню. Фортуна, с одной стороны, символизирует *vanitas* с соответствующим философско-этическим содержанием, с другой – выступает жестоким, но справедливым судьей, карающим неблагодарных: «ненадежность Фортуны свидетельствует об иллюзорности любой мечты о славе, об уязвимости великих людей и политических расчетов» [Мюлеталер 1984, с. 23]. С помощью Фортуны главный герой познает Истину:

Vanite, vanite, et toutes
choses sont vanitez, car
generacion passe et puis
revient et devient terre qui
durera puis sanz fin.

Суета сует, всё суета, так
как род проходит, и род
приходит, и становится
землей, а земля пребы-
вает во веки.

Приведенная автором цитата из Екклесиаста (в которую автор добавляет от себя слова *generacion devient terre* – *род становится землей* с целью усилить эмоциональное воздействие на читателя) указывает на смену жизненных ориентиров.

Стремление к земной славе, неограниченной власти и богатству оказывается призрачным самообманом:

La goute de rousee,
quant on la voit de
loing, ressemble une
pierre precieuse, et
quant on la cuide
penre, si chiet a terre et
devient neant.

Капля росы, когда ее видят издали, похожа на драгоценный камень, но, когда стремятся ее взять, она падает на землю и становится пустотой.

Развернутая метафора (слава и успех = капля росы, которой невозможно завладеть) иллюстрирует содержание понятия «*vanitas*»: изменение личного восприятия автора отражает смену мировоззрения XIV века.

Через отрицание ложных ценностей главный герой подходит к Познанию (*le monde de Congnoissance*). Он познает Истину через приобретение к «*vertuz*» – понятию, объединяющему доблесть воина и добродетель христианина:

Vertuz fait l'omme hardy
comme lyon, fort comme
olifant, ferme et durable
comme le souleil qui
touzjours queurt et n'est
oncque laz, dont il n'est
prouece fors en vertu.

Добродетель делает человека отважным как лев, крепким как слоновая кость, стойким и выносливым как солнце, которое всегда движется и никогда не устает, и нет доблести вне добродетели.

«*Vertuz*» (которое мы условно перевели как «добродетель») в понимании автора – понятие более широкое, чем воинская доблесть и христианская праведность. В рассмотренном примере присутствуют все возможные эпитеты, дающие положительную этическую оценку ратным качествам рыцаря: *hardy, fort, ferme, durable*. *Vertuz* представлено как соединение религиозного и светского начал в одной ипостаси, воплощение кодекса чести рыцаря.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Культурный феномен *vanitas*, рассмотренный в статье на материале среднефранцузского произведения «*Chevalier errant*» Томмазо Салуццо, позволяет сделать следующие выводы об эволюции содержания кодекса чести рыцаря:

- мировоззрение автора сложилось под влиянием социальных и политических процессов, происходивших во Франции и Италии в конце XIV века;
- сочинение отражает оценку, данную высокообразованным сеньором, рыцарем-аристократом по отношению к своей социальной группе, обобщенным аллегорическим образом которой выступают *Neuf Preux*;
- через аллегорические образы *Neuf Preux* автор демонстрирует истинные и ложные ценности, выражая сложную концепцию жизненного пути человека;
- нравственные стереотипы существенно переосмыслены в XIV веке: то, что считалось обязательным атрибутом рыцарства в XII–XIII веках (совершение подвигов, которые влекли за собой награду – обретение власти, успеха и богатства), теперь подвергается осуждению и воспринимается как смертный грех гордыни;
- новое для культуры Европы XIV века понятие «*vanitas*» не отрицает кодекс чести рыцаря предыдущих эпох, но смещает акцент. С помощью *vanitas* автор показывает путь главного героя к спасению через нравственное и физическое совершенствование. Главным в кодексе чести рыцаря становится не *virtus* (воинская доблесть), а *vertuz* (соединение христианской добродетели и эталона рыцарства). В истинном рыцаре XIV века светское и сакральное соединяются, не противореча друг другу.

Таким образом, на основе анализа текста сочинения можно судить об эволюции моральной доктрины: доблесть и слава воина, воспеваемая с античных времен, мудрость и власть правителя, особо почитавшиеся в Средневековье, под влиянием *vanitas* в XIV веке не обесцениваются, а приобретают иное звучание.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Мюлеталер Ж.-К. Между прозой и стихами, дидактикой и стихотворением на случай: придворный праздник Карла VI в разнородных текстах (Мишель Петнуен – Томмазо Ди Салуццо – Эсташ Дешан). Вестник ПСТГУ. III: Филология. 2013. Вып. 3 (33). С. 14–32.
2. Godefroy Frederic. Dictionnaire de l'ancienne langue française et de tous ses dialectes du IX au XV siècle (composé d'après le dépouillement de tous les plus importants documents manuscrits ou imprimés qui se trouvent dans les grandes bibliothèques de la France et de l'Europe et dans les principales archives départementales, municipales, hospitalières ou privées). Paris: Emile Bouillon, libraire-éditeur, 1889.

3. Ворошень В. А. «Девять доблестных мужей» и «Девять доблестных жен» в Западноевропейском изобразительном искусстве XIV–XVI веков: автореф. дисс. ... канд. искусствоведения. М., 2014
4. Bouchet Florence. Héroïnes et mémoire familiale dans le «Chevalier errant» de Thomas de Saluces //Clio. Femmes, Genre, Histoire. Toulouse, Presses Universitaires du Mirail, №30, 2009. P.119–135
5. Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки. М.: Наука, 1985

REFERENCES

1. Myuletaler, ZH.-K. (2013). Between prose and poetry, didactics and a poem for the occasion: the court feast of Charles VI in heterogeneous texts (Michel Petnouin – Tommaso Di Saluzzo – Eustache Deschamps). St Tikhon's University Review. Series. III: Filologiya, 14–32.
2. Godefroy, Frederic. (1889). Dictionnaire de l'ancienne langue française et de tous ses dialectes du IX au XV siècle (composé d'après le dépouillement de tous les plus importants documents manuscrits ou imprimés qui se trouvent dans les grandes bibliothèques de la France et de l'Europe et dans les principales archives départementales, municipales, hospitalières ou privées). Paris: Emile Bouillon, libraire-éditeur.
3. Voroshen, V. A. (2014). «Devyat' doblestnyh muzhej» i «Devyat' doblestnyh zhen» v Zapadnoevropejskom izobrazitel'nom iskusstve XIV–XVI vekov = “Nine Valiant Husbands” and “Nine Valiant Wives” in Western European fine Art of the XIV–XVI centuries: abstract of Doctorate in Philology. (In Russ.)
4. Bouchet, Florence. (2009). Héroïnes et mémoire familiale dans le «Chevalier errant» de Thomas de Saluces. Clio. Femmes, Genre, Histoire. Toulouse, Presses Universitaires du Mirail, №30, 119–135
5. Vol'f, E. M. (1985). Funkcional'naya semantika ocenki = Functional semantics of evaluation. Moscow: Nauka. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Манухина Алла Олеговна

кандидат филологических наук, доцент
заведующая кафедрой фонетики и грамматики французского языка факультета французского языка
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Manuhina Alla Olegovna

PhD in Philology, Associate Professor,
Head of the Department of Phonetics and Grammar of the French language,
Faculty of the French Language, Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию 15.09.2022
одобрена после рецензирования 11.10.2022
принята к публикации 14.11.2022

The article was submitted 15.09.2022
approved after reviewing 11.10.2022
accepted for publication 14.11.2022

Антропоцентризм в кодах культуры древнеанглийской паремии

С. В. Мухин¹, О. Д. Зотикова²

^{1,2}Московский государственный институт международных отношений МИД России, Москва, Россия

¹*s.muhin@inno.mgimo.ru*

²*8091086@gmail.com*

Аннотация. Рассматриваются проявления антропоцентризма в паремии древнеанглийского языка. В центре внимания находятся субстантивные компоненты паремий, соотносимые с антропным, соматическим, духовным, общественным, природным, зооморфным и вещным кодами культуры. Антропоцентризм получает явное выражение через антропный и соматический коды. Опосредованное выражение антропоцентризма – антропоморфизм – происходит при помощи олицетворения, затрагивающего единицы, соотносимые с природным, зооморфным и вещным кодами.

Ключевые слова: антропоцентризм, паремия, древнеанглийский язык, фразеология, код культуры, лингвокультурология

Для цитирования: Мухин С. В., Зотикова О. Д. Антропоцентризм в кодах культуры древнеанглийской паремии // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2022. Вып. 13 (868). С. 41–48. DOI 10.52070/2542-2197_2022_13_868_41

Original article

Anthropocentrism in Culture Codes of Old English Paroemias

Sergey V. Mukhin¹, Olga D. Zotikova²

^{1,2}*Moscow State Institute of International Relations of the Foreign Ministry of Russia, Moscow, Russia*

¹*s.muhin@inno.mgimo.ru*

²*8091086@gmail.com*

Abstract. The research is focused on studying the manifestation of anthropocentrism in Old English paroemias whose substantive components can be correlated with the anthropic, somatic, spiritual, social, natural, and zoomorphic codes of culture. Anthropocentrism tends to directly display itself through the anthropic and somatic codes. An indirect expression of anthropocentrism, that is anthropomorphism, is largely effected by virtue of personification, which involves lexical units correlating with the natural, zoomorphic and material codes of culture.

Keywords: anthropocentrism, paroemia, Old English, phraseology, code of culture, linguoculturology

For citation: Mukhin, S.V., Zotikova, O.D. (2022). Anthropocentrism in culture codes of Old English paroemias. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 13(868), 41–48. 10.52070/2542-2197_2022_13_868_41

INTRODUCTION

Presently much recognition is won by V.N.Telia's conception of cultural specificity of the national phrase-stock. The initial hypothesis posits that the system of images fixed in phraseological units is tantamount to a kind of a niche, which accumulates the perception of the world and is related to material, social, and spiritual culture of a linguistic community, thus being capable of providing testimony of the nation's cultural experience and traditions [Телия, 1996].

A phrase-stock is one of the unique forms of conveying knowledge of national cultural identities, due to the complex semantic organization of phraseological units, which convey the volume of information comparable to that of an entire text [Зыкова, 2007]. Phraseological signs should be considered as special elements or mechanisms of cultural memory. They make it possible to preserve and gradually increase selective cultural information which reflects the most valuable and relevant cognitive experience of a specific linguistic community [Зыкова, 2014]. It is especially true of predicative utterances, i.e. paroemias, as they are very culturally informative.

The study of paroemias in different languages enables one to make a conclusion of the paramount role of anthropocentrism. To a great extent it is characteristic of phraseology as a whole. Aphoristic paroemias, assigned to phraseology in accordance with the broad approach to the latter, show anthropocentric nature *par excellence*. Anthropocentrism is deemed to be an absolute universalia, which embraces various languages in both geographical and chronological aspects. No exception is made by Old English, a language in which many paroemic sayings were born, providing the building material of the English nation's culture at the dawn of its existence.

TASKS, METHODS, LINGUISTIC EVIDENCE

The present research is focused on analyzing the mechanism of cultural codes interaction associated with linguistic, mainly lexical, means of cultural encodement in paroemias found in Old English manuscripts. It appears possible to analyze paroemias in search of meaningful information in both historical and cultural sense. As far as phraseology is concerned, culture codes are building matter which "corresponds to the cultural meaning of phraseological image structure correlating in the language with metaphor, metonymy, synecdoche, hyperbole, etc. [Телия, 2006].

The main tasks of the research are as follows: 1) identifying paroemias in Old English texts;

2) analyzing lexical components of paroemias; 3) establishing the correlation between specific lexemes and certain culture codes; 4) studying culturally conditioned lexical means of expressing anthropocentrism; 5) extracting culturally meaningful information out of paroemias.

The main methods employed are linguocultural, componental and etymological analyses. Semantization is effected through the New English and Latin definitions in J.Bosworth's *Anglo-Saxon Dictionary* [Bosworth, 1964]. When the dictionary allows for divergent interpretations of meaning, clearer understanding is obtained from etymological data by comparing Old English lexemes with their etymological counterparts in other languages. The data are provided by G. Kroonen's *Etymological Dictionary of Proto-Germanic* [Kroonen, 2013].

The linguistic material under scrutiny is found in statements of paroemic nature from a number of Old English texts:

- 1) the runic inscription (dd. presumably early 8th century) of the Franks Casket;
- 2) three written pieces from the 10th century Exeter book (*Exeter Cathedral Library MS 3501*): *Precepts, Maxims I, The Rhyming Poem*;
- 3) *Durham proverbs* – an 11th century collection of aphoristic sayings (*Durham Cathedral MS B.III.32*);
- 4) a text about riddles *Solomon and Saturn II* (*Cambridge Corpus Christi College MS 422*);
- 5) *Dicts of Cato* – an Old English adaptation of a Latin collection of aphorisms dd. 11–12th centuries (*Cambridge Trinity College MS R.9.17*; *London British Library Cotton Vespasian MS D.xiv[2]*; *London British Library Cotton Julius MS A.ii*);
- 6) Ælfric the Grammarian's *Catholic Homilies* of the early 11th century (*Oxford Bodleian Library Bodley MS 340* и *Oxford Bodleian Library Bodley MS 342*);
- 7) an 11th century collection of gnomic poetry *Maxims II* (*London British Library Cotton Tiberius MS B.i*).

RESULTS AND DISCUSSION

Attributing anthropic features to animals, artifacts, abstract concepts and natural phenomena is as ancient practice as language itself. Anthropocentrism of linguistic worldview is closely associated with anthropomorphism. It can be asserted that the very documentally fixed history of English begins from personification, which is found in the earliest statements showing paroemic traits. To prove this

point, let us consider the inscription of the Franks Casket renowned in anglistics.

The casket is one of the earliest (mid 7th or early 8th century) artifacts bearing texts written in the language which can be definitely identified as Old English. The best known of the runic inscriptions on this piece of presumably Northumbrian craftsmanship is the so called *Stranded Whale* poem. The two-line inscription on the front panel runs clockwise; in a more conventional arrangement it looks as follows:

[illegible]

In Late Wessex adaptation it reads: *Fisc flod ahof on firgenberiz. Wearþ zasric zron þær he on great zeswam. Hranes ban.* Our literary interpretation of this inscription is as follows: *A flood tossed the fish onto the cliff. Sad was the mighty demon to swim to shingle. Whale's bone.* This alliterative verse is sometimes interpreted as a riddle about the material of which the casket is made. Such understanding is substantiated by the final phrase *hranes ban*, which, in this interpretation, is the key to the riddle offered by the author-craftsman. In this case it would be justified to assume that the text in question does have some essential paroemic features. The riddle of the casket is based on symphor and can therefore be referred to the sphere of idiomaticity.

The inscription exemplifies the fact that in the earliest Old English texts paroemic sayings already demonstrated interaction of different culture codes. Analyzing the lexical components of the inscription, one can correlate the lexemes with specific culture codes:

- 1) zoomorphic code – *fisc* (fish), *hran* (whale);
- 2) natural code – *flod* (flood), *firȝenbeorȝ* (cliff, rock), *ȝreot* (shingle);
- 3) zoosomatic and at the same time material code – *ban* (bone);
- 4) activity code – *ahebban* (raise, lift), *ȝeswimman* (swim).

One of the most interesting components is the noun *zasric*. The meaning of this derivative is deduced from the meanings of its morphological elements. The first element is the root *zas(t)* (*breath, spirit, soul, ghost, demon*), the second is the suffix *-ric*, which means *noble, mighty, king, ruler*¹. Consequently,

the overall meaning of the derivative *zasric* is *king of ghosts* or *mighty demon*. So is the dead whale called. In terms of linguoculturology it is an archetypical image, and the noun itself is correlated with the spiritual (concept GHOST or SPIRIT), anthropic and social (concepts POWER or RULE) codes.

Deciphering of the encoding means in a comparatively small linguistic context of the inscription under analysis, provides an opportunity of extracting important cultural and historical information out of the paroemia:

- 1) the lexeme *fisc* (*fish*) representing the zoomorphic code bears evidence of the naivety of Anglo-Saxon worldview. A person who lived in the Middle Ages undoubtedly took for a fish the creature that lived in the sea and could swim, while in fact a whale is an animal;
- 2) the use of lexemes representing the natural code signifies the importance of the sea and everything that is associated with it in the Anglo-Saxon culture. On the one hand, the sea was considered to be an active dangerous force capable of slaying even a whale, easily smashing him against the rocks (verb *ahebban* – *raise, lift*), on the other hand, without the sea people would suffer scarcity of the necessary resources, such as whale bone;
- 3) the nouns *hran* (*whale*) and *ban* (*bone*) in this context demonstrate interaction of zoomorphic, zoosomatic, and material culture codes. Whales and whaling played an important role in the economy and therefore culture of Anglo-Saxon England. Whale bone was much in demand in arts, the tangible proof of which is made by the Franks casket itself. Quite expectable for a riddle, the word *hran* (*whale*) is found only at the end of the inscription, as a part of the key, whilst in the main part the whale is called figuratively *fisc* and *Ʒasric*;
- 4) The use of the lexeme *Ʒasric* (*king of ghosts; mighty demon*) is underpinned by indivisibility of the material and spiritual world in Medieval mentality. The material world, including the sea, was understood to be full of living creatures which did not fall into real and imaginary ones because in mythological mentality an animal and a spirit are the same entity. Besides, the word *Ʒasric* reflects the significance of the pagan cultural stratum represented by the historical time in which the Franks casket was manufactured.

¹ E.g. in Germanic anthroponymics this word-building model engenders masculine names with the originally Proto-Germanic formant **rik-* [Kroonen, 2013]: German *Friedrich* (*peace* + *ruler*), Gothic *biudareiks* (*people* + *ruler*), Swedish *Erik* (*eternity* + *ruler*), Scandinavian-Slavonic *Юрьичъ* (*glory* + *ruler*) etc.

Eventually, let us note the manifestations of anthropocentrism. Human society was an integral part of the Anglo-Saxon worldview, and according to the principle of anthropocentrism social structure was believed to be equally proper to spirits and animals, which appeared to be constructing a hierarchy similar to the human one. The whale enjoys the role of the supreme ruler of all sea creatures, the mightiest of all sea ghosts. Besides, he is seen to be capable of human emotions (the form *zorn*, which is identified as an adjective *sad*, *sorrowful*¹).

The above analysis of the Franks casket inscription suggests the following linguopragmatic interpretation of the riddle verse. In describing the real or imaginary episode of the stranded whale's death in the storm, the author of the text (also likely to be the bone graver who manufactured the box) aims at making the reader consider the story that had taken place before the creation of the casket, thus giving origin to the latter. The main part of the verse being an implicature, the last phrase offers a key to understanding the riddle and the entire meaning of the inscription. The author-craftsman gives a kind of a hint: this is what happened during the storm, now guess how this casket came into being.

It has already been mentioned that riddles, assuming the form of an extended text, do not quite meet the criteria of aphorisms, and in this respect the inscription analyzed is not a typical paroemia. Aphoristic phrases are more prone to explicitly describe human characters and behaviour. In such cases anthropocentrism is expressed directly. As a rule, in sayings of such kind there are substantive and/or pronominal components whose direct object of nomination is persons: *man(n)* (*man*), *zuma* (*man*, *person*), *se þe* (*he who*), etc. From the linguocultural viewpoint, they feature some direct correlation of the structural components with the anthropic culture code. In Old English literature aphorisms that name persons directly are found in abundance, e.g.:

Æt pearfe mann sceal freonda to cunnian² (In need should a *man* understand the worth of his *friends*)³;

Seldan snottor zuma sorzleas blissað⁴ (Seldom does a wise *man* rejoice without sorrow);

¹ The meaning of the adjective *zorn* is usually deduced from the verb *zornian* (*mourn*, *lament*) [Simmons, 2010] a descendant of the Proto-Germanic **gnuznojan*. Etymologically associated forms in other languages demonstrate the archaic Indo-European origin of the lexeme *zorn*, as in Germanic variants there can be noticed the effect of rhotacism in comparison with their counterparts in non-Germanic languages, e.g. in Church Slavonic *сѣрустити ся* (*to become sad*), where the root retains the original Indo-European sibilant -s- [Фасмер, 1986].

² Durham proverbs.

³ The New English translation is ours. – Authors.

⁴ Precepts. Quoted after [Thorpe, 1842].

Onlær pinum bearne bysne zoda, and eac swa some eallum leoda⁵ (Teach thy *child* by good example, and so all the *people*);

Bald bið se ðe onbyrgeð boca cræftes⁶ (Be bold *he who* strives for proficiency in letters);

Donne ðu oþerne mon tæle, ðonne zedenc ðu þæt nan mon ne bið leahterleas⁷ (In telling off *others*, do remember that no *one* is impeccable);

Þæt folc bið zesælig þurh snoterne cyning, sizefæst and zesundful þurh zesceadwisne reccend⁸ (*People* are happy under a wise *king*, they are strong in war and sound under a reasonable ruler), etc.

The copious stock of such aphorisms is opposed by less numerous sayings which do not provide a direct naming of persons. They have for subject and/or object natural phenomena, animals and diverse spiritual, ethical and social concepts expressed by abstract nouns, e. g.:

Seo nydþearf feala læreð⁹ (*Necessity* teaches a lot of things);

Druncen beorз þe ond dollic word¹⁰ (Beware of *drunkenness* and silly words);

Forst sceal freosan, fyr wudu meltan, eorþe zrowan, is bryczian¹¹ (*Frost* should freeze, *fire* should melt, *earth* should grow, *ice* should bridge);

Eorðmæzen ealdaþ, ellen cealdað¹² (*Earth's might* grows old, and *courage* grows cold);

On ælcere ea swa wyse fordes, swa betere fisces¹³ (In each *river* the worse is the *ford*, the better is the *fish*), etc.

In paroemias of this type anthropocentrism is usually manifested through metaphorization of the lexical anthropomorphic means: necessity is believed to be capable of teaching, earth is said to have power which grows old, etc. Seldom enough, aphoristic phrases include the names of artifacts and material products of human activities. With very few exceptions, nouns with material semantics are sole in a phrase and surrounded by lexemes which belong to the categories enumerated above, e.g.:

⁵ Instructions for Christians. Quoted after [Jones, 2012].

⁶ Solomon and Saturn II. Quoted after [Shippey, 1976].

⁷ Dicts of Cato. Quoted after [Cox, 1972].

⁸ Ælfric's Catholic Homilies. Quoted after [Ælfric's..., 1979].

⁹ Durham proverbs.

¹⁰ Precepts.

¹¹ Maxims I. Quoted after [Thorpe, 1842].

¹² Rhyming Poem. Quoted after [Thorpe, 1842].

¹³ Dicts of Cato.

Liorna maneȝa *bec* & ȝehyr moniȝ spell; wite ðeah hwylcum þu ȝelyfan scyle¹ (Learn a lot of *books* and hear out a lot of tales, but understand well which of them you should believe);

Ȝif ðu hwæt on druncen misdo, ne wit ðu hit ðam *ealope*² (If you commit something wrong when drunken, do not put the blame on the *ale*);

Ceastra beoð feorran ȝesyne, orðanc enta ȝeweorc³ (*Cities* are seen from afar, a skilful *job* of giants).

In such paroemias material substantives are typically used without any semantic transformations, in their direct meaning. A rare occasion as it is in aphoristic sayings, material lexis does not moreover lend itself to personification.

Let us analyze an example of a saying which can be referred to the sphere of aphoristics with much more certainty than the Franks casket text. In the collection of Durham proverbs there is a moralistic statement which is replete with vivid imagery:

Ne mæȝ man mup fulne melewes habban and eac fyr blawan.⁴

The New English translation that we consider proper to offer goes as follows: *One cannot have his mouth full of flour and blow on a fire*. The conceptual subject-matter of this maxim implies immanent unlikelihood and therefore jocularity of the situation. Hence, the aphorism can by right be specified as ironic, humorous [Wilcox, 2000].

Let us enumerate the culture codes correlating with lexical components of this aphorism:

- 1) anthropic code correlating with the pronominalized noun *man* (*man, one*);
- 2) somatic code correlating with the noun *mup* (*mouth*);
- 3) nutrition code correlating with the noun *melu* (*flour*);
- 4) natural code correlating with the noun *fyr* (*fire*);
- 5) activity code correlating with the verbs *mazan* (*can*), *habban* (*have*) и *blawan* (*blow*).

The overall set makes it possible to understand that the original sphere of applying the image that underlies the paroemia in question is householding and economic activities. Anthropocentrism in this case is far more pronounced than in the Franks casket inscription. In defining the core component of the statement, it appears justified to make the choice of

the noun *man*, whose nomination object is a human as a generic notion. This peculiarity of nomination is typical of aphorisms: aphoristic statements do not describe specific situations, but only suggest typifying images and models. Besides, aphoristic sayings are universal in that they do not provide exact information on the location and time of the action. All the information they contain is but abstract.

Another expression of anthropocentrism is effected by the noun *mup* (*mouth*) with anthroposomatic meaning. The noun *melu* (*flour*) names a substance, which exists only as a product of human activity and is required to satisfy human needs. The verbs *mazan*, *habban* and *blawan* in this context name human actions and states. The only lexical component which could potentially be referred to the domain of inanimate nature – the noun *fyr* (*fire*) – here evidently denotes an anthropogenic reaction of burning – the flame of a candle or a bonfire. So all the substantive components of the aphorism are to at least some degree associated with humans and human activities.

The paroemia describes a grotesque, unbelievable situation. To stuff one's mouth full of flour and then blow on fire is an obviously strange behaviour unthinkable for a person of sound mind and good reason. The subject-matter and the image of the aphorism can serve as a model of any illogical behaviour of a person who tries to do incompatible and mutually exclusive things. The semantic organization of the analyzed statement is a typical example of aphoristic structure of meaning, which includes [Чехоева, 2013]:

- 1) superficial meaning, which equals the sum of componental meanings: it is literally impossible to blow on fire with one's mouth full of flour;
- 2) deeper meaning, which does not equal a mere sum of componental meanings: it is impossible to do simultaneously two mutually exclusive things;
- 3) systemic meaning, which is a sum of the deeper meaning and background knowledge, connotations, and associations: flour is an edible substance, but one does not normally take it in one's mouth; one blows on fire either to put it off or, on the contrary, make it burn brighter; a mouth full of flour is associated with some obstacle, etc.;
- 4) inference: the person who tries to combine incompatible things looks stupid and ridiculous.

Lastly, the didactic function of the aphorism consists in trying to implicitly avert people from such behaviour. Inasmuch as the aphorism in question names a human directly, anthropocentrism of the

¹ Ibid.

² Ibid.

³ Maxims II. Quoted after [Maxims II, 2020].

⁴ Durham proverbs.

statement has an explicit expression, while the expression of personification is altogether absent.

Let us consider one more paroemia, which features another combination of culture codes:

Meotud ana wat hwær se cwealm cymeþ, þe heonon of cyppe zewiteþ.¹

The translation which we propose for this statement from the maxims collection of the Exeter book is as follows: *God only knows to which place the disaster will go from whence it was born*. Let us note the culture codes correlated with the specific lexical components of the statement:

- 1) spiritual code represented by the noun *meotud* (God);
- 2) activity code correlated with the verbs *witan* (know), *cuman* (come) и *zewitan* (look, go for);
- 3) locative code correlated with the adverbs *hwær* (where), *heonon* (hence) и существительным *cyþ* (country, land);
- 4) natural / social code correlated with the noun *cwealm* (disaster).

Here one can observe culture codes in interaction and synthesis which provide conditions for personification that, in its turn, performs the anthropocentric function. The image underlying the statement is produced by two main macrometaphoric models: “disaster is a living creature” and “disaster is capable of moving. Let us consider how specific linguistic means are used to get this mechanism working. In order to do so, it will take some analysis of the components of the statement.

The noun *meotud* shows a certain semantic evolution depending on the chronological properties of the texts in which it is found. The dictionary supplies the entry with a special commentary, according to which this word is likely to have had the meaning “fate, destiny, death”. It stands to reason that at some time there occurred a metonymization of the meaning, and the word came to denote the one who dispenses disasters². Later, under the influence of the cultural and historical factor, i.e. the country's christianization, it acquired the meaning “Christian God”, who is the supreme judge administering penalties and determining the destinies³ of people and all things⁴. God's figure was without doubt central in the spiritual culture of Anglo-Saxon England after Christianization. The fact that the lexeme *meotud* is

found in the paroemia makes it possible to conclude that the latter appeared in a cultural community in which Christianity was already a dominating religion. Also one has to note the manifestation of anthropocentrism provided by the word *meotud* because in Christianity, just as well as in many other religions, God is perceived to have human features.

The noun *cwealm* has a broad meaning, as demonstrated by the dictionary definition represented by a number of synonymous or topically associated New English and Latin lexemes which belong to the semantic field “disaster”: death, destruction, a violent death, slaughter, murder, torment, plague, pestilence, contagion, qualm; mors, pernicies, nex, cædes, homicidium, cruciatus, lues, pestis, pestilentia, contagium.⁵ On these grounds it appears possible to correlate the word *cwealm*, on the one hand, with the natural code (meaning epidemic, plague), on the other hand, with the social code (meaning war, slaughter).

The use of the word *cwealm*⁶ with a strong negative connotation within the aphorism reflects the realia of the Medieval community featuring its daily and social disorders. Hostile invasions and epidemics were regular and understood very much like a natural calamity. The aphorism under analysis gives some convincing proof of the tendency for personifying abstract notions. Disaster is seen to be a living creature that has a number of anthropomorphic traits found in its conceptual content:

- 1) it has a place where it came into being, a homeland – *cyþ*⁷ (the dictionary definition of this noun sharing the same root with the verb *cunnan* (know): *a known land, native country, region; situs naturalis, natale solum, patria, regio*);
- 2) it is capable of moving, the proof of which is provided by the verb *cuman* (come);
- 3) this creature has the sense of sight, a sort of thinking ability, and free will, which is expressed by the verb *zewitan* (definition: *to turn one's eyes in any direction with the intention of taking that direction, to set out towards, start, pass over, to go, depart, withdraw, go away, retreat, retire, die; transire, discedere*).

In sum, the paroemia in question possesses the mechanism of indirect expression of anthropocentrism, i.e. personification.

¹ Maxims I.

² Cf. in Old Saxon: *metod* – ‘god’ [Kroonen, 2013]

³ Cf. in Old Russian *сѣдѣба* (judgement, trial, justice, verdict) < *сѣдѣ* (trial) [Черных, 2002].

⁴ E.g. in the poem *Christ and Satan* of the Exeter book: *Ðu zemettes Meotod alwihta* (Thou hast met the Lord of all things) [Thorpe, 1842].

⁵ Henceforth there are definitions from J. Bosworth's *Anglo-Saxon Dictionary*. Alongside with the New English definitions the dictionary usually provides Latin ones.

⁶ Produced from Proto-Germanic **kwalo-*, whose meaning is defined as ‘torment’ [Kroonen, 2016].

⁷ Produced from the Proto-Germanic form **kunþa-* (known, familiar), which is an adjectified passive participle of the verb **kunnan-* (know) [Kroonen, 2013].

CONCLUSION

The earliest Old English texts demonstrate a complex structure of conceptual content. The main culture codes featured by Old English paroemias are anthropic, somatic, spiritual, and social, with natural and zoomorphic codes being less common. The least frequent is the material code. Almost all paroemias show to some extent the tendency for anthropocentrism.

The ways of expressing anthropocentrism are correlated with specific culture codes. Anthropocentrism is expressed explicitly through the anthropic and somatic codes because the lexical means of encodement in this case are the lexemes whose main nominative function is the direct naming of persons and human body parts. The lexemes naming spiritual, ethical and social concepts are correlated with the spiritual and social codes and tend to convey anthropomorphism through personification of various inanimate spiritual, ethical and social phenomena. Indirect expression of anthropocentrism,

i.e. antropomorphism, is effected through the mechanism of personification which on the lexical level involves the words correlated with the natural, zoomorphic and material culture codes.

Linguocultural analysis can be efficiently used to better understand the nature of Old English paroemias. The specific culture codes exercise each their own influence on the process of metaphorization, thus making different contributions to building aphorisms with more or less figurative meaning. There are prospects of conducting further research with a view to finding out what culture codes are more required to produce aphorisms with a higher or lower degree of figurativeness.

In the aspect of expressing culturally significant information, Old English paroemias reflect the characteristic peculiarities of common medieval mentality. At the same time they show the correlation with certain historical strata of culture. Further study of Old English paroemias is promising for a number of disciplines: history, culturology, ethnography, etc.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996.
2. Зыкова И. В. Контрастивная фразеология: путь от диалога языков к диалогу культур // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2007. № 532. С. 129–139.
3. Зыкова И. В. Роль концептосферы культуры в формировании фразеологизмов как культурно-языковых знаков: дис. ... докт. филол. наук. М., 2014.
4. Телия В. Н. Послесловие // Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий / Отв. ред. В. Н. Телия. М.: АСТ–ПРЕСС КНИГА, 2006.
5. Bosworth J. An Anglo-Saxon Dictionary: Based on the Manuscript Collections of the Late Joseph Bosworth. London: Oxford University Press, 1964.
6. Kroonen G. Etymological Dictionary of Proto-Germanic. Leiden Indo-European Etymological Dictionary Series. Lubotsky A. (ed.). Vol. II. Leiden, Boston, 2013.
7. Simmons A. The Cipherment of the Franks Casket / A. Simmons. 2010. URL: <http://poppy.nsms.ox.ac.uk/worldhord/files/original/003a1463db67541ee149cb23c0371b8b.pdf>.
8. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка Т. I. М.: Прогресс, 1986.
9. Thorpe B. Codex Exoniensis. A Collection of Anglo-Saxon Poetry. London, 1842.
10. Jones C. A. Old English Shorter Poems. Vol. I. Religious and Didactic. Cambridge, Mass., 2012.
11. Shippey T. A. Poems of Wisdom and Learning in Old English. Cambridge, 1976.
12. Cox R. S. The Old English Dicts of Cato. Anglia. 1972. 90. pp. 1–42.
13. Ælfric's Catholic Homilies: The Second Series: Text, ed. M. Godden, EETS. Oxford, Oxford University Press, 1979.
14. Wilcox J. Humour in Anglo-Saxon Literature. Boydell & Brewer, 2000.
15. Maxims II. Verse Indeterminate Saxon. 2020. URL: <https://web.archive.org/web/20131031045749/http://www8.georgetown.edu/departments/medieval/labyrinth/library/oe/texts/a15.html>.
16. Чехова Т. С. Некоторые проблемы дифференциации афоризмов // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2013. № 15. С. 57–62.
17. Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. В 2 т. 9-е издание, стереотипное. М.: Русский язык – Медиа, Дрофа, 2002.

REFERENCES

1. Teliia, V. N. (1996). Russkaia frazeologija. Semanticheskii, pragmaticheskii i lingvokul'turologicheskii aspekty = Russian Phraseology. Semantic, Pragmatic and Linguocultural Aspects. Moscow, Shkola «lazyki russkoi kul'tury». (In Russ.)

2. Zyкова, I. V. (2007). Kontrastivnaia frazeologiya: put' ot dialoga iazykov k dialogu kul'tur = Contrastive Phraseology: from the Dialogue of Languages to the Dialogue of Cultures. In Vestnik of Moscow State Linguistic University. 532, 129–139. (In Russ.)
3. Zyкова, I. V. (2014). Rol' kontseptsfery kul'tury v formirovanii frazeologizmov kak kul'turno-iazykovykh znakov = The Role of the Conceptual Sphere of Culture in Forming Phraseologisms as Linguocultural Symbols. thesis of PhD in Philology. Moscow. (In Russ.)
4. Teliia, V. N. (2006). Posleslovie = Afterword. In: Bol'shoi frazeologicheskii slovar' russkogo iazyka. Znachenie. Upotreblenie. Kul'turologicheskii kommentarii = Large Phraseological Dictionary of Russian. Meaning. Use. Culturological Commentary. V.N.Teliia (ed.). Moscow, AST-PRESS KNIGA. (In Russ.)
5. Bosworth, J. (1964). An Anglo-Saxon Dictionary: Based on the Manuscript Collections of the Late Joseph Bosworth. London: Oxford University Press.
6. Kroonen, G. (2013). Etymological Dictionary of Proto-Germanic. Leiden Indo-European Etymological Dictionary Series. Lubotsky A., ed. Vol. II. Leiden, Boston.
7. Simmons, A. (2010). The Cipherment of the Franks Casket. <http://poppy.nsms.ox.ac.uk/worldhord/files/original/003a1463db67541ee149cb23c0371b8b.pdf>
8. Fasmer, M. (1986). Etimologicheskii slovar' russkogo iazyka = Etymological Dictionary of the Russian Language. Vol. I. Moscow, Progress.
9. Thorpe, B. (1842). Codex Exoniensis. A Collection of Anglo-Saxon Poetry. London.
10. Jones, C. A. (2012). Old English Shorter Poems. Vol. I. Religious and Didactic. Cambridge, Mass., pp. 138–155.
11. Shippey, T. A. (1976). Poems of Wisdom and Learning in Old English. Cambridge.
12. Cox, R. S. (1972). The Old English Dicts of Cato // Anglia. # 90, pp. 1–42.
13. Ælfric's Catholic Homilies (1979). The Second Series: Text, ed. M. Godden, EETS. Oxford, Oxford University Press.
14. Wilcox, J. (2000). Humour in Anglo-Saxon Literature. Boydell & Brewer.
15. Maxims II (2020). Verse Indeterminate Saxon. <https://web.archive.org/web/20131031045749/http://www8.georgetown.edu/departments/medieval/labyrinth/library/oe/texts/a15.html>
16. Chekhoeva, T. S. (2013). Some Issues of Aphorisms Differentiation. In: Aktual'nye problemy filologii i pedagogicheskoi lingvistiki = Topical Problems of Philology and Pedagogical Linguistics. 15, pp. 57–62. (In Russ.)
17. Chernykh, P. J. (2002). Istoriko-etimologicheskii slovar' sovremennogo russkogo iazyka = Modern Russian Dictionary of History and Etymology. Moscow, Russkii iazyk – Media, Drofa. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Мухин Сергей Владимирович

кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка № 1
Московского государственного института международных отношений МИД России

Зотикова Ольга Дмитриевна

преподаватель кафедры английского языка № 1
Московского государственного института международных отношений МИД России

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Mukhin Sergey Vladimirovich

PhD in Philology, Associate Professor of the English Language Department 1
Moscow State Institute of International Relations of the Foreign Ministry of Russia

Zotikova Olga Dmitrievna

Lecturer of the English Language Department no. 1
Moscow State Institute of International Relations of the Foreign Ministry of Russia

Статья поступила в редакцию 10.09.2022
одобрена после рецензирования 20.10.2022
принята к публикации 14.11.2022

The article was submitted 10.09.2022
approved after reviewing 20.10.2022
accepted for publication 14.11.2022

Лингвостилистический и социокультурный анализ выражения «Обещание гасконца» во французском языке

Л. В. Парфенова

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия

lidova2011@gmail.com

Аннотация. В статье исследуется лингвистическая целостность и социальная устойчивость выражения «Обещание гасконца». Цель данной статьи – обогатить знания о лингвистической культуре Гаскони и показать, как посредством сохранения в языке определенных устойчивых выражений проявляются особенности менталитета соответствующих социальных групп, в частности отношение группы гасконцев к понятию «Обещание» в целом.

Ключевые слова: обещание, язык, речь, гасконец, крылатая фраза, теория речевых актов, комиссив, перформатив

Для цитирования: Парфенова Л. В. Лингвостилистический и социокультурный анализ выражения «Обещание гасконца» во французском языке // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2022. Вып. 13 (868). С. 49–55. DOI 10.52070/2542-2197_2022_13_868_49

Original article

Linguistic-Stylistic and Socio-Cultural Analysis of the Expression “The Gascon’s Promise” in the French Language

Lidia V. Parfenova

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia

lidova2011@gmail.com

Abstract. The article examines the linguistic integrity and social stability of the expression “The Promise of a Gascon”. The purpose of this article is to enrich knowledge about the linguistic culture of Gascony and to show how, through the preservation of certain steady expressions in the language, the peculiarities of the corresponding social groups mentality manifest, in particular to show the attitude of respondents to the concept of “Promise” in general.

Keywords: promise, language, speech, Gascon, catchphrase, Theory of speech acts, commission, performative

For citation: Parfenova, L. V. (2022). Linguistic-Stylistic and Socio-Cultural Analysis of the Expression «The Gascon’s Promise». Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 13(868), 49–55. 10.52070/2542-2197_2022_13_868_49

Analyse linguo-stylistique et culturelle de l’expression “La promesse de Gascon” dans la langue Française

Lidia V. Parfenova

L’Université Linguistique d’Etat de Moscou, Moscou, la Russie

lidova2011@gmail.com

Annotation. Dans l’article on étudie l’intégrité linguistique et la stabilité sociale de l’expression «La promesse de Gascon». Le but de cet article est d’enrichir les connaissances de la culture linguistique de la Gascogne et de montrer comment grâce à la conservation dans la langue de certaines expressions stables se manifestent les particularités de la mentalité des groupes sociaux correspondants, notamment l’attitude du groupe de Gascons envers la notion “La promesse”.

Les mots clés: la promesse, la langue, le langage, le Gascon, la maxime, la théorie des actes langagiers, le commis-sif, le performatif

Pour la citation: Parfenova, L. V. (2022). Analyse linguo-stylistique et culturelle de l’expression “La promesse de Gascon” dans la langue Française. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 13(868), 49–55. 10.52070/2542-2197_2022_13_868_49

INTRODUCTION

Apprendre une langue ne consiste pas seulement à en apprendre les mots et à savoir comment ceux-ci s'agencent dans une phrase. C'est tout autant les métaphores, les expressions souvent imprévisibles – et qui font «image» – qui sont les outils populaires spécifiques à chaque langue. Ces expressions figées dont la langue garde une puissance souvent insaisissable servent d'un bon matériel de recherches aux linguistes, aux sociologues et aux anthropologues.

L'ORIGINE DE L'EXPRESSION «LA PROMESSE DE GASCON». DU VRAI ET DU MYTHE

C'est à partir du XVIe siècle, époque où la Gascogne formait de bons soldats, que «La promesse de Gascon», locution nominale féminine, prend sa place dans la langue française. On décrit les Gascons comme exagérants un peu leur courage et la qualité de combat, parlants beaucoup et de tout sans se souvenir le lendemain de ce qu'ils avaient dit la veille. Par conséquent, ils étaient considérés comme des hâbleurs, des beaux parleurs, des menteurs, des gens qui racontaient un peu n'importe quoi et auxquels on ne pouvait pas vraiment faire confiance.

De fait, l'expression signifie *une promesse oubliée, non tenue, promesse faite à la légère, fausse promesse*¹. On trouve également la définition de la Promesse de Gascon (promesses en l'air, tromper par des promesses) dans les articles «Promesse» et «Gascon» du dictionnaire de la langue française Petit Robert². En revanche, aucune source ne relève cette expression en langue gasconne ce qui fait présupposer qu'en vieille Gascogne les paroles données n'aient pas été trompées³.

¹ Le dictionnaire électronique des expressions françaises www.expressio.fr/

² Le Petit Robert - dictionnaire de la langue française

³ Une source électronique rassemblant les recherches autour la langue gasconne

La Gascogne représentait à l'époque une région du sud-ouest de la France qui couvrait le territoire localisé entre l'océan Atlantique, la Garonne et les Pyrénées, avait des limites linguistiques du gascon mais qui a disparu en tant que département ou région en 1063 [Pépin, 2012]. Toutefois, le nom de Gascogne est resté usité jusqu'à la Révolution française et le mot existe toujours dans de nombreuses appellations, comme le «Floc de Gascogne», par exemple.

Pour trouver la source de l'apparition dans la langue française de cette expression qui assombrir la promesse, il faut revenir un peu à l'arrière. On découvre dans des textes que sous l'Ancien Régime (d'Henri IV en 1589 jusqu'à la Révolution française en 1789) on a distingué «un cadet de Gascogne» – un militaire d'origine gasconne, souvent gentilhomme (une personne noble), souvent un puîné (cadet, nait après l'ainé). Trop pauvre pour prétendre comme un aîné de grande famille entrer dans une coûteuse académie, il reçoit une formation d'officier. Comme ces jeunes sont bien souvent des puînés, le mot gascon *capdèth* (chef, capitaine) va donner le mot français *cadet* pour désigner un frère puîné. Et la qualité de «cadet» finit par être attribuée aux jeunes gentilshommes pauvres en formation. C'est-à-dire que ce sont eux qui... «exagéraient un peu leur courage et la qualité de combat, parlaient beaucoup et de tout sans se souvenir le lendemain de ce qu'ils avaient dit la veille. En fil de conte, ils étaient considérés comme des hâbleurs....» [Lacarde, 2005, p. 14].

Par ailleurs, l'expression au sens similaire existe dans la totalité de langues, ce qui prouve l'intolérance envers les promesses non tenues. Citons en certaines exemples⁴:

⁴ Source: Le dictionnaire électronique des expressions françaises www.expressio.fr/

Tab.1

SYNONYMES DE LA PROMESSE DE GASCON DANS D'AUTRES LANGUES

Langue	Expression équivalente	Traduction littérale
Allemand	leere Versprechungen	des promesses vides
Anglais	an empty promise	une promesse vide
Arabe	mawaeed Arqoob	des promesses Vides
Espagnol (Argentine)	una promesa al aire	une promesse dans l'air

Langue	Expression équivalente	Traduction littérale
<i>Espagnol (Espagne)</i>	Prometer la Luna	Promettre la Lune
<i>Français (Canada)</i>	promesse d'élection	faire une fausse promesse, par allusion aux promesses des politiciens durant leur campagne électorale
Français (Canada)	promesse d'ivrogne	promesse qui risque d'être oubliée rapidement
Gaélique écossais	gealladh gun dùil cho-gheallaidh	une promesse sans espoir d'être tenue
Hongrois	üres ígéreték	des promesses vides
<i>Italien</i>	promessa da marinaio	promesse de marin
Néerlandais (Belgique)	een loze belofte	une promesse vide
Néerlandais	een holle frase	un vain mot
Polonais	obiecanki - cacanki	promesses sans valeur
<i>Portugais (Brésil)</i>	papo caô	bavardage
Roumain	vorbe-n vânt	des paroles au vent
<i>Russe</i>	пустые слова, пустые обещания	paroles vides, promesses vides

Un peu plus tard, au xixe siècle, avec l'appui sur le vrai, un mythe littéraire se forge. Il s'agit de D'Artagnan, personnage réel revisité par Gatien Courtilz Sandras (ancien mousquetaire devenu romancier qui a pu vraiment connaître assez bien d'Artagnan, car il a été enfermé à la Bastille alors que Besmaux, ex-compagnon de d'Artagnan, en était Gouverneur). Courtilz a tiré un récit où le vrai se mêle au faux, attribuable au genre romanesque du pseudo-mémoire: il est auteur des *Mémoires de M. d'Artagnan*, publiées en 1700 (soit 27 ans après la mort du héros gascon), dont s'est à son tour inspiré Alexandre Dumas pour *Les Trois Mousquetaires*. En 1844 Alexandre Dumas père a créé un archétype: le jeune Gascon pauvre, intelligent, hardi, redoutable bretteur, qui monte à Paris où il entre comme cadet dans une compagnie (un régiment militaire).

Puis Edmond Rostand popularise l'expression «les cadets de Gascogne» en imaginant une «compagnie des Cadets de Gascogne» dans sa pièce *Cyrano de Bergerac*:

Ce sont les cadets de Gascogne
De Carbon de Castel-Jaloux;

.....

Bretteurs et menteurs sans vergogne,
Ce sont les cadets de Gascogne! [Rostand, 2000, Acte 2, VII].

On admet alors que ces jeunes Gascons ont fait partie d'un régiment militaire qui servait sous Louis XIII comme composé de gens pauvres émigrés à

Paris pour s'enrichir. Par fierté, ils refusaient d'avouer leur misère et cherchaient à faire croire qu'ils valaient mieux que ce qu'ils étaient réellement. Ils ont fait pleine de promesses en passant.

Il est à noter que la promesse fait partie de l'habitude langagière gasconne. Le Gascon a besoin de rire et de faire rire. Il aime la légèreté des propos. Il aime raconter. Tout est sujet à rire, même les moments dramatiques. Le Gascon est un expert de la *boutade* – «remarque spirituelle, un jeu de mots, une plaisanterie originale, souvent moqueuse et proche de la contre-vérité¹». «C'est cette charge qui secoue l'auditeur, l'allégresse qui s'exalte et la politesse qui s'efface», comme souligne dans son recueil Bruno Roger-Vassel, agrégé de lettres classiques, docteur en littérature française Paris 3 [Roger-Vassel, 2000].

Un autre chercheur dans le domaine des habitudes gasconnes, Jean Castex, précise que l'humour gascon a quelque chose d'incisif, ce qu'il appelle «la senténcia». Il s'agit d'un mot ou d'une courte phrase couperet. «Là où le Français dira faire des étincelles, le gascon, s'il est plus imagé encore, paraîtra plus ambigu, il dira faire «sonner» les fers» [Castex, 1985, p. 34]. On distingue l'humour gascon entre autres: la gasconnade et la trufanderia; il est toujours un peu méchant par contre...Ainsi, le terme de gasconnade (une action ou un propos de Gascon) porte un côté négatif, et même, dans ce contexte là on confond parfois l'humour et la vantardise. Mais ce qui permet

¹ CNTRL. URL: <https://www.cnrtl.fr/lexicographie/boutade>

d'affirmer qu'on est bien dans l'humour, c'est que le Gascon n'hésite pas à se mettre en scène et à se moquer de lui-même. Pour un exemple de trufandéria on cite un exemple du Petit dictionnaire des expressions gasconnes: «J'ai tant mangé que je n'ai plus aucun pli au ventre» qui signifie qu'après avoir beaucoup mangé nous avons le ventre tendu, un peu rond.

UNE VISION LINGUISTIQUE DE LA PROMESSE

Après avoir observé l'usage de la «Promesse de Gascon» dans la parole, examinons l'acte de la promesse en tant qu'un acte de langage qui fait partie des commissifs – classe des actes de langage qui engagent le locuteur à accomplir sa parole dans une action au futur. Dans sa forme explicite et directe la promesse manifeste sa nature performative (je promets, je m'engage). On essaye de comprendre si «La promesse de Gascon» est vraiment proche de la trahison de point de vue linguistique vu qu'elle ne s'achève pas par l'accomplissement des affaires promises?

Dans La théorie des actes de langage élaborée par Austin, Searle, Ducrot, Bérédonner et autres, on peut distinguer certains éléments pertinents pour la recherche en question. Commençons par les conditions de la réussite de la promesse. On sait en effet qu'Austin propose de remplacer, pour les performatifs, le couple vérité/ fausseté par le couple bonheur/ malheur: un performatif (par ex. une promesse) est malheureux, raté, s'il est accompli dans les conditions inadéquates qu'Austin décrit et classifie (par ex. si on n'a pas l'intention de tenir la promesse, ou n'a pas titre à accomplir l'acte).

Un des problèmes les plus importants qu'engendre la théorie d'Austin est celui de sa généralisation, qui aboutit en faite à un effacement de la dichotomie initiale performatif/constatif. Ce qui intéresse Austin, c'est: «L'acte de discours intégral dans la situation intégrale de discours». Il y a donc une dimension d'*acte* dans l'ensemble du langage. Pour arriver à cette conclusion, Austin note qu'il n'y a aucun critère grammatical de distinction du performatif; un même énoncé peut être performatif et constatif [Ibid].

D'après Austin l'échec ou malheur possible du performatif ne se définit pas par la fausseté. Dans les échecs possibles du performatif, il y a deux grands types : ratages et abus [Austin, 1970, p. 18]. On connaît les exemples donnés par Austin de *ratage du performatif* : «Je baptise un enfant, ou un bateau, sans être qualifié pour, ou dans des circonstances inadéquates, ou d'un autre nom que prévu, ou je baptise un pingouin». Dans ces cas là l'acte, pour des raisons conventionnelles (de procédure), est nul et non

avenu, il n'est pas accompli. *Les abus*, en revanche, c'est la catégorie des échecs où l'acte est accompli, mais creux.

Pour les promesse en particulier, on distingue les «insincérités» et les «infractions». «Je promets» dit sans intention de tenir a «un parallèle évident avec le mensonge». C'est l'*insincérité* qui est l'élément déterminant du mensonge, et «on le distingue du simple dire faux». L'insincérité d'un énoncé est la même que l'insincérité d'une promesse. Dire « je promets » sans intention d'agir est parallèle à dire «c'est le cas» sans le croire [Ibid]. Le mensonge fait partie des *abus* de langage – pas en tant qu'énoncé faux, mais comme *action* manquée ou creuse verbale, dit Austin. Il continue ses recherches et évoque qu'il aboutit à un résultat apparemment banal : pour qu'un énoncé performatif soit réussi, il faut des conditions de vérité, pas pour cet énoncé mais pour *d'autres* («je promets», «je m'excuse» n'est pas vrai ou faux au sens où il décrirait un acte ou un état intérieur; pour qu'il soit réussi, il faut que *certaines* énoncés soient vrais, **que je tienne ma promesse** par ex.). Et il développe: dire que le performatif exprime seulement une intention, c'est*la porte ouverte à tous les abus*: car si, en promettant par ex., je décris mon intention, ma promesse est une description de mon état intérieur, elle ne m'engage pas, et si je ne la tiens pas, c'est tout simplement par erreur.

On se permet d'interpréter cette vision d'Austin: **Le problème de la promesse** est pertinent pour tout acte de parole (distinguer des actes du langage), c'est qu'ils peuvent très bien échouer. Il est vrai que le malheur austinien n'est pas le malheur au sens moral. À preuve, les exemples que donne Austin, notamment celui du bigame: Austin précise qu'en disant *I do* (Oui, je prends cette femme pour épouse), le bigame échoue certes à se marier, mais réussit parfaitement, à accomplir l'acte de bigamie [Ibid].

On pourrait croire qu'Austin a voulu montrer avec le performatif que **le langage exerçait une contrainte sur nous**, nous lie. Notre engagement, ce n'est que notre parole, et inversement: notre parole vaut notre engagement (donc, parfois, pas grand-chose, si l'engagement nous est extorqué, par exemple).

Cela veut dire que, contrairement à ce qu'on imagine ou on dit souvent à propos de l'acte de langage, il n'implique pas d'obligation, même et surtout morale: «Rien *dans le langage* ne m'oblige à tenir ma promesse», dit Austin. C'est même aussi pour cela qu'il y a des excuses – pour les cas où l'on ne tient pas ses engagements. Et là est la tragédie (ou la comédie, c'est selon) du rapport entre le langage et l'acte: on peut très bien ne pas tenir sa promesse [Austin, 1994, p. 177].

Néanmoins, «en réalité, c'est par convention que la promesse engage à quelque chose. Austin n'entend pas nécessairement nier le caractère moral de la promesse, mais rappelle seulement que celui-ci réside dans le fait de tenir ou pas ses engagement – pas dans le fait qu'un engagement est pris en faisant une promesse. Cet effet, pour sa part, est dû à la convention qui définit la promesse comme ayant un certain effet: celui d'engager son locuteur à faire ce qu'il a dit – effet qui se distingue de la simple déclaration d'intention, qui est régie par une autre convention» [Ambroise, 2015, p.14].

Ducrot s'intéresse lui aussi à la distinction du performatif du constatif: dans la préface de la traduction française des Actes de langage de Searle il réfléchit: «un critère commode pour détecter les performatifs, c'est leur comportement particulier lorsqu'ils sont traduits du style direct au style indirect. La phrase *il m'a dit "je te promets un livre"* peut se rendre, au style indirect, comme *il m'a promis un livre*, alors que *il m'a dit "je t'apporte un livre"* ne saurait avoir pour équivalent *il m'a apporté un livre* [Laugier, 2004, p. 300]. Ducrot tient comme Austin à ce que la promesse donnée n'engage pas le locuteur. Il critique les conceptions qui tirent profit de l'invention du performatif pour donner au langage une dimension quasi magique d'engagement du «moi» (qu'il n'a pas *plus* dans le performatif que dans le constatif). Il développe: «Car rien ne m'oblige à moraliser, et à soutenir que celui qui a promis est obligé de venir. Je dis simplement que présenter son énonciation comme une promesse, c'est se présenter soi-même comme obligé – ce qui n'implique pas encore qu'on le soit» [Ducrot, 1985, p. 79]. «De ce point de vue, une promesse ne m'oblige pas plus en réalité qu'un ordre qui m'est donné – pour lequel personne ne niera qu'il ne me contraint pas par son énonciation même. Croire qu'il n'en est pas de même pour le performatif, qu'il m'oblige moralement, ce serait croire que je suis engagé parce que c'est *moi* qui suis locuteur, auteur de l'acte (et non pas parce qu'il y a acte). Ce serait encore renoncer à la dimension spécifique d'*acte* du performatif», dit Ducrot.

Pour Austin il est évident qu'il n'y ait pas de contrainte dans le performatif (toute la théorie des excuses le montre), ce qui devient une source de tragédie: pas seulement **qu'on puisse parfaitement ne pas tenir ses promesses**, mais que parfois (et c'est le cas dans la situation d'Hippolyte) il *faill*e les trahir. Lorsque Hippolyte dit: «C'est ma bouche seule qui a juré; mon esprit n'a point fait de serment» [Euripide, 1874, vers 612], il ne s'agit pas d'une échappatoire, et au contraire cela suscite un redoublement et aggravation de la tragédie (car Hippolyte dit cela parce qu'il est en fait incapable de trahir sa promesse de ne pas révéler le secret de Phèdre).

Pour dresser un petit bilan sur la promesse en tant qu'un acte de langage ayant une fonctionnalité performative (côté action et côté mot) on constate que selon Austin et Ducrot:

- Si la promesse est examinée sous angle des actions et si l'énonciation « je promets » soit heureuse, la promesse exige d'être tenue.
- Si la promesse est examinée sous un angle des mots, en tant qu'un acte, elle peut bien être neutralisée par des excuses et rien n'oblige de la tenir.

On ajoute néanmoins une réflexion de Stanley Cavell qui nous est proche. Il parle d'une limite ou d'un non-dit chez Austin, une incapacité à aller au bout de sa découverte, celle de la fragilité du langage et de l'action humaine ensemble. On peut trahir sa parole – notre parole (n'est) (rien que) notre engagement. Mais en même temps, et par voie de conséquence, trahir son engagement, c'est trahir le langage lui-même, la possibilité de faire usage du langage, de le partager avec d'autres... en ne tenant pas ses promesses, on risque de perdre le langage lui-même et la parole [Cavell, 2003, p.181].

«LA PROMESSE DE GASCON». ETAT MODERNE

Malgré son «âge» assez solide et son statut ambigu, la promesse de Gascon continue sa vie dans la langue française courante. Elle existe emballée parfois sous forme de ses synonymes ou incorporée dans des contextes:

- «Les promesses n'engagent que ceux qui les reçoivent¹»
- «Il se ruine à promettre et s'enrichit à ne rien tenir»
- «La promesse a des jambes ; seul le don a des mains»
- «La beauté n'est que la promesse du bonheur»
- «La peur n'est pas avare de promesses²».
- «Nos politiques sont les rois de la promesse de Gascon. Et pourtant, il existe toujours des gens pour croire ce qu'ils disent» [*expressio.fr*].
- «La ministre de l'Education nationale Najat Valaud-Belkacem, en déplacement au Cateau-Cambrésis, a vivement critiqué ce vendredi la proposition d'Alain Juppé d'augmenter de 10% le salaire des

¹ Jacques CHIRAC, Le Monde - 22 Février 1988

² URL: <https://www.proverbes-francais.fr/proverbes-promesse/>

professeurs des écoles, la qualifiant de «promesse de Gascon» irréalizable au vu des finances publiques» (AFP 21/08/2015).

– «Nous nous sommes tous fait des promesses de Gascon. À peine Internet venu au monde, nous le voyions accessible à tous, partout, dans n'importe quelles conditions et capable de nous délivrer des informations de plus en plus gourmandes en ressources» (www.01net.com 05/10/2001).

– «Certes, beaucoup de fonctionnaires devraient bénéficier d'une augmentation de salaire, notamment les professeurs dont le métier est si dévalorisé que le ministère peine à pourvoir tous les postes aux concours de recrutement, même en abaissant les exigences. Mais, après les avoir ignorés, le gouvernement leur fait une promesse de Gascon, puisque, quelle que soit l'issue de l'élection, il ne sera plus aux manettes après le 24 avril. Exercerait-il sur eux une espèce de chantage en leur faisant comprendre que, s'ils veulent être augmentés, ils doivent voter pour Macron?» (www.bvoltaire.fr 16.03.2022).

DÉBOUCHÉ PRATIQUE DE LA RECHERCHE

En exerçant au cours d'un certain temps dans un établissement scolaire français situé en Gascogne, nous nous sommes permis de mener une enquête dont l'objectif était de savoir si les Français qui vivent en Gascogne continuent à utiliser cette expression et fait-elle toujours partie de leur langage courant. En tant qu'un résultat secondaire nous avons appris quelle est leur attitude envers la promesse en générale. L'enquête a été proposée aux lycéens et aux professeurs qui ont participé faiblement par rapport à leurs élèves. À la sortie le sondage a révélé qu'un peu plus que la moitié n'ont jamais entendu parler de l'expression étudiée et ne lient pas la promesse non tenue et la Gascogne.

C'est grâce à leur insouciance et leur approche favorable envers la promesse en générale qu'ils présupposent la connotation positive à la promesse de Gascon comme à l'expression figée en question. De toute façon, la majorité est persuadée que tenir sa promesse est une question d'honnêteté.

CONCLUSION

En concluant notre brève recherche sur la promesse de Gascon aussi linguistique que socio-culturelle et philosophique on tient à mettre en avant les résultats suivants:

– Cela fait presque deux siècles que l'expression existe dans le langage des Français et elle signifie la promesse non tenue.

– Malgré les résultats des études scientifiques menées par des hommes de lettres, des anthropologues et des linguistes qui ont mentionné une certaine légèreté des propos gascons en général et l'humour régionale particulier, la plupart de Français qui habitent en Gascogne considèrent la promesse de Gascon comme négative et ne la pardonnent pas aussi bien que des autres promesses non tenues.

– De point de vue philosophique et en se basant sur les idées des certains linguistes (Austin, Ducrot) on admet une certaine légitimité de ne pas tenir la promesse. C'est pour ça qu'il y a des excuses dans la langue. La promesse de Gascon n'est pas malheureuse. En disant «Je promets» on accomplit l'acte de promettre. Tenir ou ne pas tenir - ce sera une autre histoire.

– Le langage français courant aussi bien que le russe conserve un dualisme envers le concept de promesse (d'une part, la promesse est un fort moyen linguistique de justifier son intention de réaliser ce qui était promis, et d'autre part – l'attitude méfiante de celui qui la reçoit).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Pépin G. Genèse et évolution du peuple gascon du haut Moyen âge au XVII siècle. Langues et cultures régionales de France. OpenEdition Journals. 2012. № 66, 2012. P. 47–79. URL: <https://journals.openedition.org/ml/287>
2. Larcade V. Les cadets de Gascogne. Editions Sud Ouest, 2005.
3. Rostand E. Cyrano de Bergerac. Paris: Gallimard, 2000.
4. Roger-Vasselin B. L'ironie et l'humour chez Montaigne, 2000. https://www.persee.fr/doc/rhren_0181-6799_2000_num_51_1_2395.
5. Castex J. L'humour gascon. LE COTEAU: Editions Hovarth, 1985.
6. Austin J. Quand dire c'est faire (traduction française de How to do Things With Words par Lane G.). Paris: Le Seuil, 1970.
7. Austin J. Écrits philosophiques: Excuses. La vérité. Feindre. (traduction française de Philosophical Paper). Paris: Le Seuil, 1994.
8. Ambroise B. La philosophie du langage de J. L. Austin: ce que la parole fait. Philopsis. 2015. <https://halshs.archives-ouvertes.fr/halshs-01246820>.

9. Laugier S. L'acte de langage ou pragmatique. Revue de métaphysique et de morale. CAIRN. INFO. 2004, № 42, P. 279-303. URL: <https://doi.org/10.3917/rmm.042.0279>
10. Ducrot O. Le dire et le dit. Paris: Editions de minuit, 1985.
11. Euripide Hippolyte. Version de la traduction greco-française. Paris: Hachette. 1874. URL: <http://www.archiv.org/details/hippolyte00euri>
12. Cavell S. Un ton pour la philosophie/ tr.fr. Laugier S. et Domenach E.). Paris: Bayard, 2003.

REFERENCES

1. Pépin, G. (2012) Genèse et évolution du peuple gascon du haut Moyen âge au XVII siècle. Langues et cultures régionales de France. OpenEdition Journals. № 66, 47–79. <https://journals.openedition.org/ml/287>.
2. Larcade, V. (2005). Les cadets de Gascogne. Editions Sud Ouest.
3. Rostand, E. (2000). Cyrano de Bergerac. Paris: Gallimard.
4. Roger-Vasselin, B. (2000). L'ironie et l'humour chez Montaigne. https://www.persee.fr/doc/rhren_0181-6799_2000_num_51_1_2395.
5. Castex, J. (1985). L'humour gascon. LE COTEAU: Editions Hovarth.
6. Austin, J. (1970). How to do Things with Words (Quand dire c'est faire/ tr.fr. de G.Lane). Paris: Le Seuil.
7. Austin, J. (1994). Écrits philosophiques: Excuses. La vérité. Feindre. Paris: Le Seuil.
8. Ambroise, B. (2015). La philosophie du langage de J. L. Austin: ce que la parole fait. Philopsis. <https://halshs.archives-ouvertes.fr/halshs-01246820>.
9. Laugier, S. (2004). L'acte de langage ou pragmatique. Revue de métaphysique et de morale, № 42 (pp. 279-303). CAIRN. INFO. <https://doi.org/10.3917/rmm.042.0279>
10. Ducrot, O. (1985). Le dire et le dit. Paris: Editions de minuit.
11. Euripide. (1874). Hippolyte. Version de la traduction greco-française. Paris: Hachette. <http://www.archiv.org/details/hippolyte00euri>
12. Cavell, S. (2003). Un ton pour la philosophie (tr.fr. Laugier S. et Domenach E.). Paris: Bayard.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Парфенова Лидия Владимировна

соискатель ученой степени кандидата филологических наук кафедры русского языка и теории словесности
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Parfenova Lidia Vladimirovna

PhD student, Department of the Russian Language and Theory of Literature,
Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию 13.09.2022
одобрена после рецензирования 12.10.2022
принята к публикации 14.11.2022

The article was submitted 13.09.2022
approved after reviewing 12.10.2022
accepted for publication 14.11.2022

Научная статья

УДК 81'33

DOI 10.52070/2542-2197_2022_13_868_56

Научно-исследовательская основа лингвокриминалистики и особенности портретирования «цифровой личности»

Р. К. Потапова¹, И. В. Курьянова²

^{1,2}Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия,

²ГБУ г. Москвы «Московский исследовательский центр», Москва, Россия

¹RKPotapova@yandex.ru, ²ivkuryanova@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются способы речевого портретирования «цифровой личности». В условиях цифровой коммуникации противодействие современной преступности возможно средствами и методами прикладной и экспериментальной лингвистики, в частности, судебной лингвистики. Социально-сетевой дискурс как продукт цифровой коммуникации характеризуется совокупностью ряда параметров, которые могут быть выявлены посредством анализа вербальных и паравербальных характеристик текста. В работе приведен лингвистический анализ текста, содержащего признаки имитации интерферентного влияния иной языковой системы, традиционными методами речевого портретирования. Авторами предложены новейшие подходы к лингвистическому профилированию цифрового объекта-текста.

Ключевые слова: лингвокриминалистика, цифровая коммуникация, социально-сетевой дискурс, лингвистическое профилирование

Для цитирования: Потапова Р. К., Курьянова И. В. Научно-исследовательская основа лингвокриминалистики и особенности портретирования «цифровой личности» // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2022. Вып. 13 (868). С. 56–61. DOI 10.52070/2542-2197_2022_13_868_56

Original article

The Research Basis of Linguistic Forensics and the Features of Profiling a “Digital Personality”

Rodmonga K. Potapova¹, Irina V. Kuryanova²

^{1,2}Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia

²Moscow State Budget Institution «Moscow research center», Moscow, Russia

¹RKPotapova@yandex.ru, ²ivkuryanova@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the ways of determining the profiling to a digital personality. In the context of digital communication, counteracting crime is possible by means and methods of applied and experimental linguistics through the author relation text expertise. The main factors that characterize social network discourse presented in the specifics of the texts generated in its process and which are considered as the result of the newest type of Internet-mediated communication. The paper provides a linguistic analysis of a text containing signs of imitation of the interferential influence of another language system, considers traditional and the newest approaches to estimating the key linguistic parameters that would allow to solve profiling issues on the basis of Russian speech.

Keywords: forensic linguistics, cyber communication, social network discourse, linguistic profiling

For citation: Potapova, R. K., Kuryanova, I. V. (2022). The research basis of linguistic forensics and the features of profiling a “Digital Personality”. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 13(868), 56–61. 10.52070/2542-2197_2022_13_868_56

ВВЕДЕНИЕ

Стремительные технологические и социальные перемены современного мира, связанные с использованием высоких технологий во всех сферах жизни общества, стали катализатором смены парадигм в судебном речеведении (термин Е. И. Галяшиной), всесторонне исследующем результаты речевой деятельности человека в криминалистических целях, в частности, для решения задач идентификации говорящего и профилирования (речевого портретирования) его индивидуально-личностных характеристик. Конструируемая посредством использования IT-технологий реальность трансформировалась из социокультурной в цифровую, что привело к эволюции «языковой личности» от собственно «языковой» к «электронной», а затем к «цифровой»¹.

Понятие «цифровой личности» становится концептуальным ядром современной лингвокриминалистики, так как алгоритм передачи информации как цифрового кода существенно повлиял на формирование итогового продукта речевой деятельности человека – текста. Подробно специфика исследования цифрового продукта – текста рассмотрена в статье «Особенности исследования текста в эпоху цифровой коммуникации» [Потапова, Курьянова, 2021]. Кроме того, в условиях современной цифровой реальности стало возможным конструирование своего нового «цифрового Я» – виртуального образа самоидентификации, обладающего определенным набором характеристик (которые пользователь счел нужным сообщить о себе), которые могут существенно отличаться от реальных установок личности. Развитие мобильного Интернета, предоставляющего практически абсолютную свободу передвижения, различные способы мгновенного обмена сообщениями и сохранения инкогнито отправителя (как правило, сообщения в преступных целях передаются под разными никнеймами, с использованием различных ID-адресов и др.), обеспечивает

злоумышленникам широкие возможности сокрытия информации, касающейся данных о личности преступников.

В связи с этим первостепенное значение приобретает задача исследования информативных характеристик голоса и речи человека (как устной, так и письменной) в условиях киберпространства, с помощью которых возможно портретирование «цифровой личности» с учетом разнообразного речевого поведения, обусловленного возрастом, гендерной принадлежностью, особенностями темперамента, уровнем психофизиологического и интеллектуального развития, текущим эмоциональным состоянием, наличием или отсутствием аддикции (наркотической, игровой и пр.), акцентуацией поведения в различных типах ситуативной обстановки, возможными видами патологий, местом формирования речевого навыка и т. д. в условиях опосредованной цифровой реальностью коммуникации.

Данная работа акцентирует внимание на проблемах и задачах речевой экспертологии, стоящих перед современной фундаментальной и прикладной наукой применительно к портретированию «цифровой» личности.

ЛИНГВОКРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ ДИАГНОСТИКА

Концепция «речевого портрета» не нова для современной лингвистики. Изучение речи человека с целью определения его «обликовых» (индивидуально-личностных) характеристик традиционно рассматривается с точки зрения реализации языковых структур на вербальном уровне: логико-структурном, стилистическом, синтаксическом, лексико-фразеологическом, грамматическом, орфографическом, пунктуационном, семантическом и др. Как правило, алгоритм «портретирования» человека по результатам его речевой деятельности строится по следующим принципам (см., например, [Потапова, Потапов, 2006]):

- по уровням языка:
 - (а) фонетика (орфоэпия), орфография,
 - (б) грамматика (морфология и синтаксис),
 - (в) лексика и фразеология;
- по речевому поведению коммуникантов:
 - (а) стилистика речи,
 - (б) речевые тактики, используемые для достижения коммуникативных целей.

Полиинформативность и полифункциональность феномена «речь» позволяет по вербальным

¹ Основы многоаспектного исследования «электронной личности» отражены в работах: Potapova R.K., Potapov V.V. Fundamentals of multi-versatile voice and speech of the "electronic personality" on the basis of voice and speech on the intonation and communication Internet medium. Hum. Being Image Essence Humanitarian Aspects 1-2 (28-29), 87–111 (2017). <https://doi.org/10.31249/chel/2018.03.00>; Potapova R., Potapov V. On individual polyinformativity of speech and voice regarding, speakers auditive attribution (forensic phonetic aspect). In: Ronzhin A., Potapova R., Németh G. (eds). SPECOM, 2016. LNCS (LNAI) 9811, pp. 507–514. Springer, Cham (2016). https://doi.org/10.1007/978-3-319-43958-7_61; Potapova R., Potapov V. Human as acmeologic entity in social network discourse (multidimensional approach). In: Karpov A., Potapova R., Mporas I. (eds). SPECOM, 2017a. LNCS (LNAI), vol. 10458, pp. 407–416. Springer, Cham (2017). https://doi.org/10.1007/978-3-319-66429-3_40

речевым признакам определить такие компоненты «речевого портрета», как, например, социальное происхождение говорящего, его образование, социальный статус (принадлежность к той или иной социальной группе), родной язык говорящего, уровень владения языковыми средствами, профессию, уровень развития интеллектуальных навыков [Потапова, Потапов, 2006].

При диагностическом исследовании аналогового или электронного текста с позиции собственно лингвистических особенностей его реализации классическая формула опоры на вербалику подтверждает свою релевантность¹. Рассмотрим применение традиционных методов лингвокриминалистики на тексте следующего содержания²:

Начальнику по наркотикам Москвы. Хачу саабщить что не давно видел как маи зем-ляки закапавал наркотик в землю. Я работаю на стройки днем и ночь и нет денег а ани багатые тра-вют вас руских. Наркотик спрятон около плащадки сабак там ещё двайная бирёза и дом на студенном праезде или улцы. Если Вам нада найдете. План на другой старане.

При исследовании данного продукта-текста, выполненного традиционным рукописным способом, анализа вербальной информации достаточно экспертам-криминалистам для установления факта имитации интерферентных влияний чужого языка и определения родного – русского – языка автора-исполнителя документа.

Устойчивые метки-дескрипторы, свидетельствующие о достаточно высоком знании и владении автором текста русским языком и исключающие возможность влияния иной системы языка, проявились в наличии таких метаязыковых знаков в слове, как, например, морфемный состав русских слов (*саабщить* – удвоенная гласная на стыке факультативной и основной части слова), частотное употребление русских букв **ь** и **ы** и безошибочное обозначение на письме твердости/мягкости

согласных и фонемы <j> в соответствии с позиционным принципом русской графики (*работая, еще, Начальнику, Москвы, ночь*), использование переноса части слова на другую строку с соблюдением основного (фонетического) принципа правил переноса слова (*зем-ляки, тра-вют*). Использование предикативных конструкций с разными типами связи, осложненными обособляемыми членами предложения, соблюдение их четких границ, относительное разнообразие используемой в тексте русскоязычной лексики, в том числе экспрессивного русского устойчивого словосочетания *днем и ночью*, адекватного смыслу высказывания, а также наличие релевантных лексических актуализаторов, используемых для акцентирования и усиления эмоциональной индексации передаваемой информации, отсутствие случаев использования слов и словосочетаний, не обусловленных смысловой направленностью изложения, в несвойственных им значениях и связях с другими словами, позволяют выявить нарушение корреляционной зависимости уровней развития языковых навыков (высокий уровень развития лексико-фразеологических, синтаксических, логико-грамматических, стилистических навыков и низкий уровень владения орфографическими и пунктуационными навыками русского языка).

Такие лингвистические параметры, как синтаксические, грамматические, лексико-семантические и лексико-стилистические признаки текста, отражающие владение нормами русской речи, а также композиционная организация текста, безусловно, являются концептуальной методической базой при проведении всех видов идентификационного и диагностического анализа. Указанные параметры являются основой для решения задач профайлинга личности по вербальным характеристикам речи.

ОСОБЕННОСТИ ПРОФИЛИРОВАНИЯ «ЦИФРОВОЙ ЛИЧНОСТИ»

Экспоненциальный рост разнообразия форм, средств и методов обработки цифровой информации, в частности автоматическое цензурирование, цифровая обработка речи, использование заранее предлагаемого набора эмотиконов-смайлов и т. п., существенно усложняет работу лингвокриминалистов с текстом [Речевая коммуникация в информационном пространстве, 2017]. Бурно развивающиеся в настоящее время цифровые технологии микро- и макромасштабного характера предоставляют криминогенной среде своего рода «маскировочные средства», нивелирующие ряд

¹ См., например, Potapova R.K., Potapov V.V. Fundamentals of multi-versatile voice and speech of the "electronic personality" on the basis of voice and speech on the intonation and communication Internet medium. Hum. Being Image Essence Humanitarian Aspects 1 – 2 (28 – 29), 87 – 111 (2017). <https://doi.org/10.31249/chel/2018.03.00>; Potapova R., Potapov V. On individual polyinformativity of speech and voice regarding speakers auditive attribution (forensic phonetic aspect). In: Ronzhin A., Potapova R., Németh G. (eds). SPECOM, 2016. LNCS (LNAI) 9811, pp. 507-514. Springer, Cham (2016). https://doi.org/10.1007/978-3-319-43958-7_61; Potapova R., Potapov V. Human as acmeologic entity in social network discourse (multidimensional approach). In: Karpov A., Potapova R., Mporas I. (eds). SPECOM, 2017a. LNCS (LNAI), vol. 10458, pp. 407–416. Springer, Cham (2017). https://doi.org/10.1007/978-3-319-66429-3_40

² Текст приведен в полном соответствии с представленным на исследование анонимным документом с учетом особенностей переноса слов.

индивидуальных особенностей речевого продукта коммуникантов, в процессе которого особенности речи подвергаются деформации, что существенно может исказить как саму информацию, так и изменить индивидуальный портрет (профиль) автора речевого произведения. Подвергающийся многоэтапной цифровой обработке текст преобразуется в «квазитекст», что способствует возникновению так называемого эффекта виральности, что ставит перед экспертным сообществом ряд качественно новых задач, поскольку цифровая обработка аутентичного текста существенно трансформирует первичную лингвистическую информацию [Савельев, 2015; Новые медиа: социальная теория и методология исследований, 2017; Пьер-Гро, 2008; Die Psychologie des Postfaktischen ... 2020].

Разработка проблемы речевого портретирования «цифровой личности» связана с изучением социально-сетевого дискурса (ССД) Интернета [Потапова и др., 2015]. Исследованию социально-сетевого дискурса в последние годы посвящено достаточно большое число работ¹. Коммуникативная деятельность человека включает совокупность специфических, индивидуальных свойств личности, зависящих от собственно образования речевого потока, особенностей фонации, специфики рече-мыслительного навыка, типа нервной деятельности и пр. Таким образом, «речевой портрет» говорящего включает не только вербальные, но и паравербальные и экстравербальные составляющие [Потапова, Потапов, 2006].

Речевое портретирование «цифровой личности» должно строиться с учетом следующих факторов [Potapova, Potapov, 2017; Potapova, Potapov, 2016]:

- когнитивная база коммуникантов;
- многоуровневая (фонологическая, фонетическая, синтактико-семантическая и прагмалингвистическая) структура вербального кодирования и декодирования речевого стимула;
- паравербальная (эмоциональная, эмоционально-модальная и коннотативная) составляющая речевого стимула – речевой реакции высказывания;

- экстравербальная составляющая речевого стимула – речевой реакции высказывания с учетом роли пресуппозиции, а также предыдущего опыта реципиента в той или иной предметной области.

Кроме того, характерной чертой передаваемой информации в Интернете является ее поликодовость, предполагающая использование помимо естественного языка звуковые коды (музыка, различного рода шумы, крик и т. д.), визуальные коды (изображения, цветовые предпочтения и т. д.) и др.

С учетом указанной концепции речевое портретирование «цифровой личности» можно представить в виде следующей модели, представленной на рис. 1.

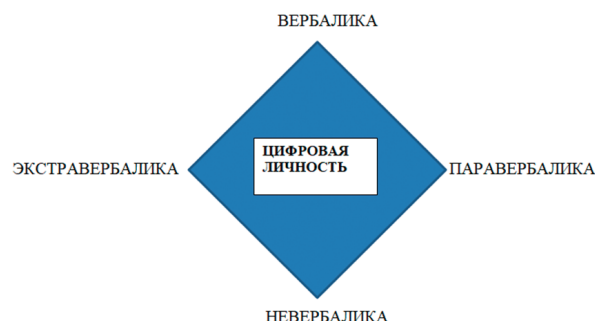

Рис. 1. Модель портретирования «цифровой личности»

В соответствии с многозадачностью и многоэтапностью процесса профилирования (атрибутики, портретирования) «цифровой личности», а также с учетом высокой степени сложности лингвистического анализа цифрового текста, целесообразно выявление закономерностей способов и видов передачи речевой информации в блогах, чатах, различных видах пользовательского контента (комментарии, заметки и др.), в том числе развлекательного и формирование баз данных признаков, необходимых для диагностики личности по речи [Потапова, Курьянова, 2021]. Таким образом может быть построен алгоритм профилирования «цифровой личности» с учетом акустического, перцептивно-слухового (в случае исследования звучащей речи), социопсихологического, интеллектуально-содержательного этапов исследования.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Возможность речевого портретирования имеет классическую исследовательскую традицию. История развития методов, концепций, подходов и решаемых задач в данной области прикладной и математической лингвистики свидетельствует

¹ См., например, Потапова Р. К. Поликодовая среда Интернета и проблемы валеологии / Потапова Р. К., Потапов В. В., Лебедева Н. Н., Агибалова Т. В. ; Под ред. Р. К. Потаповой. М.: ЯСК, 2020. 136 с. [http://www.lrc-press.ru/pics/previews/ru/\(1359\)Potapov-2020-fragment.pdf](http://www.lrc-press.ru/pics/previews/ru/(1359)Potapov-2020-fragment.pdf); Potapova R. K. From deprivation to aggression: Verbal and non-verbal social network communication // Materials of the VI International scientific conference «Global science and innovation». Chicago (USA): Publishing Office Accent Graphics Communications, 2015. Vol. 1. P. 129–137. https://link.springer.com/chapter/10.1007/978-3-319-43958-7_65?error=cookies_not_supported&code=91accfdd-e27d-4873-bb3e-4f3a9a82ae26

о необходимости комплексного исследования цифрового текста с целью дальнейшей разработки алгоритма профилирования «цифровой личности». При этом особую область образует проблема портретирования лиц, подверженных различного рода аддикциям. Наличие острой ситуации в области роста интернет-аддикции, а также увеличение количества акцентированных личностей среди

подростков, различных типов психопатий и психопатологических отклонений, вызванных, например, стремлением к эмансипации в социуме, ставит перед исследователями цифрового контента ряд качественно новых и сложных задач, практическое решение которых будет способствовать процессу объективизации при решении задач лингвокриминалистики.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Потапова Р. К., Курьянова И. В. Особенности исследования текста в эпоху цифровой коммуникации // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. 2021. Т. 20, № 2. С. 5–15. DOI <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.2.1>
2. Потапова Р. К., Потапов В. В. Язык, речь, личность. М.: Языки славянской культуры, 2006.
3. Речевая коммуникация в информационном пространстве / под ред. Р. К. Потаповой. М.: ЛЕНАНД, 2017.
4. Савельев Д. Что такое виральный контент? // TextTerra. 12.01.2015. URL: <https://textterra.ru/blog/chto-takoe-viralnyy-kontent-infografika.html>
5. Новые медиа: социальная теория и методология исследований: словарь-справочник / отв. ред. О. В. Сергеева, О. В. Терещенко. СПб.: Алетейя, 2017.
6. Пьер-Гро Н. Введение в теорию интертекстуальности. М.: ЛКИ, 2008.
7. Die Psychologie des Postfaktischen: Über Fake News, „Lügenpresse“, Clickbait und Co. / Hrsg. M. Appel. Würzburg: Springer, 2020.
8. Потапова Р. К. [и др]. Междисциплинарность в исследовании речевой полиинформативности / Р. К. Потапова, В. В. Потапов, Н. Н. Лебедева, Т. В. Агибалова ; под ред. Р. К. Потаповой. М.: Языки славянской культуры, 2015.
9. Potapova R. K., Potapov V. V. Fundamentals of multi-versatile voice and speech of the “electronic personality” on the basis of voice and speech on the intonation and communication Internet medium. Hum. Being Image Essence Humanitarian Aspects, 1–2 (28–29), 2017. P. 87–111.
10. Potapova R., Potapov V. On individual polyinformativity of speech and voice regarding, speakers auditive attribution (forensic phonetic aspect). SPECOM'2016. Springer, Cham LNCS (LNAI) 9811, 2016.

REFERENCES

1. Potapova, R. K., Kuryanova, I. V. (2021). Features of text research in the age of internet-mediated communication. Science Journal of VolSU. Linguistics, 20(2), 5–15. <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.2.1>
2. Potapova, R. K., Potapov, V. V. (2006). Yazyk, rech', lichnost' = Language, Speech, Personality. Moscow, Publishing House languages of Slavic culture. (In Russ.)
3. Potapova, R. K. (2016). Rechevaya kommunikatsiya v informatsionnom prostranstve = Speech Communication in the Information Space. Moscow, Publishing House LENAND. (In Russ.)
4. Savel'ev, D. Chto takoe viral'nyj kontent? = What Is Virtual Content? URL: <https://textterra.ru/blog/chto-takoe-viralnyy-kontent-infografika.html>. (In Russ.)
5. Sergeev, O. V., Tereshchenko, O. V. (2017). Novye media: sotsial'naya teoriya i metodologiya issledovanij: slov-sprav. = New Media: Social Theory and Research Methodology. Reference Dictionary. St Petersburg, Publishing House Aleteya. (In Russ.)
6. P'ere-Gro, N. (2008). Vvedenie v teoriyu intertekstual'nosti = Introduction to the Theory of Intertextuality. Moscow, Publishing House LKI. (In Russ.)
7. Appel, M. (2020). Die Psychologie des Postfaktischen: Über Fake News, „Lügenpresse“, Clickbait und Co. Würzburg: Springer.
8. Potapova, R. K., Potapov, V. V., Lebedeva, N. N., Agibalova, T. V. (2015). Mezhdistsiplinarnost' v issledovanii rechevoj poliiinformativnosti = Interdisciplinarity in the study of speech polyinformativity. Moscow: Publishing House languages of Slavic culture. (In Russ.)
9. Potapova, R. K., Potapov, V. V. (2017). Fundamentals of multi-versatile voice and speech of the “electronic personality” on the basis of voice and speech on the intonation and communication Internet medium. Hum. Being Image Essence Humanitarian Aspects 1–2 (28–29), 87–111.
10. Potapova, R., Potapov, V. (2016). On individual polyinformativity of speech and voice regarding, speakers auditive attribution (forensic phonetic aspect). In: Ronzhin, A., Potapova, R., Németh, G. (eds.), SPECOM'2016, Cham LNCS (LNAI), 9811, 507–514. Springer.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Родмонга Кондратьевна Потапова

доктор филологических наук, профессор
академик Международной академии информатизации
директор Института прикладной и математической лингвистики
Московского государственного лингвистического университета

Курьянова Ирина Владимировна

кандидат филологических наук, заведующая экспериментально-фонетической лабораторией
криминалистики по речеведению Института прикладной и математической лингвистики
Московского государственного лингвистического университета
начальник Управления судебного речеведения ГБУ г. Москвы «Московский исследовательский центр»
Департамента региональной безопасности и противодействия коррупции г. Москвы

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Potapova Rodmonga Kondratyevna

D.Sc., Professor, Member of the International Academy of Informatization,
Director of Institute of Applied and Mathematical Linguistics of the Moscow State Linguistic University

Kuryanova Irina Vladimirovna

PhD (philological science), Head of the experimental phonetic laboratory of criminalistics for speech translation
at the Institute of Applied and Mathematical Linguistics of the Moscow State Linguistic University,
Head of the Department of forensic linguistics of the Moscow State Budget Institution «Moscow research
center» of the Department of Regional Security and Anti-Corruption of Moscow

Статья поступила в редакцию 15.09.2022
одобрена после рецензирования 14.10.2022
принята к публикации 14.11.2022

The article was submitted 15.09.2022
approved after reviewing 14.10.2022
accepted for publication 14.11.2022

Научная статья

УДК 81

DOI 10.52070/2542-2197_2022_13_868_62

Нумеративы в персидском военном подязыке

С. М. Рулькова¹, А. Г. Лешин², С. В. Арсентьева³

^{1,2,3} *Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия*

¹sofya-rulkova@mail.ru, ²alexandre.leshin@linguanet.ru, ³sofiya_arsenteva@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются особенности использования нумеративов (счетных слов, классификаторов) в персидском и русском военном подязыке. Проводится сравнительно-сопоставительный анализ сферы их употребления в рамках соответствующего подязыка. Предлагаются варианты перевода и пути решения различных переводческих проблем, связанных с использованием и передачей нумеративов и классификаторов при переводе с персидского языка на русский в военном подязыке.

Ключевые слова: нумератив, классификатор, числовые детерминативы, персидский язык, военный подязык, военный перевод, терминология

Для цитирования: Рулькова С. М., Лешин А. Г., Арсентьева С. В. Нумеративы в персидском военном подязыке // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2022. Вып. 13 (868). С. 62–67. DOI 10.52070/2542-2197_2022_13_868_62

Original article

Numeratives in the Persian military sublanguage

Sofia M. Rulkova¹, Alexandre G. Leshin², Sofia V. Arsenteva³

^{1,2,3} *Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia*

¹sofya-rulkova@mail.ru, ²alexandre.leshin@linguanet.ru, ³sofiya_arsenteva@mail.ru

Abstract. The article offers a review of peculiarities of the use of numeratives (classifiers) in the Persian and Russian military sublanguages. The study also presents a comparative analysis of their usage in different fields of the Persian and Russian military sublanguages. The article offers some options and ways of translation to solve various translation problems related to the usage and interpretation (translation) of classifiers from Persian into Russian in the military sublanguage.

Keywords: numeratives, classifiers, numerical determinants, the Persian language, military sublanguage, military translation, terminology

For citation: Rulkova, S. M., Leshin, A. G., Arsenteva, S. V. (2022). Numeratives in the Persian military sublanguage. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 13(868), 62–67. DOI 10.52070/2542-2197_2022_13_868_62

ВВЕДЕНИЕ

Принято считать, что система счета возникла в мышлении и речи человека для отражения практической деятельности, например, определения количества товаров при сделках обмена или купли-продажи и выполнения сравнения. Счет был не абстрактным, а привязанным к определенной группе предметов, обладающих определенными характеристиками: массой, весом, материалом изготовления. Необходимость вести подсчет, исходя из разных характеристик, могла привести к появлению в естественных языках различных приемов подсчета различающихся классов или групп предметов. Вероятно, так появился отдельный класс лексем – нумеративов, также называемых счетными словами, классификаторами или числовыми детерминативами. Со временем в различных языках мира роль нумеративов укрепились или ослабились. Это обуславливает существование переводческих проблем при передаче классификаторов на языке перевода из-за высокой вероятности лакуарности по отношению к языку оригинала.

ЧТО ТАКОЕ НУМЕРАТИВ?

Нумеративы, или классификаторы, – это лексико-грамматический разряд слов – синтаксические лексемы или морфемы – употребляемые при существительных в составе количественной конструкции. В русском языке им близки лексемы *штука, пара, голова* и др. [Жеребило, 2010].

Лингвисты расходятся во мнении о том, можно ли отождествлять термин «нумератив» («классификатор») и «счетное слово». Как отмечает В. А. Виноградов, «функционально с классификаторами сближаются так называемые счетные слова европейских языков (типа «штука», «пара»), но они факультативны в языке и не связаны с классификацией предметов». Следовательно, не все счетные слова можно считать нумеративами, но не наоборот. Также неверно относить к нумеративам (классификаторам) именные классы, которые «являются чисто грамматическими элементами, не способными к самостоятельному употреблению и обязательными в структуре существительных и/или согласуемых с ними слов» [Виноградов, 1990, с. 228].

Классификаторы обычно образуют особый функциональный подкласс существительных, которые чаще всего употребляются для оформления грамматической схемы «числительное + существительное» или «местоимение-числительное + существительное». В некоторых языках нумеративы приобретают грамматические показатели,

и в таком случае могут сами выступать как опорное имя в счетной конструкции.

Количество классификаторов в разных языках может варьироваться. Согласно «Лингвистическому энциклопедическому словарю» под редакцией В. Н. Ярцевой [Лингвистический энциклопедический словарь, 1990], классификаторы соотносятся с группировкой существительных по денотативным признакам, отражающей классификацию человеком объектов действительности по их форме, объему, состоянию, одушевленности / неодушевленности. Однако иногда классификаторы могут выступать без опорного существительного.

Свойства типичных классификаторов:

- 1) обязательность в нумеративных конструкциях;
- 2) отсутствие лексической семантики – невозможность употребления обособленно от нумеративных конструкций или числительного;
- 3) сочетание грамматической и лексической функций.

Несмотря на последнее свойство, следует иметь в виду, что в языкознании нумеративы рассматриваются в разделе «лексика», а не «грамматика».

ЯЗЫКИ С НАИБОЛЬШЕЙ ЧАСТОТНОСТЬЮ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ НУМЕРАТИВОВ

Классификаторы широко представлены в сино-тибетской языковой семье (например китайском, бирманском языках), австроазиатской семье языков (в частности, в мон-кхмерской и вьетской группах); японско-рюкюской языковой семье; малайско-полинезийской семье (например, в малайском и индонезийском языках); а также в корейском языке, языках майя, атабаскских, австронезийских и др. Употребление нумеративов в разной степени наблюдается в семито-хамитской семье языков (арабском), индоевропейских языках (русском, персидском).

В русском языке употребление счетных слов обязательно при использовании конструкции «числительное + неисчисляемое существительное», например: *два стакана молока, пять кусков мяса*. Также распространено употребление счетных слов, образованных от числительного: *десяток яиц, тройка лошадей*. Употребление нумеративов в русском языке ограничено и зависит от устоявшейся формы употребления классификатора в словосочетании: например: *пять голов крупного рогатого скота, семь кочанов капусты*.

В персидском языке наблюдается широкое употребление нумеративов. В качестве примера приведем фразу *شش نفر از کارمندان* [näfär

äz kârmändân], – *пять человек рабочих* или
سه تا (دانه) از لیموناد [se tâ (dâne) äz limunâd] – *три
штуки лимонада*.

Иранист А. Эстаджи различает несколько под-
групп счетных слов в персидском языке:

- 1) литературные слова, обозначающие еди-
ницы измерения (литр, грамм, час, градус):
سه کیلو از آرد [se kilu äz ârd] – *три кило-
грамма муки*;
- 2) количественные счетные слова: существи-
тельные с семантическим ядром «сосуд»
или «тара», например: *стакан, бутылка,
бочка, контейнер* и т. п.: دو بطری آب [do
botri ab] – *три бутылки воды*;
- 3) счетные классифицирующие слова (клас-
сификаторы) – особая группа слов, обяза-
тельная к употреблению в составе количе-
ственной конструкции: پنج قلاده سگ [panj
qalade sag] – *три [штуки] собаки*;
- 4) групповые счетные слова, к которым отно-
сятся существительные, указывающие на
некую количественную общность опреде-
ленных исчисляемых существительных –
отряд, стая, стадо и т. п.: یک دسته زنبور عسل

[yek daste zambur-e asal] – *[один] рой пчел*
[Эстаджи, 2010, с.103–104].

НУМЕРАТИВЫ В ПЕРСИДСКОМ ВОЕННОМ ПОДЪЯЗЫКЕ

Военный персидский подъязык богат нумера-
тивами, причем, в отличие от русского военно-
го подъязыка, где использование счетных слов
ограничено (например, *орудие, ствол, единица*
[*техники*]), персидский язык отличается лекси-
ческим многообразием данного класса лексем.
Классификаторы образуют особую систему: раз-
ные существительные употребляются с разными
классификаторами. Однако существуют и нуме-
ративы с более широким значением и сферой
употребления.

В таблице 1 представлены наиболее часто
встречающиеся нумеративы персидского военно-
го подъязыка с переводом на русский язык. Таб-
лица составлена на основе Персидско-русского
словаря в двух томах [Персидско-русский сло-
варь, 1985] и «Русско-персидского словаря» [Рус-
ско-персидский словарь, 2005].

Таблица 1.

НУМЕРАТИВЫ ПЕРСИДСКОГО ВОЕННОГО ПОДЪЯЗЫКА

Нумератив	Транскрипция	Перевод	Сфера употребления
قبطه	[gäbзэ]	штык <i>устар.</i> ; ствол	при счете оружия, ножей, мечей
عراده اسلحه	[äppâdэ] [äslähe]	орудие; единица	при счете артиллерийских орудий и танков
فروند	[färväнд]	ВМС: нумератив в русском языке отсутствует; ВВС: самолет, борт, (боевая) единица, двойка или тройка (военных) самолетов	при счете кораблей, самолетов
نفر تن	[nafar] [tan]	человек (при подсчете личного состава); военнослужащий; солдат	при счете живой силы
قطار	[gätâr]	нумератив в русском языке отсутствует	при счете патронов, снарядов
دستگاه	[dästrâh]	единица, машина; орудие; 3) нумератив в русском языке отсутствует	при счете боевых машин артиллерийских орудий электронных и технических средств
فقره	[fägärэ]	нумератив в русском языке отсутствует	при счете: – канцелярских папок, – докладов, – записок, – чеков, – писем и т. п.

При анализе семантики вышеуказанных счетных слов можно заметить тесные семантические связи между нумеративом и тем объектом, к которому он относится. Например, персидский нумератив *قُبضه* [gäbzə] помимо функции классификатора может иметь следующие значения: «1) шейка приклада (винтовки); 2) рукоятка, эфес (сабли, шашки)». Персидский нумератив *فروند* [färvänd] помимо функции классификатора обладает значениями «1) румпель; 2) рукоятка руля (корабля). Нумератив *عَرَادَه* [ärrādə] – 1) лафет (орудия) или 2) колесо».

Нумератив *فروند* [färvänd] употребляется в качестве счетного слова как для определения количества кораблей и судов военно-морских сил, так и для подсчета летательных аппаратов. При этом военнотружашие военно-воздушных сил употребляют нумеративы *двойка* и *тройка* по отношению к истребителям, выполняющим боевую задачу в воздухе. Для установления возможности использования этих счетных слов в качестве перевода нумератива *فروند* [färvänd] представляет определенный интерес история его возникновения. Данный нумератив получил широкое распространение во время Второй мировой войны. В НИИ Военно-воздушных сил СССР изучали результаты атак истребителей на бомбардировщики и были сделаны выводы о том, что атака одного истребителя дает вдвое меньше попаданий по цели, чем нужно для уничтожения бомбардировщика, поэтому была принята концепция использования трех истребителей – *тройки* – ведущего истребителя и за ним пары ведомых. Однако в дальнейшем опыт боевых действий показал, что такая тактика малоэффективна. Высшее военное и политическое руководство страны сделало выбор в пользу *двойки* – боевого порядка из двух истребителей: одного ведущего и одного ведомого. Со временем лексемы *двойка* и *тройка* приобрели значение нумеративов и в разговорной речи стали употребляться без опорного существительного *истребитель*. Например, *двойка СУ-35 в воздух* или *боевой вылет двойки МиГ-21*. Стоит иметь в виду, что данные нумеративы употребляются в рамках разговорного стиля речи и являются профессиональным жаргоном.

ОБЩИЕ ТЕНДЕНЦИИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ НУМЕРАТИВОВ В ПЕРСИДСКОМ ЯЗЫКЕ

Несмотря на то, что в персидском языке категория числовых детерминативов довольно обширна, многие лингвисты сходятся во мнении, что частотность употребления данного подкласса лексем сокращается, и люди склонны опускать нумератив при употреблении конструкции с числительным

как в повседневной разговорной, так и официально-деловой речи. Однако по-прежнему существуют устойчивые конструкции, в которых опущение классификатора неприемлемо. Примером могут послужить конструкции, в которых счетное слово заменяет существительное [Захраи, Пулаки, Бейги, 2015]:

فروند به ۴۴۷ ایران تعداد جنگنده های خود را از
برساده فروند ۵۰۰

– букв. 'Иран увеличил число своих истребителей с 447 самолетов до 500 самолетов'.

В данном предложении в обоих случаях слово *فروند* используется обособлено и играет роль существительного в значении «самолет». Сравним с другим примером, где классификатор не несет смысловую нагрузку:

یک هزار از عراده تانکها نابود شد.

– букв. 'Была уничтожена тысяча из единиц танков'.

В данном случае классификатор употребляется в паре с существительным и полностью дублирует его значение «танк».

Роль нумеративов также сохраняется в вопросительных предложениях, требующих ответ числительным. Например:

– تجهيزات دشمن به غنیمت گرفتیم!

– چند تا؟

– دو تا از دستگاه نفربر زرھی و سه اسلحه از هویتزر.

– Мы захватили технику противника!

– Сколько? (букв. 'Сколько штук').

– Два БТР и три гаубицы. (букв. 'Две штуки БТР и три штуки гаубиц').

В данном диалоге можно заметить использование сразу трех различных классификаторов (*تا* [tâ], *دستگاه* [dästgâh] и *اسلحه* [äslähe]), каждый из которых в русском языке имеет значение «штука». Употребление различных нумеративов обосновывается их сочетаемостью с разными существительными. В вопросе приведенного выше диалога употреблен нумератив *tâ* с наиболее широким значением. При переводе данного диалога уместнее всего опустить все три классификатора, так как это позволяет сократить время перевода и не искажает смысл высказываний.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Классификаторы по-прежнему играют важную роль как в разговорной, так и в профессиональной речи. Тенденция к игнорированию числовых

детерминативов в устной речи, вероятно, обусловлена необходимостью делать выражение смысла высказывания в речи более емким и лаконичным.

Группа классификаторов в персидском военном языке шире, чем в русском, что следует из представленной в исследовании сопоставительной таблицы классификаторов на обоих языках. При этом чаще всего в языковой паре персидский язык (исходный) – русский язык (переводной) такое различие в количестве нумеративов не представляется сложной переводческой проблемой: в большинстве случаев нумератив дублирует значение существительного, к которому он относится. При выполнении перевода специалисту следует:

- 1) вычислить классификатор в исходной фразе;
- 2) подобрать эквивалентный перевод, если такой существует в языке реципиента;
- 3) в случае отсутствия эквивалента в языке перевода, прибегнуть к переводческому приему «опущение».

Иногда нумератив может полностью заменить существительное. В таком случае переводчику следует, проанализировав контекст или опираясь на фоновые знания, заменить классификатор на существительное, к которому он относится.

Не следует забывать, что существуют классификаторы, которые уместны только в профессиональном жаргоне. Использование таких нумеративов в официальной речи недопустимо.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Жеребило Т. В. Словарь лингвистических терминов / Изд. 5-е, испр. и доп. Назрань: Пилигрим, 2010.
2. Виноградов В. А. Классификаторы // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Советская энциклопедия, 1990.
3. Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Сов. энциклопедия, 1990.
4. Эстаджи А. Анализ счетных слов в персидском языке // Языкознание и диалект Хорасана. No 1. Мешхед, 2010.
5. Персидско-русский словарь в 2-х т. / М. Н. Османов, Д. Х. Дорри, Л. Н. Киселева и др.; авт. предисл. Ю. Рубинчик. М.: Русский язык, 1985.
6. Русско-персидский словарь / Восканян, Г. А. М.: Восток-Запад: АСТ, 2005.
7. Захраи С. Х., Пулаки П., Бейги М. Анализ системы счетных слов в персидском языке в сопоставлении с русским языком // Вестник Московского государственного областного университета (МГОУ). Серия: Лингвистика. 2015. № 4. С.184–190.

REFERENCES

1. Zherebilo, T. V. (2010). Slovar lingvisticheskikh terminov = Dictionary of linguistic terms, 5th ed. Nazran: Piligrim. (In Russ.)
2. Vinogradov, V. A. (1990). Klassifikatory // In V. N. Jarceva (ed.), Lingvisticheskii Entsiklopedicheskii Slovar (pp. 000). Moscow: Sovetskaya entsiklopediya. (In Russ.)
3. Yartseva, V. N. (1990). Lingvisticheskii entsiklopedicheskii slovar = Linguistic encyclopedic dictionary. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya. (In Russ.)
4. Estaji, A. (2010). Analiz schetnykh slov v persidskom yazyke = Analysis of counter words in the Persian language. Linguistics and dialect of Khorasan. No 1. Mashhad.
5. Osmanov, M. N., Dorri, D. H., Kiselev, L. N. et al. (1985). Persidsko-russkiy slovar v 2 tomah = Persian-Russian dictionary in 2 volumes. Moscow: Russkiy yazyk. (In Russ.)
6. Voskanyan, G. A (2005). Russko-persidskiy slovar = Russian-Persian dictionary. Moscow: Vostok-Zapad. (In Russ.)
7. Zahraee, S., Poulaki, P., Beigi, M. (2015) Analysis of the system of count words in the Persian language in comparison with the Russian language // Bulletin of the Moscow Region State University. No 4. P. 184–190. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Рулькова Софья Михайловна

преподаватель Военного учебного центра

при Московском государственном лингвистическом университете

Лешин Александр Геннадьевич

старший преподаватель, начальник цикла Военного учебного центра
при Московском государственном лингвистическом университете

Арсентьева София Витальевна

преподаватель Военного учебного центра
при Московском государственном лингвистическом университете

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Rulkova Sofia Mikhailovna

Instructor at the Military Training Centre,
Moscow State Linguistic University

Leshin Alexandre Gennadievich

Instructor and Senior Lecturer at the Military Training Centre,
Moscow State Linguistic University

Arsenteva Sofia Vitalievna

Instructor at the Military Training Centre,
Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию 15.09.2022
одобрена после рецензирования 11.10.2022
принята к публикации 14.11.2022

The article was submitted 15.09.2022
approved after reviewing 11.10.2022
accepted for publication 14.11.2022

Научная статья
УДК 811.11
DOI 10.52070/2542-2197_2022_13_868_68

Специфика описания категории «Tatort» на примере немецкого детективного романа Шт. Брюггентиса «Мальчик без тайн»

М. Б. Рыбакова

*Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
eva212@inbox.ru*

Аннотация. В статье рассматриваются ключевые понятия, используемые автором немецкого детективного романа при описании места происшествия (Tatort). Покадровая организация описываемого места события позволяет вычлнить детали, которые стимулируют поиск и помогают разгадать смыслы, существенные для раскрытия преступления. Понятие «место происшествия» выполняет текстообразующую функцию, соответствующую жанровому канону, – разгадка тайны преступления. Покадровая организация места происшествия актуализирует «кинематографичность» детективного романа.

Ключевые слова: детективный жанр, кинематографичность, место преступления, ключевое понятие, художественная деталь

Для цитирования: Рыбакова М. Б. Специфика описания категории «Tatort» на примере немецкого детективного романа Шт. Брюггентиса «Мальчик без тайн» // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2022. Вып. 13 (868). С. 68–73. DOI 10.52070/2542-2197_2022_13_868_68

Original article

Specificity of the Description of the Tatort Category on the Example of the German Detective Novel by St. Bruggentis “The Boy without Secrets”

Margarita B. Rybakova

*Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
eva212@inbox.ru*

Abstract. The article considers the key concepts used by the author of the detective novel when describing the crime scene. Frame-by-frame text construction of the detective novel allows you to isolate details that stimulate the search for hidden meanings. This, in turn, performs a text-forming function and meets the canon crime. This frame-by-frame construction of the text also actualizes a “cinematography attribute” of detective novels.

Keywords: detective fiction, cinematography attribute, crime scene, key concept, artistic detail

For citation: Rybakova, M. B. (2022). Specificity of the Description of the Tatort Category on the Example of the German Detective Novel by St. Bruggentis “The Boy without Secrets”. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 13(868), 68–73. 10.52070/2542-2197_2022_13_868_68

ВВЕДЕНИЕ

Детективный жанр является одним из наиболее востребованных современных литературных жанров, который в силу своих лингвистических особенностей вызывает интерес как у читателей, так и у исследователей. В качестве специфических свойств жанра следует рассматривать его «кинематографичность» и сценарный характер. Под кинематографичностью мы понимаем способность вербального кода визуализировать образы и поккадровое построение нарративной структуры текста, под сценарным характером – ориентированность текста на изображение аудиовизуальной динамики. В силу данных свойств тексты детективных произведений нередко служат основой для сценариев художественных фильмов и телевизионных сериалов, аудиопьес, компьютерных игр (например, «Sherlock Holmes: Crimes and Punishments», «Agatha Christie: The ABC Murders»). Успешно экранизируются как детективные произведения признанных классиков жанра, так и произведения современных авторов. Одним из примеров неугасающего интереса к детективному жанру и его воплощению на киноэкране служит ставший культовым немецкий телевизионный сериал «Tatort», выпускающийся с 1970 года каналом ARD. Название сериала подчеркивает важность категории места преступления и, в более широком смысле, места действия. Сериал смотрят более 10 млн телезрителей, и он уступает по количеству просмотров лишь трансляциям футбольных матчей¹. При этом целевая аудитория может выбрать предпочтительный для себя жанровый формат, так как на основе отдельных серий уже опубликованы романы, и выпущены аудиокниги. В данном случае происходит процесс *новелизации*, когда коммерчески успешные художественные фильмы, телевизионные сериалы и компьютерные игры получают литературное воплощение и превращаются в художественное произведение. Новелизация также вносит свой вклад в создание целой вселенной вокруг успешного проекта [Кронгауз, 2018]. О популярности сериала свидетельствуют не только интернет-сайты его поклонников², но и количество работ критиков и литературоведов, посвященных сериалу³.

В рамках данной статьи мы рассматриваем роль ключевых понятий в организации места происшествия и в создании эффекта кинематографичности в детективном романе.

¹ <https://www.medienkorrespondenz.de/leitartikel/artikel/das-witte-papier.html>

² <https://tatort-fans.de/>

³ https://www.iaslonline.lmu.de/index.php?vorgang_id=3166

КИНЕМАТОГРАФИЧНОСТЬ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ КЛЮЧЕВЫХ ПОНЯТИЙ

Опираясь на труды Ю. М. Лотмана, посвященные семиотике кинематографа, мы исходим из того, что нарративная структура текста напоминает поккадровое построение фильма [Лотман, 1973]. Как режиссер создает отдельный кадр, так и автор при помощи вербальных средств позволяет читателю представить себе описываемые персонажи, события и, на чем мы бы хотели сконцентрировать наше внимание, *место происшествия*. Читатель получает «возможность увидеть “кино”, где смена риторических (языковых) приемов способствует смене ментальных кадров – образов и картин, как в фильме» [Гусейнова, Косиченко, 2018, с. 60]. Важно отметить, что поккадровое построение текста, а также применение кинематографических фреймов восприятия действительности, например стоп-кадр или крупный план [Мартынова, 2016], предоставляет возможность вычленив любую деталь, существенную для читателя и зрителя и выполняющую сигнальную функцию.

Как в литературном произведении, так и на киноэкране сюжет, преимущественно разворачивается вокруг определенных ключевых слов, которые становятся лейтмотивом всего произведения. Ключевые понятия дополняются художественными деталями, которые стимулируют поиск скрытых смыслов [Гусейнова, 2018] и создают «кинематографическую» картину происходящего. Особое значение приобретают описание и взаимодействие с пространством, а также с объектами, которые его заполняют.

Остановимся на одном из тексто- и жанрообразующих элементов произведения детективного жанра – месте происшествия. Отправной точкой расследования, которое одновременно проводят сыщик, полиция и опытный читатель, является осмотр места происшествия – *Tatort*. *Tatort* мы трактуем широко: и как место происшествия, и как юридический термин, и как место совершения преступления. Немецкий словарь⁴ приводит следующую дефиницию: «Ort, an dem die Straftat begangen wurde» с пометой *Jura* (юриспруденция). При этом *Tatort* включает в себя, по нашему мнению, как конкретную локацию, т. е. место, где был обнаружен труп или совершено преступление, так и в более широком смысле населенный пункт и страну. При описании конкретного места происшествия автор руководит читательским восприятием, вводя в фокус его внимания объекты, которые приобретают сигнальную, знаковую функцию. Успешная интерпретация данных знаков позволяет установить истину и раскрыть преступление.

⁴ <https://www.dwds.de/wb/Tatort>

CASE STUDY: ШТЕФАН БРЮГГЕНТИС «МАЛЬЧИК БЕЗ ТАЙН»

Для иллюстрации указанной специфики описания места преступления обратимся к детективному роману Штефана Брюггентиса «Мальчик без тайн» (2009) (St. Brüggenhies «Der geheimnislose Junge»¹), в котором кёльнский комиссар Збигнев Майер расследует таинственное исчезновение подростка Тимо Линднера. Расследование начинается с тщательного осмотра квартиры и комнаты Тимо. Целью осмотра являются обнаружение и интерпретация следов из прошлого, которые могут помочь в реконструкции событий накануне его исчезновения – *Spuren aus der Vergangenheit*. Лексема *Spur* присутствует в тексте в составе разных словосочетаний (*Spuren hinterlassen, eine Spur entdecken, etwas, was uns endlich auf seine Spur bringt*), т. е. таким образом она приобретает текстообразующую функцию.

Так, при первом визите в квартиру семьи пропавшего подростка комиссар отмечает ее ухоженный, чистый вид и богатую обстановку. Однако именно это первое впечатление заставляет настроиться и комиссара, и читателя:

Zbigniews erster Eindruck war, dass sich hinter einer derartigen Fassade etwas verbergen musste. Aber Zbigniew wusste, dass dieser Gedanke eher einem Filmklischee nachlief, als dass er der Realität entsprach (St. Brüggenhies. *Der geheimnislose Junge*).

Автор «играет» с читателем, в то время как комиссар предполагает, что попал под влияние кинематографических клише (Filmklischee). Упоминание в тексте кинематографического клише и, далее, серии «Tatort-Köln» свидетельствует прежде всего о тесной связи литературного и кинематографического представления детективного жанра. Употребление в тексте слов лексико-семантической группы кино является, по мнению И. А. Мартыановой, вторичным признаком кинематографичности текста произведения [Мартыанова, 2018]. Следует отметить, что, так как автор романа создает сценарии к вышеупомянутому телевизионному сериалу, он стремится к визуализации и динамизации литературного текста. Этот факт объясняется, на наш взгляд, тем, что автор учитывает особенности читательского восприятия: современный читатель является в первую очередь по своей природе зрителем [Пономарёва, 2016; Асеева, 2020]. Предчувствие Майера, что за фасадом внешнего благополучия

могут скрываться тайны, находит свое подтверждение в дальнейшем. В комнате подростка комиссара и его помощника поражает тот факт, что в помещении нет двери. «Дверь» и «замок» (Tür, Schloss) становятся ключевыми понятиями романа, изотопические цепочки с данными лексемами пронизывают всё пространство текста, формируя кинематографичность, привлекательную для читателя. Обратимся к конкретным примерам. Лексемы *дверь* и *замок*, взаимосвязанные друг с другом семантически – *закрывать дверь на замок* – участвуют в образовании сложносоставных лексем и сопровождаются эпитетами, сигнализирующими о важности данных художественных деталей:

- die seltsam anmutende **Türk**onstruktion (странный на вид дверной механизм)²
- das Türschloss, ein besonderes Sicherheits-schloss (дверной замок, особый секретный замок)
- eine Wohnung ohne verschließbare Türen (квартира с дверями, которые не закрываются)
- die türlose Wohnung (квартира без дверей)
- der seltsame Türschließmechanismus (странный дверной механизм)

Отсутствие двери наводит на мысль, что у подростка нет своего личного пространства, нет возможности установить свои личные границы в физическом пространстве, а, значит, не может быть и тайн:

Er dachte darüber nach, was die fehlende Tür bedeutete: keine Privatsphäre (St. Brüggenhies. *Der geheimnislose Junge*).

Это, в свою очередь, находит отражение в сильной позиции текста, в названии – «Мальчик без тайн» («Der geheimnislose Junge»). Лексема *Geheimnis* (*тайна*) также выполняет текстообразующую функцию и отсылает читателя к канону детективного жанра: цель расследования заключается именно в раскрытии тайны и установлении личности преступника. Таким образом указанные лексемы способствуют созданию кинематографичности, так как именно вокруг них строится конкретное событие (эпизод).

Оппозицию к открытым пространствам, описываемым в тексте, образуют тайники (*Versteck*), обнаруженные комиссаром в ходе расследования. Первый тайник находится под одной из кафельных плиток в ванной комнате, где подросток прятал мобильный телефон, *ein kluges Versteck* (*умный тайник*). Эпитет *умный* подчеркивает интеллектуальные способности Тимо. Ванная комната неслучайно

¹ Brüggenhies, St. Der geheimnislose Junge. Frankfurt am Main: Eichhorn AG, 2009

² Здесь и далее перевод наш – М. Р.

выбрана для тайника – это единственное место в квартире родителей, которое запирается на замок:

Die Toilette war der einzige Ort in dieser Wohnung, wo Timo sich einschließen und zurückziehen konnte (St. Brüggenhies. *Der geheimnislose Junge*).

Общеупотребительное слово *Versteck*, погруженное в эпизод, приобретает дополнительный смысл, создающий кинематографичность в детективном романе.

Далее комиссар обнаруживает тайное убежище (*eine geheime Bude*) на заброшенной фабрике – *ein kleines Geheimversteck*. При этом понятие *Versteck* неразрывно связано с *Geheimnis*, которое усиливает значение слова *тайник*. Именно в тайном убежище комиссар находит ключевую улику – зашифрованный личный дневник подростка:

Sein Geheimstes lag an einem sicheren Platz (St. Brüggenhies. *Der geheimnislose Junge*).

В процессе расследования Майер устанавливает, что кодом для расшифровки дневника является музыкальная партитура «Фантастической симфонии» Г. Берлиоза, обнаруженная в комнате Тимо.

Включение музыкального дискурса в произведение актуализирует параметр интердискурсивности, присущий современным детективным романам. Под интердискурсивностью мы понимаем, вслед за В. Чернявской, текстовую категорию, которая предполагает «переключение» на другую систему знаков и кодов. При переходе от одного типа дискурса к другому в художественном тексте создается сильный воздействующий эффект. «Воспринимающее сознание “переключается” в иное ментальное пространство и начинает “работать” с другими кодами, смыслами, системами знания при оценке и интерпретации данного в тексте содержания» [Чернявская, 2007, с. 23].

Благодаря расшифровке дневника комиссар получает представление о внутреннем мире подростка и может продвинуться в своем расследовании:

Diese Zeilen waren die Antwort auf die fehlende Tür (St. Brüggenhies. *Der geheimnislose Junge*).

В приведенном выше примере *fehlende Tür* (*отсутствующая дверь*) происходит двойная актуализация смысла глагола *fehlen* (*не хватать, недоставать; отсутствовать*). С одной стороны, известно, что отсутствует конкретная дверь в комнате мальчика, с другой стороны, вопрос о том, почему дверь отсутствует, представляет собой недостающее звено

в логической цепочке рассуждений комиссара. На данном примере мы видим, что, в отличие от кино, где знаки характеризуются предельной денотативностью, в литературном тексте семантика слова может выходить за пределы его денотативного значения [Михайловская, Строгалева, 2018].

К ключевым словам, повторяющимся на протяжении всего текста и служащим подсказкой к его интерпретации, относится лексема *Fenster* (*окно*). Лексема *Fenster* влечет за собой цепочку, связанных по смыслу слов: *hinausschauen, sehen, Anblick* (*видеть, выглядывать, взгляд, вид*). Автор акцентирует внимание на виде из окна квартиры подростка и упоминает, что напротив дома Тимо располагается дом, в котором проживает министр экономики земли Северный Рейн-Вестфалия. В конце романа читатель узнает, что именно он является преступником:

Hier, über den Dächern von Köln, hatte sich durch Blickkontakte der Beginn des Dramas ergeben (St. Brüggenhies. *Der geheimnislose Junge*).

Ключевым словом служит также лексема *Schloss*, которая в тексте романа выступает в обоих омонимических значениях: «замо́к» и «за́мок». Расследование приводит комиссара в замо́к во Франции с обманчивым красивым названием «За́мок любви». Описывая место расположения и сам замо́к, автор использует эпитеты с положительной коннотацией: *romantisch, Magie, Harmonie* (*романтический, магия, гармония*). Противовесом названию замо́ка выступает название деревушки, расположенной рядом с замо́ком, которое сигнализирует о смертельной опасности:

Ein kleines Dorf mit dem Namen Mortiers... Ein seltsamer Name... Tod... Mordor, Moriarty, Mortiers (St. Brüggenhies. *Der geheimnislose Junge*).

Использованная в приведенном примере фигура речи, *градация (климакс)*, служит нагнетанию страха.

В ходе расследования удастся установить, что замо́к является местом, где совершаются сексуальные преступления в отношении подростков, вследствие чего происходит превращение «за́мка любви» в «за́мок ужаса»:

... rauswollte, aus diesem Schloss des Schreckens (St. Brüggenhies. *Der geheimnislose Junge*).

Du hast ihn aus dieser schrecklichen Burg herausgeholt (St. Brüggenhies. *Der geheimnislose Junge*).

Зáмок, являясь ядром семантического поля, описывается ассоциативно связанными словами и порождает визуальные образы. Это касается:

- описания местоположения зámка. Зáмок окружен рвом с водой и колючей проволокой:

Ein derartiger Ort des Verbrechens war von allen Seiten gesichert (*St. Brüggenhies. Der geheimnislose Junge*);

Ein Draht, der Eindringlinge abhalten sollte – oder die gefangenen Kinder von der Flucht? (*St. Brüggenhies. Der geheimnislose Junge*);

- описания убранства помещений: *Kronleuchter, Kandelaber, Ölgemälde*;
- описания архитектурных деталей зámка: *Dienstbotentreppe, Eingangportal, Hauptportal*.

Упомянутые выше художественные детали служат воссозданию атмосферы средневекового зámка, окутанного тайнами, и визуализируют место преступления, что создает кинематографический эффект. Визуализируемые образы, возникающие при прочтении комплексного описания зámка, способствуют, в свою очередь, эмоциональной включенности читателя в описываемые события и побуждают его к сопереживанию главным героям и жертвам преступления.

Зáмок, как место преступления, определяет и выбор оружия, которое комиссар вынужден применить для самообороны, – *копье (Lanze)*. Его комиссар выхватывает из доспехов рыцаря:

ein einsamer Ritter in voller Montur und mit einer Furcht einflößenden Lanze (*St. Brüggenhies. Der geheimnislose Junge*).

Окно, как и дверь, предоставляет возможность попасть или покинуть помещение, в более широком смысле выражает оппозицию *безопасность – опасность*. Поэтому при описании помещений зámка, в которых содержали детей, отсутствие окон

означает отсутствие возможности позвать на помощь и спастись:

Keine Fenster, keine Ausgänge (*St. Brüggenhies. Der geheimnislose Junge*).

На основе проанализированных примеров мы приходим к выводу о том, что пространство, в частности место происшествия, описывается при помощи объектов, имеющих пространственные характеристики. Художественные детали, дополняющие описание объектов, создают соответствующую канонам детективного жанра атмосферу тайны и загадочности.

ВЫВОДЫ

Место происшествия, уже место преступления, является одной из жанрообразующих категорий детективного произведения. При его подробном описании автор, используя кинематографические приемы (крупные и средние планы) и покрупно организуя пространство, вводит в фокус внимания читателя объекты, заполняющие его. Ключевые слова, которые обозначают данные объекты, приобретают сигнальную функцию и организуют лейтмотив произведения. В проанализированном нами романе к ним относятся *Tür, Schloss, Fenster, Geheimnis; Versteck, Spur* (дверь, замок, окно, тайна, укрытие, след и др.). Вводя ключевые слова, автор задает «ритм», который влияет на динамику описываемых событий. Динамика, в свою очередь, обеспечивает интерес и вовлеченность читателя в действие.

Интерпретация сигналов позволяет расследующей инстанции и читателю разгадать и раскрыть преступление, а также сформировать свое отношение к прочитанному.

«Тайна», как основополагающий концепт произведений детективного жанра, поддерживает читательский интерес и стимулирует обращение к другим формам жанра, будь то художественный фильм, телевизионный сериал, аудиопьеса или компьютерная игра.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Кронгауз М. Русский язык на грани нервного срыва. Москва: АСТ: CORPUS, 2018.
2. Лотман Ю. М. Семиотика кино и проблемы киноэстетики. Таллин: Ээсти Раамат, 1973. 135 с.
3. Гусейнова И. А., Косиченко Е. Ф. Жанры, меняющие мир и нас. Тривиальный дискурс. Ретродетектив. Москва: МГЛУ, 2018. 162 с.
4. Гусейнова И. А. «Март» в немецкоязычной поэзии (на материале стихотворений известных немецких поэтов XIX–XX вв.) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2018. Вып. 7 (798). С. 27–39.
5. Мартынова И. А. Развитие текста отечественного киносценария. // Культура и текст. Вып. 2 (33). Барнаул: Алтайский государственный педагогический университет, 2018. С. 184–193.

6. Пономарёва Ю. В. Роман – как вершина синтеза литературы и кинематографа (на материале романа Б. Акунина «Смерть на брудершафт») // Вестник Тверского государственного университета. Филология. 2016. Вып. 3. С. 328–332.
7. Асеева О. А. Феномен литературной кинематографичности в современном литературном процессе. // Вестник Ульяновского государственного технического университета. 2020. Вып. 3. С. 8–11.
8. Чернявская В. Е. Открытый текст и открытый дискурс: интертекстуальность – дискурсивность – интердискурсивность. // Лингвистика текста и дискурсивный анализ: традиции и перспективы. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный университет экономики и финансов, 2007. С. 11–26.
9. Михайловская Е. В., Строгалева А. Ю. Лингвостилистические особенности построения эпизода в кинематографической прозе (на материале романа Гр. Грина «The Quiet American») // Научный диалог. Вып. 4. Екатеринбург: Центр научных и образовательных проектов, 2018. С. 124–133.

REFERENCES

1. Krongauz, M. (2018). Russkij yazyk na grani nervnogo sryva. = Russian language on the verge of a nervous breakdown. Moscow: AST: CORPUS. (In Russ.)
2. Lotman Yu. M. (1973). Semiotika kino i problemy kinoestetiki. = Semiotics of cinema and problems of film aesthetics. Tallin: Eesti Raamat, 1973. (In Russ.)
3. Gusejnova, I. A., Kosichenko, E. F. (2018). Zhanry, menyayushhie mir i nas. Trivialnyj diskurs. Retrodetektiv. = Genres changing us and the world. Trivial discourse. Retro-Detective prose. Moscow: MSLU. (In Russ.)
4. Gusejnova, I. A. (2018). March in German Poetry (an analysis of verses by famous German poets of the 19th-20th centuries). Vestnik Vestnik of Moscow State Linguistic University, Humanities 7 (798). 27–39. (In Russ.)
5. Martyanova, I. A. (2018). Development of Russian screenplay text. Kultura i tekst. Vyp. 2 (33). Barnaul: Altai State Pedagogical University, 184–193. (In Russ.)
6. Ponomaryova, Yu. V. (2016). Novel-movie as the pinnacle of literature and cinema synthesis (based on Akunin's novel "Death of brotherhood"). Vestnik Tver State University. Filologiya, 3, 328–332. (In Russ.)
7. Aseeva, O. A. (2020). Phenomenon of literary cinematics in modern literary. Vestnik Ulyanovsk State Technical University, 3, 8–11. (In Russ.)
8. Chernyavskaya, V. E. (2007). Otkrytyj tekst i otkrytyj diskurs: intertekstualnost – diskursivnost – interdiskursivnost = The open text and the open discourse: intertextuality – discursivity – interdiscursivity. Lingvistika teksta i diskursivnyj analiz: tradicii i perspektivy. Sankt-Petersburg: Sankt-Petersburg University of Economics and Finance, 11–26. (In Russ.)
9. Mixajlovskaya, E. V., Strogaleva, A. Yu. (2018). Lingvostilicheskie osobennosti postroeniya epizoda v kinematograficheskoj proze (na materiale romana Gr. Grina «The Quiet American») = Linguostylistic peculiarities of episode constructing in cinematic prose (on Gr. Greene's novel "The quiet american"). Nauchnyj dialog. Vyp. 4. Ekaterinburg: Center for scientific and educational projects, 124–133. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Рыбакова Маргарита Борисовна

старший преподаватель кафедры немецкого языка и перевода переводческого факультета
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Rybakova Margarita Borisovna

Senior lecturer at the Department of German Language and Translation and Interpreting,
Faculty of Translation and Interpreting, Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию 12.09.2022
одобрена после рецензирования 11.10.2022
принята к публикации 14.11.2022

The article was submitted 12.09.2022
approved after reviewing 11.10.2022
accepted for publication 14.11.2022

Научная статья

УДК 81'42

DOI 10.52070/2542-2197_2022_13_868_74

Дискурсивные особенности профессиональной кинокритики во французской специализированной прессе (на примере журнала «Кинематографические тетради»)

И. А. Семина

*Московский государственный лингвистический университет. Москва, Россия**isemfirs@mail.ru*

Аннотация. Настоящая статья посвящена определению дискурсивных особенностей профессиональной кинокритики, а также выявлению общих тенденций развития профессионального кинодискурса Франции. Последний представлен как в специализированных, так и в неспециализированных журналах. В данной статье он характеризуется с точки зрения своей жанрово-тематической специфики, своей зависимости от многоаспектного характера деятельности специализированных журналов, их приверженности к определенной эстетической позиции, от их, как правило, консервативного отношения к Интернету и цифровым технологиям. Отмечаются также некоторые особенности кинодискурса на речевом уровне. Общие тенденции развития современного профессионального кинодискурса связываются автором со всё возрастающей ролью коммерческой составляющей в издательской деятельности и идеологизацией профессиональной прессы в кино.

Ключевые слова: дискурсивные особенности; профессиональная кинокритика; кинодискурс; специализированные/неспециализированные журналы; жанрово-тематическая специфика; эстетическая позиция; коммерциализация и идеологизация прессы; институциональный и речевой уровни кинодискурса

Для цитирования: Семина И.А. Дискурсивные особенности профессиональной кинокритики во французской специализированной прессе (на примере журнала «Кинематографические тетради») // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2022. Вып. 11 (868). С. 74–81. DOI 10.52070/2542-2197_2022_13_868_74

Original article

Discursive Features of Professional Film Criticism in the French Specialized Press (on the Example of «Cahiers du Cinema»)

Irina A. Semina

*Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia**isemfirs@mail.ru*

Abstract. This article deals with the definition of discursive features in professional film criticism, as well as with the identification of general trends in the development of professional film discourse in France. The latter is presented in both specialized and non-specialized journals. In this article, it is considered in terms of its genre and thematic specificity, its dependence on the multifaceted nature of specialized journals, their commitment to a certain aesthetic position, and their usually conservative attitude towards the Internet and digital technologies. Some features of film discourse at the speech level are also highlighted. The author associated general trends in the development of modern professional film discourse with the ever-increasing role of the commercial component in publishing and the ideologization of professional press in cinema.

Keywords: discursive features, professional film criticism, film discourse, specialised / non-specialised journals, genre and thematic specificity, aesthetic position, commercialisation and ideologization of press, institutional and speech level of film discourse

For citation: Semina, I. A. (2022). Discursive features of professional film criticism in the French specialized press (on the example of «Cahiers du Cinema»). Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 13(868), 74–81. DOI 10.52070/2542-2197_2022_13_868_74

ВВЕДЕНИЕ

Во французской прессе профессиональный дискурс о кино отличается качественной неоднородностью. В основном он включает в себя два типа текстов: первый представлен в специализированных журналах, посвященных искусству кино; второй тип текстов публикуется в общественно-политических журналах, имеющих рубрику или пишущих о кино. Цель настоящей статьи заключается в том, чтобы, с одной стороны, определить дискурсивные особенности профессиональной критики, представленной в специализированных журналах о кино, с другой – выявить общие тенденции развития профессионального кинодискурса во Франции.

В качестве основного метода исследования был выбран дискурсивный анализ, разработанный широко известными представителями французской школы П. Шародо и Д. Менгено [Charaudeau, Maingueneau, 2002; Maingueneau, 2014]. Метод дискурсивного анализа был выбран главным образом потому, что позволяет изучить предмет исследования в социально-лингвистическом аспекте, то есть рассмотреть разные типы профессионального дискурса на вербальном и институциональном уровнях.

Профессиональный кинодискурс, издаваемый в специализированной прессе, представлен в статье публикациями «Кинематографических тетрадей» («Cahiers du cinéma»), старейшим и самым престижным во Франции журналом о кино, основанным А. Базеном в 1951 году. Ему составляют конкуренцию другие издаваемые в бумажной версии специализированные журналы о кино. К ним относятся журналы общей тематики «Positif» и «Trafic», а также издания более узкой специализации. Например, журналы «Images documentaires» и «La Revue documentaire» посвящены документальному кино, «Revus et corrigés» – кинематографическому наследию Франции, а недавно созданный журнал «Blink Blanc» специализируется на анимационных фильмах. Каждый номер «L'Avant-scène cinéma» полностью посвящен одному фильму. За последнее десятилетие заявили о себе новые иллюстрированные журналы о кино («So Film», «La Septième obsession»), умело сочетающие разнообразие представляемого материала с высокой требовательностью к его качеству. Разнообразие издаваемых в бумажной версии журналов существенным образом обогащается многочисленными изданиями, существующими исключительно в электронной версии.

Профессиональный дискурс неспециализированных изданий представлен публикациями из общественно-политических национальных

и региональных газет и журналов, представляющих собой профессиональную прессу [Семина, 2022].

ОТЛИЧИТЕЛЬНЫЕ ЧЕРТЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО КИНОДИСКУРСА В СПЕЦИАЛИЗИРОВАННЫХ ЖУРНАЛАХ

В настоящей статье предлагается рассмотреть особенности профессионального кинодискурса в специализированных журналах на примере «Кинематографических тетрадей» за период с 2009 по 2020 годы, для которого характерна единая редакционная политика, определяемая собственником журнала (издательской группой «Phaidon») и ее главным редактором С. Делормом.

ЖАНРОВО-ТЕМАТИЧЕСКАЯ СПЕЦИФИКА ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО КИНОДИСКУРСА В СПЕЦИАЛИЗИРОВАННЫХ ЖУРНАЛАХ

Специализированные журналы прежде всего отличаются тематикой, полностью посвященной кинематографу. Следует, однако, отметить, что за последние десятилетия тематическое содержание специализированных журналов о кино подверглось серьезному переформатированию, обусловленному новыми условиями существования прессы в эпоху развития Интернета и цифровых технологий. Например, в 2010-е годы существенно изменилась тематическая презентация журнала «Кинематографические тетради». Помимо отдельно издаваемых номеров, посвященных Каннскому фестивалю или рождественским каникулам, стали регулярно выходить новые тематические серии, такие, например, как выпуски с описанием кинематографических достопримечательностей во всем мире или адресованные начинающим кинематографистам и увлекающейся кино молодежи. Кроме того, увидели свет номера об эротике в кино, а также о роли кинематографа в современном мире.

Следует также отметить определенную жанровую специфику специализированных журналов о кино. В частности, в них представлен жанр эссе, предлагающий читателю авторскую оригинальную точку зрения по философской, нравственной или социальной тематике, разрабатываемой кинематографом. Например, за рассматриваемый период в «Кинематографических тетрадях» были опубликованы эссе о том, что можно считать гениальным произведением или как осмыслить эротизм в кино.

МНОГОАСПЕКТНЫЙ ХАРАКТЕР ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СПЕЦИАЛИЗИРОВАННЫХ ЖУРНАЛОВ О КИНО

Специализированные журналы о кино отличаются многоаспектной деятельностью, включающей в себя издание книг, выпуск цифровых видеодисков с кинофильмами, организацию кинофестивалей и недель кино, сотрудничество с университетами, а также связанными с кинематографом профессиональными и любительскими организациями. К сожалению, из-за финансовых трудностей, возникших, в частности, и в результате пандемии коронавируса, специализированные издания о кино вынуждены отказываться от целого ряда направлений своей деятельности. Так, например, издательский дом «Кинематографических тетрадей», который в течение последних тридцати лет был первым по изданию книг о кино во Франции и даже в мире, практически перестал существовать, как и его официальный сайт с доступом к архивам и оригинальным материалам. «Кинематографические тетради» были также вынуждены прекратить сотрудничество с фестивалями, университетами, кинотеками и другими связанными с кинематографом организациями и учреждениями. Журналу пришлось отказаться от организации (в Париже, в регионах и за рубежом) кино клубов и недель кино. Кроме того, «Кинематографические тетради» перестали публиковать содержание каждого номера на английском языке. Прекратилось партнерство по переводу журнала на другие языки.

Таким образом, в последнее время «Кинематографические тетради», которые в течение почти 70 лет являлись флагманом критической мысли и просветительской деятельности в области кино, во многом утратили былую значимость и влияние во Франции, сохраняя при этом некоторые позиции в мире.

ЭСТЕТИЧЕСКОЕ ПОЗИЦИОНИРОВАНИЕ СПЕЦИАЛИЗИРОВАННЫХ ЖУРНАЛОВ О КИНО

Одной из важных особенностей специализированных журналов о кино является их приверженность определенной эстетической позиции, которую они неизменно отстаивают в кинодискурсе. Так, например, по мнению Ж. Шамбора, «Кинематографические тетради» активно выступают против натурализма в кино:

Pour « pousser » un autre cinéma français, leur grande affaire, les Cahiers désignent une cible, le naturalisme¹.

Чтобы « продвигать » другое французское кино, в чем заключается их главное предназначение, « Кинематографические тетради » выбрали натурализм в качестве объекта для критики.

Журнал ратует за романтизм в кино:

... le romantisme <...> n'est jamais que la seule proposition formulable par les Cahiers pour le cinéma français².

...романтизм <...> всегда является единственным высказываемым « Кинематографическими тетрадями » напутствием французскому кино.

Ж. Шамбор отмечает также, что другой особенностью эстетики « Кинематографических тетрадей », унаследованной от основателей журнала, является приверженность модернизму, для которого характерно отрицание устоявшихся представлений, традиционных идей, форм, жанров и, соответственно, поиск новых способов восприятия и отражения действительности. При этом Ж. Шамбор подчеркивает, что модернизм « Кинематографических тетрадей » направлен скорее на стандартизацию нового, а не на его маргинализацию:

..la modernité et l'avangardisme doivent être perpétués, mais plutôt au centre que dans la marge³

Модернизм и авангардизм должны сохраняться, однако они должны носить скорее умеренный, чем маргинальный характер.

Центристская позиция « Кинематографических тетрадей » по отношению к современному искусству обусловлена необходимостью легитимировать собственный дискурс и стремлением максимально расширить читательскую аудиторию в условиях жесткой конкуренции. При этом следует оговориться, что основной целевой аудиторией журнала по-прежнему остаются профессионалы в области кино, а также студенты институтов кинематографии. По мнению Ж. Шамбора, именно молодые и будущие кинематографисты составляют основу целевой аудитории « Кинематографических тетрадей ». Со дня своего основания журнал выявляет и покровительствует новым поколениям кинематографистов, принимает активное участие в формировании их эстетического кредо, публикуя на своих страницах тексты мэтров кино и профессоров кинематографических университетов.

¹ <https://www.debordements.fr/Dix-ans-de-Cahiers-du-cinema>

² Там же

³ Там же

ОСОБЕННОСТИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО КИНОДИСКУРСА НА РЕЧЕВОМ УРОВНЕ

Профессиональная критика, представленная в специализированных журналах о кино, во многом отличается от той, что публикуется на страницах общественно-политической национальной и региональной прессы. Предназначенные для специалистов и любителей кино, интересующихся углубленным профессиональным анализом фильмов, специализированные журналы в значительно большей степени тяготеют к научному дискурсу и относящимся к нему дискурсивным полям. В подтверждение данного тезиса предлагаем сравнить критические статьи на фильм К. Серебренникова «Петровы в гриппе», опубликованные в специализированном журнале «Кинематографические тетради», в газетах «Le Monde», «La Croix», «Le Parisien» и журнале «Marianne».

В статье О. Купер-Адзян, опубликованной на сайте «Кинематографических тетрадей» 14 июля 2021 года, предлагается подробный профессиональный анализ работы оператора фильма с использованием соответствующей терминологии: *выстраивать кадр, непрерывный кадр, повествовательная структура фильма, субъективная камера, полиморфность пространства*. Например:

Le même jour était présenté La fièvre de Petrov, où Kirill Serebrennikov étire l'image non en largeur, mais en profondeur, à l'aide d'une caméra mouvante qui fait coexister dans la continuité d'un même plan différents niveaux de réalité. Les déplacements d'un lieu à un autre, du dedans au dehors, s'accompagnent de glissements imperceptibles de l'ordinaire à l'étrange. La singularité du film <...> tient dans son refus de baliser un récit qui restera ouvert et suspendu <...>

Il (Kirill Serebrennikov) s'autorise d'ailleurs à rompre la cohérence de son propre récit en y insérant deux blocs qui s'en détachent par leur forme et par leur nature : des images argentiques donnant à voir en caméra subjective quelques souvenirs d'enfance, et, en noir et blanc, des fragments de la vie d'une adulte croisée à la même époque. L'espace du film est polymorphe et son temps est non linéaire, riche de replis et de soubresauts¹

В тот же день был показан фильма Петровы в гриппе, в котором Кирилл Серебренников растягивает кадр не в ширину, а в глубину при помощи подвижной камеры, соединяющей в единое непрерывное пространство различные уровни реальности. Перемещение из одного места в другое, из внутреннего

пространства во внешнее, сопровождается незаметными переходами из обыденности в странное измерение. Своеобразие данного фильма заключается в нежелании структурировать повествование, остающееся открытым и подвешенным.

<...>

Он (Кирилл Серебренников) позволяет себе нарушать целостность повествования, включая в него два отличающихся по своей форме и природе фрагмента: снятые на пленку кадры, показывающие некоторые детские воспоминания с помощью приема субъективной камеры, и черно-белые фрагменты из жизни встреченной в те же времена взрослой женщины.

Осмысляя киноязык Кирилла Серебренникова, О. Купер-Адзян использует типичные для философского дискурса термины и понятия. По мнению журналистки, определяющими характеристиками фильма «Петровы в гриппе» являются полиморфность пространства и нелинейность времени, позволяющими выразить ускользающий смысл человеческого существования:

...la fièvre serait alors cet état-limite dans lequel on se sent plus vivant que jamais, et le parcours d'un espace inqualifiable dans le sillage d'une caméra, une forme d'adhésion au caractère glissant de l'existence²

...лихорадка должно быть представляет собой то пограничное состояние, при котором человек чувствует себя как никогда живым, а движение по неопишуемому пространству вслед за камерой – способом вникнуть в ускользающий смысл человеческого существования.

Зачастую наукообразный стиль публикуемых в «Кинематографических тетрадях» критических статей является объектом серьезной критики со стороны журналистов. По мнению Ж. М. Фродона, предыдущая редакционная коллегия, большая часть которой уволилась в 2020 году после смены владельцев журнала, сделала выбор в сторону элитизма:

...la précédente rédaction avait fait le choix d'entre-soi dont on peinait à suivre les lignes de force...³

...предыдущая редколлегия сделала выбор в сторону междусбойчика с неясно очерченными границами.

Иначе обстоит дело с профессиональным кинодискурсом, представленным в неспециализированных

¹ <https://www.cahiersducinema.com/2021/07/14/cannes-2021-la-fièvre-de-petrov-de-kirill-serebrennikov-un-pied-dans-la-tombe/>

² <https://www.cahiersducinema.com/2021/07/14/cannes-2021-la-fièvre-de-petrov-de-kirill-serebrennikov-un-pied-dans-la-tombe/>

³ <http://www.slate.fr/story/191337/cinema-presse-revue-cahiers-du-cinema-retour-rachat-nouvelle-equipe-marcos-uzal>

средствах массовой информации. В частности, в нем отмечается тенденция к переходу от научного дискурса к научно-популярному изложению в целях обеспечения большей доступности для массового читателя. Подобная тенденция прослеживается в критических статьях на фильм «Петровы в гриппе», опубликованных в неспециализированной прессе. Так, в статье писательницы Д. Филипповой, опубликованной журнале «Marianne» 5 декабря 2021 года, практически отсутствует информация о специфическом киноязыке К. Серебренникова. Автор статьи ограничивается высказыванием о том, что лихорадочное состояние персонажей определяет специфический видеоряд фильма:

...la fièvre impose sa loi – interminable traveling caméra à l'épaule...¹

Лихорадочное состояние персонажей обуславливает съемку подвижной камерой, расположенной на плече оператора...

Таким же образом в подробном анализе идейно-тематического и эстетического содержания фильма на смену философскому дискурсу приходит культурологический, более понятный массовому читателю. Д. Филиппова отмечает неразрывную связь творчества К. Серебренникова с русской культурной традицией, проявляющейся в фильме в виде многочисленных литературных, музыкальных и кинематографических цитат. В статье содержатся отсылки к творчеству А. Пушкина, О. Мандельштама, А. Германа. Одновременно с этим Д. Филиппова вписывает творчество К. Серебренникова в историю мирового кинематографа заявляя о том, что российский режиссер находится в диалоге с Линчем, Триером и Литтеллем.

В аналогичном культурологическом ключе трактует фильм К. Серебренникова М. Машре, статья которого была опубликована в «Le Monde» 1 декабря 2021 года. Лихорадочное состояние персонажей фильма вполне соответствует эстетике романов Ф. Достоевского «Униженные и оскорбленные» (1861) и «Преступление и наказание» (1866):

...il ne s'agit plus de suivre une histoire, mais de naviguer à vue dans un brouillard perceptif qui estompe la frontière entre le rêve et la réalité, entre soi et le monde. En cela, la fièvre constitue bien plus qu'un argument : un parti pris esthétique extrêmement risqué, celui du déséquilibre permanent²

¹ <https://www.marianne.net/culture/cinema/la-fievre-de-petrov-pourquoi-vous-nauriez-pas-du-quitter-cette-salle-de-cinema>

² https://www.lemonde.fr/culture/article/2021/12/01/la-fievre-de-petrov-une-odyssee-chamboulee-de-la-conscience-d-un-homme_6104261_3246.html

...речь не идет о том, чтобы следить за развитием истории, а о том, чтобы блуждать наугад в осязаемом тумане, стирающем границу между сном и реальностью, между самим собой и миром. В данном аспекте лихорадочное состояние представляет собой скорее не аргумент, а крайне рискованный эстетический выбор: описать постоянную психическую неуравновешенность.

Подобно Д. Филипповой, М. Машре предлагает вписать фильм «Петровы в гриппе» в историю мирового кинематографа:

...le troisième long métrage du metteur en scène russe Kirill Serebrennikov rejoint cette famille d'œuvres délirantes, comme jaillies d'un cerveau en surchauffe – à laquelle on peut ajouter certains films de Federico Fellini, comme Juliette des esprits (1965) ou Amarcord (1973)³

...третий полнометражный фильм режиссера Кирилла Серебренникова принадлежит к плеяде произведений о бредовом состоянии, которые как бы возникают из воспаленного сознания и к которым можно отнести фильмы Федерико Феллини «Джульетта и духи» (1965) или «Амаркорд» (1973).

Как и в статье Д. Филипповой, видеоряд фильма охарактеризован одной фразой:

Le cinéaste privilégie les longues prises arpentant le dédale d'un hivers poisseux, où chaque passage d'un espace à un autre marque un degré de délire supplémentaire⁴

Кинематографист отдает предпочтение длинным кадрам, блуждающим в лабиринте липкого снега, при этом перемещение из одного пространства в другое дополнительно повышает градус бреда.

Как видно из приведенных примеров, неспециализированные журналы ограничивают употребление научной терминологии в кинодискурсе и отдают явное предпочтение социокультурным (а не философским) дискурсивным полям.

КОНСЕРВАТИВНОЕ ОТНОШЕНИЕ СПЕЦИАЛИЗИРОВАННЫХ ЖУРНАЛОВ К ИНТЕРНЕТУ И ЦИФРОВЫМ ТЕХНОЛОГИЯМ

Специализированные журналы отличаются сдержанным, если не сказать консервативным,

³ [homme_6104261_3246.html](https://www.lemonde.fr/culture/article/2021/12/01/la-fievre-de-petrov-une-odyssee-chamboulee-de-la-conscience-d-un-homme_6104261_3246.html)

⁴ https://www.lemonde.fr/culture/article/2021/12/01/la-fievre-de-petrov-une-odyssee-chamboulee-de-la-conscience-d-un-homme_6104261_3246.html

⁴ Там же

отношением к тем возможностям, которые обеспечивает Интернет и цифровые технологии. Так, например, представляемые новыми технологиями возможности вызывают у «Кинематографических тетрадей» нескрываемое раздражение. Ж. Шамбор отмечает, что редколлегия журнала критически относится к просмотру фильмов в Интернете, а также предпочитает бумажную версию журнала электронной, поскольку редколлегия «Кинематографических тетрадей» полагает, что

ce qui est gravé implique une autorité et une responsabilité; pourquoi le papier nous protégeait du faux :¹

всё, что напечатано на бумаге, наделено авторитетностью и ответственностью; именно поэтому бумага защищает нас от засилья лжи и подделок.

Сдержанное отношение к новым технологиям во многом объясняет отсутствие в журнале серьезных размышлений о том, каким образом цифровые возможности меняют кинематограф сегодня и будут менять его в будущем.

ОБЩИЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО КИНОДИСКУРСА

В профессиональном кинодискурсе наблюдаются также общие тенденции развития, характерные как для специализированных, так и для неспециализированных изданий.

ВОЗРАСТАНИЕ РОЛИ КОММЕРЧЕСКОЙ СОСТАВЛЯЮЩЕЙ В ИЗДАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В настоящее время выявляется всё большая зависимость журналистов от собственников, акционеров или инвесторов газет и журналов, что неизбежно приводит к потере до определенной степени независимости суждений о художественных достоинствах и недостатках фильмов или эстетических позиций их авторов.

Журналисты специализированных журналов о кино пытаются противостоять экономическому диктату владельцев своих изданий. Так, например, после продажи в 2020 году легендарных «Кинематографических тетрадей» группе из 20 инвесторов, в состав которой входят производители и продюсеры фильмов, часть журналистов вместе с главным редактором С. Делормом приняли решение уволиться из редакции. В своем интервью газете

¹ <https://www.debordements.fr/Dix-ans-de-Cahiers-du-cinema>

«Libération» С. Делорм объяснил принятое журналистами решение следующим образом:

C'est une question de principe. Parmi les nouveaux actionnaires, huit sont des producteurs de cinéma. Pour nous, une ligne rouge est franchie : il n'est pas possible que des producteurs soient propriétaires d'une revue critique de cinéma. A l'avenir on accuserait forcément nos articles d'être complaisants ou d'être des règlements de comptes. <...> En partant, nous voulons aussi dire notre opposition à ce phénomène².

Это вопрос принципа. Среди новых акционеров насчитывается восемь кинопродюсеров. С нашей точки зрения, была пересечена красная линия: недопустимо, чтобы кинопродюсеры были владельцами специализированных журналов о кино. Впоследствии нас неизбежно обвинят в сговорчивости или в сведении счетов. <...> Своим уходом мы хотим также противостоять данному явлению.

По мнению С. Делорма, своим увольнением журналисты пытаются отстаивать критический подход к кинематографу в профессиональной прессе:

Quand on écrit depuis les Cahiers du cinéma, on écrit depuis quelque part : on remet les œuvres dans une perspective historique, on n'ave pas l'actualité des films, on n'est pas dans la promotion. L'absence de critique met en danger l'art que l'on critique.³

Журналисты «Кинематографических тетрадей» пишут для определенного издания: они осмысливают художественные произведения в исторической перспективе, не обольщаются злободневностью фильмов и не занимаются их продвижением на рынке. Отсутствие критики подвергает опасности критикуемое искусство.

ИДЕОЛОГИЗАЦИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПРЕССЫ О КИНО

Подобно национальным и региональным изданиям, включающим в себя рубрики о кино, специализированные журналы о кинематографе подвержены процессам идеологизации. О том, что неспециализированная пресса может включать идеологический аспект в оценку кинофильма, мы уже писали в статье под названием «Интердискурсивность как отражение и осмысление дискурсивного пространства кинофильма в профессиональной прессе (на материале журналистских статей о детективном телесериале «Капитан Марло»». [Семина, 2022].

² https://www.liberation.fr/france/2020/02/28/nous-demissionnons-pour-defendre-l-idee-de-la-critique_1780080/

³ Там же

Идеологический подход к произведениям далеко не чужд и специализированным журналам о кино. Для подтверждения данного тезиса достаточно, на наш взгляд, напомнить, что с 2009 по 2020 годы редколлегия «Кинематографических тетрадей» придерживалась левой идеологии. В январе 2019 года самый известный журнал о кино открыто поддержал движение «желтых жилетов», опубликовав редакционную статью за подписью главного редактора С. Делорма. Статья, в частности, подвергала жесткой критике французскую прессу, которой, по мнению редакции журнала, не доставало политического осмысления конфликта «желтых жилетов» с властями. В июне 2020 года С. Делорм признался в интервью журналисту «Libération», что его отставка с поста главного редактора «Кинематографических тетрадей» была обусловлена, в частности, и проводимой им редакционной политикой левого толка. На вопрос Ж. Лефийатра о том, является ли отставка С. Делорма расплатой за проводимую им редакционную политику крайне левого толка, бывший главный редактор «Кинематографических тетрадей» ответил буквально следующее:

Mes prises de position sur les gilets jaunes et la façon dont ils ont été médiatisés n'ont pas plu à tout le monde. Je le sais. J'ai eu des échos négatifs, de la part de lecteurs, d'anciens des Cahiers, de réalisateurs. Des tenants d'une cinéphilie pure ne se sont pas retrouvés dans cette ligne et ne voient certainement pas d'un mauvais œil le fait que je m'en aille. Dans le milieu du cinéma, la conscience politique est très faible¹.

Моя позиция по «желтым жилетам», а также освещение этого движения в прессе не всем пришлись по душе. Мне об этом известно. Я получил на всё это негативную реакцию со стороны читателей, бывших сотрудников «Кинематографических тетрадей», кинорежиссеров. Сторонники чистой любви к кино не вписались в мою политическую позицию и, конечно, положительно относятся к моей отставке. В кинематографических кругах политическое сознание еще крайне слабо.

М. Юзаль, главный редактор «Кинематографических тетрадей» с июня 2020 года, придерживается более умеренных взглядов по поводу идеологизации кинодискурса. На вопрос журналиста «Libération» о том, будет ли он придерживаться, как и его предшественник, редакционной политики крайне левого толка, М. Юзаль заявил:

¹ https://www.liberation.fr/france/2020/02/28/nous-demissionnons-pour-defendre-l-idee-de-la-critique_1780080/

Les Cahiers resteront une revue politique, dans la mesure où le cinéma touche toujours à la politique. Mais l'engagement n'est pas seulement une posture que l'on défend dans un éditorial. Cela passe également par les films que l'on défend. Je suis d'accord avec Godard, qui disait qu'il vaut mieux faire politiquement des films que faire des films politiques. Dans le cinéma, la politique passe par des choix formels, des poins de vue et pas seulement par des messages².

«Кинематографические тетради» останутся политическим журналом в той степени, в которой кино всегда относится к политике. Однако никакая вовлеченность в политику не может сводиться к позиции, отстаиваемой в редакционной статье. Она проявляется также в отстаиваемых фильмах. Я согласен с Годаром, заявлявшим, что лучше искусно снимать кино, чем заниматься политически искусством. В кинематографе политика может проявляться в выборе форм, точки зрения, а не только в выраженных идеях.

Подводя итог проведенному анализу, следует подчеркнуть, что отличительные черты профессионального кинодискурса в специализированных журналах проявляются как на институциональном, так и на речевом уровнях.

К институциональным особенностям подобного рода дискурса можно, на наш взгляд, отнести многоаспектный характер деятельности специализированных журналов, а также большую жанрово-тематическую и эстетическую детерминированность по сравнению с профессиональным кинодискурсом в неспециализированных газетах и журналах.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Анализ профессионального кинодискурса на речевом уровне показывает, что в специализированных журналах он в значительной степени тяготеет к научному дискурсу (литературно-критическому, философскому), а в неспециализированных изданиях – к социокультурным дискурсивным полям.

При этом наблюдаются общие тенденции развития профессионального кинодискурса, характерные как для специализированных, так и для неспециализированных изданий. Главными среди них являются возрастающая роль коммерческой составляющей и идеологизация профессионального кинодискурса в прессе.

² https://www.liberation.fr/cinema/2020/06/03/les-cahiers-du-cinema-doivent-rester-une-revue-de-critique_1790078/

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Charaudeau P., Maingueneau D. Dictionnaire d'analyse du discours. Seuil, 2002.
2. Maingueneau D. Discours et analyse du discours. Paris: Armand Colin, 2014.
3. Семина И.А. Интердискурсивность как отражение и осмысление дискурсивного пространства кинофильма в профессиональной прессе (на материале журналистских статей о детективном телесериале «Капитан Марло») // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2022. Вып. 9 (864). С. 104–111.

REFERENCES

1. Charaudeau, P., Maingueneau, D. (2002). Dictionnaire d'analyse du discours. Seuil.
2. Maingueneau, D. (2014). Discours et analyse du discours. Paris: Armand Colin.
3. Semina, I. A. (2022). Interdiscursivity as reflection and interpretation of discursive space of a film in professional press (based on journalistic articles about the detective drama television series 'Capitaine Marleau'). Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 9(864), 104–111. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Семина Ирина Александровна

доктор филологических наук, доцент

профессор кафедры лексикологии и стилистики французского языка факультета французского языка
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Semina Irina Alexandrovna

Doctor in Philology, Associate Professor, Head of the Chair of Lexicology and Stylistics Department,
Faculty of French Language, Institute of foreign languages M. Thorez, Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию 16.09.2022
одобрена после рецензирования 17.10.2022
принята к публикации 14.11.2022

The article was submitted 16.09.2022
approved after reviewing 17.10.2022
accepted for publication 14.11.2022

Научная статья
УДК 811.111'37
DOI 10.52070/2542-2197_2022_13_868_82

Стратегии описания семантики лексических единиц в профессиональной и обыденной лексикографических парадигмах (на материале английского языка)

И. Г. Цеханович

Минский государственный лингвистический университет, Минск, Республика Беларусь
tsekhovichirina82@mail.ru

Аннотация. На основе сравнительного анализа стратегий описания семантики наименований лиц по родству в двух типах англоязычных толковых словарей – традиционных и краудсорсинговых – выявлены, с одной стороны, тождественность выбора стратегий толкования (в двух типах лексикографических парадигм используются логическая, синонимическая и перечислительная стратегии), с другой стороны, более широкий выбор способов раскрытия значения в обыденной лексикографии: помимо названных выше, находят свое применение описательная, смешанная и ассоциативная стратегии.

Ключевые слова: носитель языка, профессиональный лексикограф, краудсорсинговый словарь, стратегии, толкование, семантика, прагматика

Для цитирования: Цеханович И. Г. Стратегии описания семантики лексических единиц в профессиональной и обыденной лексикографических парадигмах (на материале английского языка) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2022. Вып. 13 (868). С. 82–88. DOI 10.52070/2542-2197_2022_13_868_82

Original article

The Strategies of Describing the Semantics of Lexical Units in Professional and Folk Lexicographic Paradigms (on the Data of the English Language)

Irina G. Tsekhovich

Minsk State Linguistic University, Minsk, the Republic of Belarus
tsekhovichirina82@mail.ru

Abstract. The comparative analysis of strategies for describing the semantics of kinship terms in two types of English explanatory dictionaries – traditional and crowdsourced – shows, on the one hand, the identity of strategies of word defining (logical, synonymic and enumerative strategies are used in both types of lexicographic paradigms); on the other hand, there is a wider repertoire of ways to reveal the semantics in folk lexicography: in addition to the above mentioned, descriptive, mixed and associative strategies are exploited.

Key words: native speaker, professional lexicographer, crowdsourced dictionary, strategies, definition, semantics, pragmatics

For citation: Tsekhovich, I. G. (2022). The strategies of describing the semantics of lexical units in professional and folk lexicographic paradigms (on the data of the English language). Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 13(868), 82–88. 10.52070/2542-2197_2022_13_868_82

ВВЕДЕНИЕ

Среди ключевых проблем одноязычной лексикографии была и остается проблема выбора стратегии толкования – наиболее точного способа раскрытия значения лексических единиц. Ее решению лингвисты посвятили великое множество научных трудов. В них они пытались найти ответы на такие фундаментальные вопросы, как: сущность значения лексической единицы; факторы, детерминирующие выбор способов толкования; принципы построения толкований, которым должны следовать лексикографы и др. (см. работы Ю. Д. Апресяна, В. Г. Гака, В. В. Морковкина, А. Вежбицкой, Л. Згусты, У. Вайнрайха, Р. Хартмана, М. Рандэлла и др.)

Несколько последних десятилетий одним из активно развивающихся направлений в поисках решения проблемы выбора стратегий толкования стало обращение к представлениям «народных (наивных) лингвистов» – категории пользователей языком, противопоставленной профессиональным языковедам – о своем родном языке. Обыденные толкования – явление, весьма распространенное в повседневной коммуникации, вызванное к жизни необходимостью устранения непонимания в процессе общения. До настоящего времени исследование способов наивного дефинирования осуществлялось с использованием различных техник полевых исследований, например: анкетирование, наблюдение, опрос информантов (см. работы: А. Н. Ростова (2000), Н. Д. Голев (2013), Т. Ю. Кузнецова (2012), И. В. Левенталь (2014) и др.). Однако, как отмечает А. Д. Швейцер, эти методы исследования имеют целый ряд ограничений, влияющих на достоверность полученного в результате материала. Так, метод опроса создает такую ситуацию общения, при которой информант в своих ответах стремится ориентироваться на литературную норму, что может существенно отличаться от повседневной-бытовой коммуникации. При анкетировании «существует наибольшая опасность приспособления опрашиваемого к нормам и ожиданиям опрашивающего» [Швейцер, 1977, с. 158].

Новые перспективы изучения стратегий обыденных толкований открывают краудсорсинговые словари, появившиеся благодаря развитию интернет-технологий, в частности, платформы Web 2.0. Сущность словарей такого типа заключается в коллективном принципе аккумуляции содержания словарного ресурса. Любой пользователь Интернета может добавить лексическую единицу и ее толкование в словарь такого типа либо поделиться своим представлением о значении уже существующего в вокабуляре слова или

выражения. Многочисленные авторы словарных статей, находясь в ситуации не зависящей от коммуникативной обусловленности и не будучи ограниченными довольно жесткими требованиями профессиональной лексикографии, в свободной форме могут выражать свое видение семантики лексических единиц, выбирать те стратегии толкования, которые наиболее эффективно, с их точки зрения, раскрывают лексическое значение.

Появившись впервые в 1996 году, краудсорсинговые словари стали запускаться в различных национальных сегментах Интернета (например, в английском – Onlineslangdictionary.com, Wiktionary, русском – Slovonovo, slanger.ru, французском – JargonF, немецком – Superslang.de) и заняли существенную нишу в современной лексикографии, сформировав новый тип онлайн-словарей и, соответственно, новую – обыденную – лексикографическую парадигму, противопоставленную профессиональной. Это дает возможность исследовать общие и специфические закономерности, в соответствии с которыми осуществляется дескрипция лексического значения, в том числе и выбор стратегий толкования. Актуальность данного направления не вызывает сомнений, так как позволяет выяснить, какие типы информации являются инвариантными как для профессиональных, так и «народных» лингвистов, какие факторы влияют на выбор стратегий толкования, в чем состоит специфика реализации стратегий обыденных и профессиональных толкований и др.

Следует отметить, что сравнительный анализ профессиональных и обыденных дефиниций уже не раз становился объектом исследования зарубежных и отечественных ученых. Однако и в англистике, и в русистике наивные толкования рассматривались не в качестве изолированных продуктов метаязыковой деятельности, а как вынужденный комментарий в различных типах дискурса, вызываемый к жизни необходимостью устранения непонимания в процессе сообщения информации или коммуникации собеседников (см.: P. Stock (1986); И. Т. Вепрева (2004) и др.). Е. Г. Лукашанец, анализируя дефиниции сленговой лексики краудсорсинговых словарей русскоязычного сегмента, основными отличиями от толкований в «классических лексикографических источниках» называет диффузность семантической и экстралингвистической информации, использование нелитературной лексики в толкованиях, многочисленные ошибки языкового характера [Лукашанец, 2019]. Положительно оценивая вклад лингвистов в сравнительный анализ профессиональных и обыденных толкований, следует отметить, что эти исследования, в основном, носят спорадический характер

и ограничиваются описанием их различий в структурном и функциональном ракурсах.

Вместе с тем наибольший интерес, с нашей точки зрения, представляет рассмотрение глубинных аспектов профессионально созданных и быденных толкований, таких как, например, выявление общих и специфических стратегий лексикографического описания семантики лексических единиц в двух типах лексикографических парадигм – профессиональной и быденной. Именно этот аспект анализа стал целью настоящего исследования. Исходным для достижения данной цели стало предположение о наличии единых закономерностей раскрытия лексического значения, с одной стороны, и специфики реализации стратегий толкования, обусловленной различной природой двух типов одноязычных словарей, – с другой.

МАТЕРИАЛ ИССЛЕДОВАНИЯ И МЕТОДИКА ЕГО ОТБОРА

Материалом для данной статьи стали толкования наименований лиц по родству, относящихся к номинальной лексике. Фактором, определяющим выбор данной категории лексических единиц для проведения настоящего исследования, стала специфика ее семантики, которая «состоит из ограниченного числа четких, дискретных, обязательных признаков» [Шатуновский, 1996, с. 39]. Кроме этого, значения исследуемой лексики по своей природе релятивны и указывают на генетическую связь и место индивидуума в семье [Харитончик, 2019]. Сравнительный анализ толкований лексики с относительно бедным семным составом позволит более явно увидеть общие закономерности и специфику реализации стратегий дефинирования в двух типах лексикографических парадигм.

Обыденные толкования отобраны из словаря «Urban Dictionary»¹ – одного из самых больших и популярных краудсорсинговых онлайн-словарей англоязычного сегмента Интернета². В качестве источников профессиональных толкований были выбраны семь авторитетных традиционных англоязычных толковых онлайн-словарей³.

¹ URL: <https://www.urbandictionary.com>

² См. более подробно о словаре и аспектах его изученности в работе: Цеханович И. Г. Стратегии лексикографического описания семантики лексических единиц (на материале зоонимов краудсорсинговых онлайн-словарей) // Вестник Минского государственного лингвистического университета. Филология. 2022а. №2 (117). С. 42–51.

³ URL: <https://ahdictionary.com>, URL: <https://dictionary.cambridge.org>, URL: <https://www.macmillandictionary.com>, URL: <https://www.merriam-webster.com>, URL: <http://www.ldoceonline.com>, <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com>, URL: <https://www.dictionary.com>

Отправной точкой в отборе конкретного лексического материала стал список 5 тыс. наиболее частотных слов по данным Corpus of Contemporary American English (COCA)⁴, из которого были извлечены искомые имена существительные. Следующим этапом стала верификация наличия данных существительных в «Urban Dictionary». Далее осуществлялась селекция дефиниций, в которых раскрывалось основное значение слов, вошедших в материал исследования. Анализу были подвергнуты те лексические единицы, количество быденных дефиниций к которым составило семь и более, т. е. было равно или превышало количество профессиональных толкований к одной лексической единице. Данная мера, на наш взгляд, создает приемлемые условия для сравнительного анализа. В результате предпринятых действий количество лексических единиц составило 11 (*mother* – *мать*, *father* – *отец*, *parent* – *родитель*, *son* – *сын*, *brother* – *брат*, *mom* – *мама*, *dad* – *папа*, *sister* – *сестра*, *daddy* – *папочка*, *cousin* – *двоюродный брат / сестра*, *mommy* – *мамочка*), а общее количество извлеченных дефиниций – 388. Обращает на себя внимание присутствие в материале исследования слов, имеющих одинаковую референцию, но различающихся по эмоционально-стилистическому параметру и расположенных в отдельных словарных статьях как в традиционных, так и краудсорсинговых словарях (*mother* – *mom* – *mommy*; *father* – *dad* – *daddy*). Наличие единиц такого типа позволит, с нашей точки зрения, решить еще одну сопутствующую задачу, а именно: установить, влияет ли данный фактор (если да, то каким образом) на выбор стратегий толкования.

СТРАТЕГИИ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОГО ОПИСАНИЯ СЕМАНТИКИ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ: ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

В профессиональной одноязычной лексикографии существуют разработанные и теоретически обоснованные способы толкования, которые можно назвать универсальными: они используются как отечественными, так и зарубежными составителями монолингвальных словарей (см. работы С. Аткинса, Л. Згусты, У. Вайнрайха, М. Рандэлла, Д. И. Арбатского, Ю. Д. Апресяна, В. П. Денисова, В. Г. Гака, В. В. Морковкина и др.) К таким способам относятся логический, описательный, синонимический, перечислительный и смешанный, когда в одной дескрипции значения сочетаются несколько способов. Сущность **логического способа** заключается в раскрытии лексического значения при помощи

⁴ URL: <https://www.english-corpora.org/coca>

указания на более широкий класс (*genus*), к которому относится образ предмета, явления, события и т. д., поименованного словом, используя родовой компонент, классификатор и т. д., после чего перечисляются отличительные признаки (конкретизатор, *differentia*), способные помочь отличить этот образ предмета от остальных, входящих в данный класс. **Описательный способ** подразумевает перечисление признаков поименованной сущности, без упоминания классификатора. Раскрытие значения **синонимическим способом** осуществляется за счет приведения синонима или синонимического ряда к толкуемой единице. Менее распространенным, имеющим место в одноязычных словарях, является **перечислительный способ** толкования, когда значение слова раскрывается путем перечисления гипонимов, входящих в понятие толкуемого слова [Арбатский, 1977].

В профессиональной лексикографической парадигме самой частотной стратегией описания семантики анализируемой лексики стала логическая (61%), что закономерно, так как имена номинальных классов легко укладываются в так называемую таксономическую модель:

brother – a male who has the same parents as you
брат – лицо мужского пола, у которого те же родители, что и у тебя¹

С точки зрения содержания дефиниции, вошедшие в материал исследования, относительно унифицированы и, как указывалось ранее, семантически бедны: классификатор выражен гиперонимом (*parent* – *родитель*, *child* – *ребенок*), в качестве отличительных признаков используется информация, сообщающая о генетической связи (*give birth* – *родить*, *have the same parents* – *иметь общих родителей*). Следует подчеркнуть, что названные компоненты значения встречаются во всех традиционных словарях, из которых отбирался материал для настоящего исследования. В этой связи считаем правомерным рассматривать данный семный состав ядром семантики анализируемых лексических единиц и в дальнейшем – при сравнительном анализе содержательной стороны профессиональных и обыденных толкований – руководствоваться этим решением.

Синонимический способ дефинирования в исследуемом материале выявлен при раскрытии лексического значения стилистически маркированных единиц (*mom*, *mommy*, *dad*, *daddy*). В качестве толкований используются нейтральные слова. Перечислительный способ толкования обнаружен при

раскрытии семантики лексической единицы *parent*. Объем понятия этого слова невелик, что делает данный способ экономным и, как следствие, популярным среди профессиональных лексикографов (в 5 из 7 словарей используется данная стратегия):

parent – a father or a mother
родитель – мама или папа²

Таким образом, в традиционной английской лексикографии наименования лиц по родству толкуются преимущественно посредством логической стратегии, при этом сообщается о категориальной принадлежности и генетической связи, что составляет ядро семантики анализируемых слов. Кроме этого, на выбор стратегий дефинирования оказывает влияние эмоционально-стилистическая окраска лексических единиц.

СТРАТЕГИИ ОПИСАНИЯ СЕМАНТИКИ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В ОБЫДЕННОЙ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОЙ ПАРАДИГМЕ

Проведенный анализ убедительно демонстрирует то, что авторы «Urban Dictionary» используют более широкий набор стратегий толкования, чем профессиональные лингвисты. Помимо логического, синонимического и перечислительного способов, выявлены описательная и ассоциативная стратегии. Сущность последней заключается в приведении ассоциаций, которые вызывает объект, поименованный словом, у автора словарной статьи. Кроме этого, в «Urban Dictionary» широко используется смешанная стратегия.

Так же как в профессиональной, в обыденной лексикографической парадигме самой частотной оказалась логическая стратегия, которая применялась при толковании всех лексических единиц, вошедших в материал исследования:

mother – the female blood-related (and usually legal) caretaker of a child³
мать – кровнородственная (и обычно законная) опекунша ребенка

В 81 % словарных статей данный способ используется либо самостоятельно, либо в сочетании с другими стратегиями. Иными словами, важным моментом дескрипции семантики для «народных лингвистов» оказалась категоризация, т. е. «подведение явления, объекта, процесса

¹ <http://www.ldoceonline.com>

² <https://www.dictionary.com>

³ Зд. и далее в примерах обыденных толкований сохраняются авторские орфография и пунктуация.

и т. п. под определенную рубрику опыта, категорию и признание его членом этой категории» [Краткий словарь, с. 42]. Лексикографы-любители, так же как профессиональные лингвисты, при выборе классификатора, т. е. «опорной точки в процессе формирования и передачи смысла» [Бондарчук, 2011, с. 15], отдают предпочтение единицам супер-ординатного и базового уровней:

daddy – person that ц...
папочка – человек, который ...
sister – female, who ...
сестра – лицо женского пола, кто ...

Вместе с тем в обыденном лексикографическом дискурсе наблюдается бóльшая вариативность при выборе классификаторов, что связано с отсутствием жестких требований, предъявляемых к профессиональной лексикографии: «народные» лингвисты могут использовать в качестве классификаторов стилистически окрашенную или нелитературную лексику: *guy* – *парень* (для слов *father, brother, dad*), *creation of Satan* – *творение Сатаны* (для слова *sister*), *beast* – *чудовище* (для слова *sister*).

Дальнейший анализ содержательной стороны обыденных толкований показал, что самой частотной при раскрытии лексического значения исследуемых единиц оказалась ядерная информация:

sister – female person who, in relation to the other, has a two parents in common
сестра – лицо женского пола, которое, по отношению к другому, имеет общих родителей

Однако следует подчеркнуть, что дефиниции краудсорсингового словаря содержат, помимо ядерной информации, сведения субъективно-оценочного, прагматического характера. Так, носители языка сообщают информацию об отношении лица, называемого словом, к субъекту, которым может быть собирательный образ читателя словаря, сам автор словарной статьи либо родственники по отношению к объекту:

mother – someone who will love you unconditionally, till her last breath
мать – та, кто будет любить тебя безоговорочно до последнего своего вздоха

В обыденных толкованиях часто встречаются стереотипы¹, связанные:

– с особенностями воспитания и ухода:

parent – a person who tells you video games are bad and cause violence
родитель – человек, который говорит тебе, что видеоигры плохие и приводят к насилию

– с выполняемыми обязанностями в семье:

mom – Mom is the woman who makes you breakfast. Mom is the woman who folds your laundry. Mom is the woman who washes the dishes
мама – мама – это женщина, которая готовит тебе завтрак. Мама – это женщина, которая складывает твои вещи. Мама – это женщина, которая моет посуду

dad – The person that's job is to say "I don't know ask your mom".

папа – человек, работа которого – говорить «Я не знаю, спроси у мамы»;

– с занимаемым статусом в семье:

mom – CEO of da house
мама – главный исполнительный директор дома

Таким образом, становится очевидно, что «народные лингвисты» выходят далеко за пределы семантического ядра при дескрипции значения лексических единиц и используют свои индивидуальные представления о денотатах, полученные благодаря собственному опыту, жизненным ориентирам и ценностям. Данные результаты подтверждают мысль М. В. Никитина о том, что «психическая деятельность опирается на координированное единство прагматических и когнитивных структур сознания» [Никитин, 1988, с. 20].

Синонимическая стратегия толкования выявлена в 12 % дефиниций и применяется в отношении стилистически окрашенной лексики: *mom, mommy, dad, daddy*. Обращает на себя внимание тот факт, что подавляющее большинство случаев использования данной стратегии приходится на слово *daddy* (в 51 % дефиниций к этому слову применяется синонимический способ), в то время как остальные стилистически окрашенные единицы толкуются посредством синонимов в единичных случаях. Малочисленной оказалась описательная стратегия (как самостоятельная используется в 3 % дефиниций):

dad – Likes golf and reading the funnies
папа – любит гольф и читать анекдоты

Стратегия перечисления нашла свое применение в единичных случаях для толкования слова *parent* (обнаружена в двух дефинициях), в отличие от профессиональной лексикографической парадигмы. Несвойственной профессиональным

¹ См. более подробно о стереотипах в работе: Цеханович И. Г. Стереотипы носителей английского языка в зеркале их метаязыковой деятельности (когнитивный аспект) // Когнитивные исследования языка: материалы XI Международного конгресса по когнитивной лингвистике. 2022. Вып. 4 (51). С. 67–72.

толкованиям, однако имеющей место в дефинициях краудсорсингового словаря, оказалась ассоциативная стратегия (2,3 %). Приводимые ассоциации могут свидетельствовать о стремлении авторов словарных статей к выражению субъективно-оценочного отношения к лицам, обозначенным анализируемыми словами. Дефиниции-ассоциации могут носить как положительный, одобрительный, так и негативный характер:

mom – love
мама – любовь
son – gift from God
сын – дар Господа
parent – stupid, ignorant, heartless.
родитель – тупой, невежественный, бессердечный
sister – hellspawn
сестра – адское отродье

Непопулярность последних четырех стратегий может быть связана с желанием лексикографов-любителей дать развернутую характеристику (в отличие от профессиональных составителей словарей, которые вынуждены следовать принципу краткости и лаконичности, продиктованному необходимостью экономно использовать словарное пространство) описываемого значения, важным элементом которого является категоризация, а не ограниченность лишь указанием синонимов, описанием характерных признаков или перечислением членов, входящих в объем понятия толкуемой лексической единицы. Доказательством этого является и тот факт, что достаточно часто (в 40 % словарных статей) применяется смешанная стратегия, причем самой распространенной является комбинация логической и описательной стратегий:

mother – the person who makes you dinner, drives you around and all and all, should do everything for you. This person should be loving, caring and be with you in any time of need

мать – человек, который готовит тебе обед, возит тебя по делам и т. д., должен делать для тебя всё. Этот человек должен быть любящим, заботливым и быть с тобой всегда, когда это необходимо.

По всей вероятности, авторы словарных статей избирают этот вариант, так как интуитивно осознают, что именно таким образом они могут наиболее полно передать свое видение значения лексической единицы.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Сравнительный анализ профессиональных и обыденных дефиниций позволил выявить общие и специфические черты, свойственные двум типам лексикографических парадигм. Как профессиональные, так и «народные» лингвисты отдают предпочтение логической стратегии при толковании номинальной лексики, используя при этом идентичные типы информации: сведения о принадлежности классификатора к суперординатному или базовому уровню, а также данные об основаниях родства. Кроме этого, прослеживается влияние характера лексических единиц на выбор стратегии толкования как в профессионально созданных, так и в краудсорсинговых словарях: при толковании стилистически окрашенной лексики находит свое применение синонимическая стратегия.

Специфическими чертами обыденных толкований, не имеющими места в профессиональной лексикографической парадигме, оказались следующие:

– во-первых, отсутствие необходимости следовать регламентированным требованиям, предъявляемым традиционной одноязычной лексикографии, делает набор стратегий обыденных толкований более широким;

– во-вторых, рядовые носители языка при толковании номинальной лексики склонны к выражению субъективно-оценочного отношения к лицам, поименованным лексическими единицами, своего личного опыта, стереотипов, сложившихся в социуме, что исключено в профессиональной лексикографии.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Швейцер А. Д. Современная социолингвистика: теория, проблемы, методы. М. : Наука, 1977.
2. Лукашанец Е. Г. Способы семантизации слов в «народной лексикографии» // Слово и словарь = Vocabulum et vocabularium. 2019. Вып. 16. С. 284–287.
3. Шатуновский И. Б. Семантика предложения и нерелевантные слова (значение, коммуникативная перспектива, прагматика). М.: Школа «Языки русской культуры», 1996.
4. Харитончик З. А. «Спящие» компоненты семантики лексических единиц // Семантика и прагматика языковых единиц: сборник материалов международной научной конференции. Калуга: Калужский государственный университет им. К. Э. Циолковского, 2019. С. 286–299.

5. Арбатский Д. И. Толкования значений слов. Ижевск: Удмуртия, 1977.
6. Краткий словарь когнитивных терминов / Е. С. Кубрякова и др. М.: МГУ, 1996.
7. Бондарчук Г. Г. Когнитивно-семиотические основания развития категории предметных имен в английском языке (на материале английских наименований одежды): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2011.
8. Никитин М. В. Основы лингвистической теории значения. М.: Высшая школа, 1988.

REFERENCES

1. Shvejcer, A. D. (1977). Sovremennaya sociolingvistika: teoriya, problemy, metody = Modern sociolinguistics: theory, problems, methods. Moscow: Nauka. (In Russ.)
2. Lukashanets, E. G. (2019). Means of semantization in the "Folk lexicography" Slovo i slovar = Vocabulum et vocabularium, 16, 284–287. (In Russ.)
3. Shatunovskij, I. B. (1996) Semantika predlozhenija i nereferentnyje slova (znachenije, kommunikativnaya perspektiva, pragmatika) = Sentence semantics and non-referential words (meaning, communicative perspective, pragmatics). Moscow: School of «Languages of Russian culture». (In Russ.)
4. Kharitonchik, Z. A. (2019). Latent components of the semantics of lexical units. Semantica i pragmatika yazykovykh edinits (pp. 286–299): The digest of articles of international scientific conference. (In Russ.)
5. Arbatskij, D. I. (1977) Tolkovaniya znachenij slov = Defining of word meanings. Izhevsk: Udmurtija. (In Russ.)
6. Kubryakova, Ye. S. et. Al. (1996). Kratkij slovar' kognitivnykh terminov = Short dictionary of cognitive terms. Moscow: Moscow University Press. (In Russ.)
7. Bondarchuk, G. G. (2011). Kognitivno-semioticheskie osnovaniya razvitiya kategorii predmetnykh imen v anglijskom jazyke (na material'e anglijskikh naimenovanij odezhdy) = Cognitive-semiotic foundations of the development of the category of subject names in the English language (on the data of English names of clothes): abstract of Senior Doctorate in Philology. Moscow. (In Russ.)
8. Nikitin, M. V. (1988). Osnovy lingvisticheskoy teorii znachenija = Fundamentals of linguistic theory of meaning. Moscow: Vysshaja shkola. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Цеханович Ирина Георгиевна

аспирант кафедры общего языкознания
Минского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Tsekhanovich Irina Georgievna

PhD student of the department of linguistics, Minsk State Linguistic University

Статья поступила в редакцию 09.09.2022
одобрена после рецензирования 11.10.2022
принята к публикации 14.11.2022

The article was submitted 09.09.2022
approved after reviewing 11.10.2022
accepted for publication 14.11.2022

Об англицизмах в статьях о выборах во Франции в 2022 году (на материале журнала «L'Obs»)

А. Н. Шумакова

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия

ashumakova@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются особенности заимствований из английского языка, которые использовались во французской прессе, посвященной президентским и парламентским выборам 2022 года во Франции. На материале англицизмов и американизмов из журнала «L'Obs» представлены виды и функции заимствований. Проведенный анализ показал, что основные функции англицизмов – номинативная и оценочная. Стилистические приемы с использованием заимствований из английского языка повышают экспрессивность текста.

Ключевые слова: французский язык, «L'Obs», выборы, заимствование, англицизм, американизм, номинация, оценка, стилистический прием

Для цитирования: Шумакова А. Н. Об англицизмах в статьях о выборах во Франции в 2022 году (на материале журнала «L'Obs») // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2022. Вып. 13 (868). С. 89–94 DOI 10.52070/2542-2197_2022_13_868_89

Original article

On English Loanwords in the Articles on the 2022 French Presidential and Legislative Elections (based on “L'Obs” Magazine)

Anastasiya N. Shumakova

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia

ashumakova@yandex.ru

Abstract. The article deals with features of English loanwords used in the articles on the 2022 French presidential and legislative elections. The main types and functions of loan words are analyzed based on Anglicisms and Americanisms from “L'Obs” magazine. The analysis shows that loan words are generally used as a means of nomination and evaluation. Stylistic devices based on English and American loan words contributing to the expressiveness of the text are considered.

Keywords: French language, “L'Obs”, elections, loanwords, Anglicism, Americanism, nomination, evaluation, stylistic device

For citation: Shumakova, A. N. (2022). On English Loanwords in the articles on the 2022 French presidential and legislative elections (based on “L'Obs” magazine). Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 13(868), 89–94. 10.52070/2542-2197_2022_13_868_89

ВВЕДЕНИЕ

Использование англицизмов (заимствований из английского языка) и американизмов (заимствований из американского варианта английского языка) характерно для современных французских СМИ, включая прессу. Исследователи отмечают, что основные функции языка СМИ – информационная и воздействующая. Их выполнение осуществляется благодаря разным лексическим средствам, включая англицизмы. Заимствования часто выполняют номинативную функцию, так как обозначают новые явления и предметы, для которых часто нет эквивалента во французском языке. Кроме этого, англицизмы создают дополнительную экспрессивность, они привлекают внимание читателя необычным лексическим оформлением [Сокурова, Тазаян, 2017].

Заимствования из английского языка можно встретить в статьях, посвященных самым разным вопросам. В 2022 году одной из основных тем во французской прессе были президентские и парламентские выборы во Франции. Мы уже обращались к особенностям употребления англицизмов в статьях о выборах в США в 2016 году и во Франции в 2018 году [Шумакова, 2017; Шумакова, 2018]. Поскольку выборы остаются одним из самых важных политических событий, нас заинтересовало, какие заимствования из английского языка употреблялись в 2022 году, какова была их функция.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ АНГЛИЦИЗМОВ В СТАТЬЯХ О ВЫБОРАХ

Для анализа методом сплошной выборки были отобраны англицизмы и американизмы из французского еженедельного журнала «L'Obs»¹. Основную массу примеров составили заимствования из публикаций под рубрикой «Réveil politique», в которой освещался ход президентской и парламентской кампании в 2021–2022 годах. Для авторов характерен ироничный тон, что отразилось и на выборе лексических средств.

Собранный материал показал, что в статьях о выборах использовались как заимствования, давно вошедшие во французский язык (*garden-party*, *cash*, *made in*, *sketch*), так и относительно недавние (*buzz*, *burn-out*). Среди англицизмов можно увидеть отдельные слова (*cash*), словосочетания (*start-up nation*) и фразы (*last but not least*).

Проведенный анализ показывает, что заимствования-существительные выполняют номинативную функцию, например:

Comment définir sa droite ? Philippiste sur l'économie, libérale sur les mœurs (favorable à la PMA pour toutes les femmes, texte sur lequel elle a été « whip » c'est-à-dire responsable des votes du groupe), et vallsiste sur la laïcité (L'Obs. 23.06.2022).

В статье говорится об Авроре Берже, которая возглавила в Национальном собрании Франции группу депутатов от правых. Информирова читателя о деятельности А. Берже, авторы используют англицизм *whip* – *партийный организатор*. Он следит за партийной дисциплиной в парламентской фракции, обеспечивает присутствие членов своей партии на парламентских заседаниях и их участие в голосовании. Это слово относится к политическим терминам, такая должность существует в некоторых странах, например, в США и Великобритании². В статье заимствование выделено кавычками, что привлекает к нему внимание, его значение поясняется с помощью французского эквивалента *responsable des votes du groupe* (букв.: 'ответственный за голосование группы'). Во французском языке нет точного эквивалента этой должности, поэтому англицизм выполняет номинативную функцию.

Рассмотрим еще один пример.

Так, в заголовке « Climato-hypocrite », « Gérard Majax »... Les 9 meilleures punchlines du débat Macron contre Le Pen» (L'Obs. 20.04.2022)

Использовано заимствование *punchline*, которое обозначает в английском языке *кульминационный момент, концовку шутки или анекдота*³. Полагаем, что благодаря этому англицизму заголовок отражает смысл статьи, так как автор приводит несколько примеров находчивых ответов Эмманюэля Макрона и Марин Ле Пен во время теледебатов перед вторым туром президентских выборов. Слово *punchline* зафиксировано в некоторых французских словарях («Le Robert»), его значение «поясняется в подзаголовке» (*Les deux candidats ont lâché leurs coups* – букв.: 'кандидаты обменялись колкостями'). Однако англицизм выполняет не только номинативную функцию, обозначая словесную дуэль между кандидатами. Он также передает атмосферу борьбы, ударов, наносимых сопернику, благодаря ассоциациям с другими англицизмами с компонентом *punch* – *удар*, употребляемыми во французском языке: *punch* – *сильный удар боксера*, *puncheur* – *боксер, обладающий сильным ударом*, *punching-ball* – *боксерская груша* [Maillet, 2016].

² https://top_english.academic.ru/90506/whip

³ https://top_english.academic.ru/66230/punch_line

¹ <https://www.nouvelobs.com/>

В заголовке другой статьи «Face à la montée de la Nupes, le camp Macron multiplie les punchlines contre l'alliance à gauche» (*L'Obs*. 09.06.2022)

Слово *punchline* является синонимом французского слова *attaque* – нападение и утрачивает сему «забавный», свойственную ему в английском языке. Таким образом, можно наблюдать изменение значения этого заимствования при использовании во французской прессе.

Приведенные выше заимствования, выполняя главным образом номинативную функцию, участвуют тем самым в реализации информационной функции СМИ. Однако при освещении кампании 2022 года англицизмы также являются средством выражения авторской позиции, оценки. В данном случае можно говорить о воздействующей функции заимствований. Это наблюдается, в частности, в публикациях, посвященных премьер-министру Франции Элизабет Борн. Так, в статье, озаглавленной «Borne to fight» (*L'Obs*. 14.06.2022), говорится о неубедительных результатах Э. Борн в первом туре парламентских выборов и ее намерении продолжить борьбу. В заголовке использована фраза-англицизм *Born to fight* (букв.: 'рожденный для борьбы'), которая, на наш взгляд, является прецедентным феноменом и восходит к кинематографу. Существует несколько фильмов с таким названием: фильмы о боксерах (1936, 2011), о ветеране вьетнамской войны (1989), тайские боевики (1984, 2004). Спортивные метафоры в тексте статьи (*elle est arrivée en tête – она заняла первое место, elle n'a toutefois pas écrasé le match – однако она не получила подавляющего большинства голосов*) позволяют предположить, что речь идет о фильме про боксера. Во фразе *Born to fight* компонент *born* – рожденный заменен на фамилию Борн – Borne. Благодаря созвучию этих компонентов возникает игра слов, придающая заголовку экспрессивность, а отсылка к заглавию фильма о боксере отражает намерение Э. Борн сражаться за место в Национальном собрании. Однако после знакомства с текстом можно почувствовать иронию автора: премьер-министр призвала сторонников к действию (*tente d'impulser un élan à ses troupes*), но сама не согласилась участвовать в дебатах с главным соперником на выборах. Полагаем, что эти оттенки смысла будут более понятны читателям, владеющим английским языком.

L'hypothèse d'un départ d'Elisabeth Borne a inspiré le rédacteur ou la rédactrice du bandeau de BFMTV qui a publié, lundi, un message avec un jeu de mots facile, certes, mais efficace : « Vers un Borne out » ? Subtil mélange entre « burn-out », le syndrome

d'épuisement professionnel, et Borne « out », Borne « dehors » en bon français (*L'Obs*. 21.06.2022).

Журналисты рубрики «Réveil politique» ссылаются на заметку на канале BFMTV, озаглавленную «Vers un Borne out?». По мнению автора статьи в «L'Obs», это достаточно смелый заголовок, потому что в нем содержится намек на возможную отставку Э. Борн после низких результатов во втором туре парламентских выборов. Чтобы читатели поняли особенности заголовка, авторы статьи поясняют, что в нем обыгрывается американизм *burn-out* – синдром профессионального выгорания и компоненты словосочетания *Borne out*, где *Borne* – фамилия премьер-министра и англицизм *out* – вне, наружу. Проанализируем этот пример. В данном случае использовано достаточно новое заимствование *burn out* (иногда – *burn-out*), которое обозначает кризис, сопровождаемый утратой мотивации к работе, а также серьезными физическими и психическими расстройствами. Особенно часто это наблюдается у тех, кто вначале относился к работе с большим энтузиазмом [Desalmand, Stalloni, 2015]. Как пишет Ж. Майе, во французском языке существует термин *surmenage* – переутомление, но журналисты предпочитают ему американизм [Maillet, 2016]. Благодаря игре слов с использованием заимствования и синтаксической конструкции (риторический вопрос) заголовок становится более выразительным и содержит элемент интриги. На наш взгляд, заимствование *burn-out* также намекает на то, что Э. Борн устала от участия в политике, и это проявилось в низких результатах на выборах. Отметим, что автор заметки в журнале «L'Obs» считает получившуюся игру слов остроумной (*subtil*) и эффективной (*efficace*). Заимствования взяты в кавычки, что привлекает внимание читателя, а их значение поясняется французскими эквивалентами (*burn out* – *le syndrome d'épuisement professionnel, out* – *dehors*).

Идея о возможной отставке Э. Борн выражена в заголовке «Bye bye Elisabeth ?» (*L'Obs*. 21.06.2022) с помощью англицизма *bye bye* – до свидания. Вопросительное предложение позволяет понять, что вопрос об отставке еще не решен, несмотря на то, что положение премьер-министра осложнилось после выборов (*La Première ministre est fragilisée par ses résultats aux élections législatives*). Форма *bye bye* имеет разговорный характер, она часто используется при обращении к детям¹. Употребление этой формы в данном контексте позволяет, на наш взгляд, выразить иронию автора заметки по

¹ <https://www.britannica.com/dictionary/bye%E2%80%93bye>

отношению к политике. Отметим, что в конечном итоге Э. Борн сохранила свой пост.

Англицизмы использовались и для оценки деятельности других политиков, например:

Les JAM, c'est-à-dire les Jeunes avec Macron, ont misé sur une communication humoristique avec des grosses ficelles, en imitant, par exemple, des affiches de série Netflix. Raillés sur les réseaux sociaux, ils assumaient l'idée qu'un bad buzz reste un buzz (L'Obs. 16.06.2022).

Это отрывок из статьи о движении JAM – «*Les Jeunes avec Macron*» (букв.: «молодежь с Макроном»). Чтобы привлечь к участию в выборах молодых избирателей, представители этого движения создавали и размещали в социальных сетях юмористические сюжеты. Автор заметки отмечает, что участников JAM не смущала критика в социальных сетях, потому что даже неудачные сюжеты привлекали внимание. Эта мысль выражена с помощью фразы *un bad buzz reste un buzz*. В данной фразе привлекает внимание достаточно новый англицизм *buzz*. Как пишет Ж. Майе, очевидно, это существительное появилось во французском языке в 1994 году [Maillet, 2016]. Оно образовано от английского глагола *to buzz* – *жужжать, гудеть* и пришло в журналистику из маркетинга, где обозначает создание шумихи, слухов вокруг какого-либо продукта, чтобы информировать о нем как можно больше покупателей и способствовать тем самым его продвижению на рынке [Desalmand, Stalloni, 2015]. Во французском языке это заимствование является компонентом словосочетания *faire le buzz* – *создавать шумиху в СМИ вокруг чего-либо*, от него также образовано слово *buzzword* – *слово или словосочетание, которое должно привлекать внимание к обозначаемому им новому продукту* [Maillet, 2016], иногда используется глагол *buzzer* [Desalmand, Stalloni, 2015]. Интересно, что во французском языке можно найти эквивалент заимствования *buzz* – *agitation médiatique* [Maillet, 2016], однако, очевидно, автор заметки выбрал англицизм из-за его необычного звучания, а также потому, что это слово сейчас широко используется в СМИ. Заимствование *buzz* употреблено в составе маркетингового термина *bad buzz* (от английских слов *bad* – *плохой* и *buzz* – *слухи, молва*), обозначающего негативные слухи о чем-либо, которые обычно появляются в Интернете, а затем могут распространиться на другие СМИ. Отмечается, что это явление часто возникает в социальных сетях¹. Деятельность движения JAM подверглась критике именно в социальных

сетях, поэтому использование англицизма, связанного с Интернетом, представляется логичным. Полагаем, что в данном случае англицизм *bad buzz* выполняет не только номинативную функцию, но также выражает негативную авторскую оценку, поддерживаемую контекстом (*raillés sur les réseaux sociaux* – *осмеянные в социальных сетях*).

C'est devenu « *the place to be* » de la vie politique française. En 2022, les Docks de Paris, à Aubervilliers, ont vu défiler Anne Hidalgo pour son meeting clairsemé du 22 janvier, Emmanuel Macron pour l'interminable présentation de son programme présidentiel le 17 mars, puis la convention de la Nouvelle Union populaire écologique et sociale samedi 7 mai. Et *last but not least*, les candidats La République en Marche, pardon Renaissance, y ont tenu ce mardi leur séminaire de formation pour aborder la campagne des législatives (on vous parle en français parce que c'est le dialecte en vigueur dans la « *start-up nation* ») (L'Obs. 11.05.2022).

В этом отрывке говорится о том, что во время избирательной кампании выставочный центр «Docks de Paris» стал популярным местом для проведения мероприятий у разных политических партий. Чтобы выразить эту мысль, в статье использован англицизм *the place to be*, у которого существует несколько значений: модное, популярное место, например клуб, ресторан; идеальное место для чего-то конкретного²; место, куда приходит много людей и где происходят интересные события³. В заметке перечислены имена политиков, которые проводили встречи в «Docks de Paris», поэтому, на наш взгляд, в данном случае с помощью заимствования подчеркивается именно модный характер этого центра, реализуются семы «популярный», «модный». Курсив и кавычки выделяют заимствование среди французских слов, привлекая к нему внимание, а значение англицизма раскрывается в тексте. Таким образом, заимствование выполняет и номинативную функцию, обозначая место для проведения мероприятий, и функцию оценки, показывая, что речь идет о модном заведении. При этом благодаря добавлению компонента *de la vie politique française* к заимствованию *the place to be*, у фразы появляется оттенок иронии: место проведения мероприятий, важных для французских политиков, обозначено с помощью англицизма, а не французского эквивалента. Англицизм *last but not*

¹ <https://www.definitions-marketing.com/definition/bad-buzz/>

² <https://idioms.thefreedictionary.com/the+place+to+be>

³ <https://www.merriam-webster.com/dictionary/the%20place%20to%20be#:~:text=Definition%20of%20the%20place%20to,to%20be%20on%20Saturday%20nights>

least – последний, но не менее важный также передает иронию, потому что он употреблен перед названием партии президента Э. Макрона «La République en marche» (в апреле 2022 она получила новое название – «Renaissance»).

Интересно, что в последней фразе, помещенной в скобки, выражено отношение автора к использованию англицизов в современном французском языке. В этой фразе поясняется, что сейчас во Франции распространена смесь французского и английского языков (*franglais*), поэтому в тексте много англицизов. Чтобы показать, что избыток англицизов характерен для французского языка, используется юридический термин *en vigueur* – *быть в силе*. Обычно он употребляется по отношению к нормативным документам (законам, договорам), а в данном контексте относится к смеси двух языков, которую считают нарушением нормы, в результате создается комический эффект. Ирония по отношению к использованию заимствований выражена с помощью еще одного англицизма – *start-up nation* (букв.: ‘нация предпринимателей’). Э. Макрон использовал его в своей речи после победы на президентских выборах 2017 года, говоря

о том, что хочет сделать Францию страной предпринимателей. Употребление этого заимствования в нашем примере позволяет понять, что англицизмы действительно распространены во французском языке, их можно встретить даже в речах политиков самого высокого уровня.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, анализ собранного нами материала показал, что в статьях об избирательной кампании 2022 года англицизмы выполняли номинативную функцию и функцию оценки, а в некоторых случаях – обе функции одновременно. Заимствования в номинативной функции использовались для обозначения явлений, не имеющих французских эквивалентов. В некоторых случаях авторы предпочитали заимствования, которым было свойственно необычное звучание. Англицизмы часто служили средством выражения иронии, при этом экспрессивность фраз с их участием усиливалась с помощью стилистических приемов.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Сокурова С. Н., Тазаян С. В. Прагматические особенности функционирования англицизов во французской прессе // Филологические науки. Вопросы теории и практики. №6 (72): в 3-х ч. Ч.1. С. 141–143. Тамбов: Грамота, 2017. URL: www.gramota.net/materials/2/2017/6-1/39.html
2. Шумакова А. Н. О национально-культурной специфике фразеологических единиц, использовавшихся во французской прессе при освещении президентской кампании 2016 г. в США (на материале журнала «L'Obs») // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Образование и педагогические науки. 2017. Вып. 3 (774). С. 87–101. URL: http://www.vestnik-mslu.ru/Vest/3_774.pdf
3. Шумакова А. Н. Функционирование англицизов в статьях о выборах во Франции в 2017 г. (на материале журнала L'Obs) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Образование и педагогические науки. 2018. Вып. 3 (802). С. 139–149. URL: http://www.vestnik-mslu.ru/Vest/3_802.pdf
4. Maillat J. 100 anglicismes à ne plus jamais utiliser. C'est tellement mieux en français. STE du FIGARO, 2016.
5. Desalmand P., Stalloni Y. Mots nouveaux expliqués. P.: Editions du Chêne, 2015.

REFERENCES

1. Sokurova, S. N., Tazayan, S. V. (2017). The pragmatic peculiarities of the functioning of Anglicisms in the French press. *Philology. Theory & Practice*, 6 (72), V. 1, 141–143. Tambov: Gramota. (In Russ.) URL: www.gramota.net/materials/2/2017/6-1/39.html
2. Shumakova, A. N. (2017). Cultural specifics of phraseological units used in the 2016 US presidential race coverage in French periodicals (based on «L'Obs» news magazine). *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Education and Pedagogical Studies*, 3 (774), 87–101. (In Russ.) URL: http://www.vestnik-mslu.ru/Vest/3_774.pdf
3. Shumakova, A. N. (2018). On English loanwords used in the 2017 French presidential and legislative elections coverage in the present-day periodicals (based on «L'Obs» news magazine). *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Education and Pedagogical Studies*, 3 (802), 139–149. (In Russ.) URL: http://www.vestnik-mslu.ru/Vest/3_802.pdf
4. Maillat, J. (2016). 100 anglicismes à ne plus jamais utiliser. C'est tellement mieux en français. STE du FIGARO.
5. Desalmand, P., Stalloni, Y. (2015). Mots nouveaux expliqués. P.: Editions du Chêne, 2015.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Шумакова Анастасия Николаевна

кандидат филологических наук, доцент
доцент кафедры лексикологии и стилистики французского языка факультета французского языка
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Shumakova Anastasiya Nikolaevna

PhD in Philology, Associate Professor,
Associate Professor at the Department of Lexicology and Stylistics of the French Language,
Faculty of the French Language, Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию 10.09.2022
одобрена после рецензирования 20.10.2022
принята к публикации 14.11.2022

The article was submitted 10.09.2022
approved after reviewing 20.10.2022
accepted for publication 14.11.2022

«Волшебная гора» Томаса Манна: от замысла к воплощению

Д. А. Беляков¹, Ю. В. Чернова², А. Ю. Веденеева³

^{1,2,3}Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия

¹d.belyakov@linguanet.ru

²ju.v.chernova@linguanet.ru

³a.vedeneeva@linguanet.ru

Аннотация. Исследование посвящено актуальной проблеме диалектики замысла и воплощения в художественном творчестве на примере «Волшебной горы» Т. Манна, одного из ключевых интеллектуальных романов первой половины XX века. В оборот отечественного литературоведения вводятся неизвестные архивные материалы – так называемая «йельская» рукопись произведения немецкого классика. В результате проливается дополнительный свет на жанровую специфику романа, а также на характер эволюции образа протагониста.

Ключевые слова: «Волшебная гора», замысел, воплощение, «йельская» рукопись, интеллектуальный роман

Для цитирования: Беляков Д. А., Чернова Ю. В., Веденеева А. Ю. «Волшебная гора» Томаса Манна: от замысла к воплощению // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. Вып. 13 (868). С. 95–100. DOI 10.52070/2542-2197_2022_13_868_95

Original article

«The Magic Mountain» by Thomas Mann: from the Idea to its Actual Implementation

Dmitry A. Belyakov¹, Iuliia V. Chernova², Anastasia Ju. Vedeneeva³

^{1,2,3}Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia

¹d.belyakov@linguanet.ru

²ju.v.chernova@linguanet.ru

³a.vedeneeva@linguanet.ru

Abstract. The research is devoted to the acute problem of the dialectics of conception and implementation in literary work on the basis of Th. Mann's «The Magic Mountain», one of the key «intellectual» novels of the first half of the 20th century. Unknown archival materials are being introduced into the Russian literary studies – the so-called «Yale» manuscript of the German classic's work. As a result, additional light is shed on the genre specifics of the novel, as well as on the nature of the evolution of the protagonist's image.

Keywords: «The Magic Mountain», conception, implementation, «Yale» manuscript, intellectual novel

For citation: Belyakov, D. A., Chernova, I. V., Vedeneeva, A. Y. (2022). «The Magic Mountain» by Thomas Mann: from the idea to its actual implementation. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 13(868), 95–100. 10.52070/2542-2197_2022_13_868_95

ВВЕДЕНИЕ

Длительный период работы Т. Манна над «Волшебной горой», этой задуманной в 1913 году и опубликованной в 1924 году книгой – время не только глобальных социально-политических перемен, но и значительной трансформации художественных установок писателя. Вероятно, именно в этом «промежуточном положении» (Х.-Г. Гадамер) «Волшебной горы» причина того, что подходы к изучению романа могут считаться, по утверждению ряда авторитетных немецких критиков, принципиальными для парадигмы всего «манноведения» (Thomas Mann Forschung) [Koopmann, 2005; Kurzke, 2010].

Стабильно высокое внимание мировой науки о литературе к «давогскому» роману Манна обуславливает *актуальность* настоящего исследования, а также его *цель*, состоящую в том, чтобы заглянуть в творческую лабораторию автора «Волшебной горы», проследить диалектику замысла и воплощения этого культового для западноевропейской литературы текста.

Согласимся с А. П. Бондаревым: «В сюжетобразующем диалоге между замыслом и воплощением – когнитивной авторской интенцией и эзотерическим смыслом события – кроется разгадка таинственного очарования художественной литературы» [Бондарев, 2015, с. 36].

Достижение поставленной цели, восходящей в том числе к присущему Манну повышенному интересу в отношении природы творческого процесса, предполагает опору на биографическое литературоведение, а также на *методы* текстологического исследования.

СТАТЬИ, ПИСЬМА, ДНЕВНИКИ

Существует несколько возможностей для изучения диалектики замысла и воплощения применительно к роману Т. Манна «Волшебная гора».

С одной стороны, Манн много писал об этом тексте – в критических статьях, письмах, дневниках – этот материал довольно детально исследован в литературоведении. Так, хрестоматийное *принстонское* «Введение к “Волшебной горе”» напоминает о месте этого текста в контексте творчества Манна середины 1910-х годов и сообщает читателю, что роман «Волшебная гора» задумывался как полный юмора и гротеска рассказ, своего рода «драма сатиров», контрастирующая с «трагической новеллой» «Смерть в Венеции» и выполняющая роль «стилистической передышки» [Манн, 1960, т. 9, с. 158].

В одном из писем Манн указывает на «санаторный роман» как на промежуточное звено между «юношескими реалистическими “Будденброками”» и тетралогией об Иосифе, «демонстративно мифологическим произведением <...> почти шестидесятилетнего возраста» [Манн, 1975, с. 62].

С письмами Манна также во многом связан важнейший для манноведения вопрос жанровой природы романа.

Писатель не раз рассматривал «Волшебную гору» в контексте немецкого романа воспитания, а ее героя Ганса Касторпа – в неразрывной связи с гётевским Вильгельмом Мейстером [там же, с. 36]. По мнению Г. Вислинга, эта освященная авторитетом автора шаблонная формула в течение значительного времени якобы затмевала собою объективную сущность жанровой природы романа [Wysling, 2005].

Обращение к дневникам Манна конца 1910-х годов позволяет ученым проследить эволюцию одного из ключевых персонажей романа – Лео Нафты. Согласно первоначальному замыслу Т. Манна оппонентом Сеттембрини должен был стать протестантский священник по фамилии Бунге. Bunge – в переводе с немецкого – верша, конусообразная рыболовная снасть [Wißkirchen, 1986].

Протестантский пастор Бунге превращается в еврея-иезуита Нафту. Ему по-прежнему присущ навык филигранной вербовки неофитов, но образ героя обретает еще более противоречивый, парадоксальный характер. Обращает на себя внимание двоякое толкование того, как зовут второго ментора Касторпа. Лео – это видоизмененное еврейское имя Иуда [Kaganoff, 1977]. В то же время – очевидна отсылка к католицизму в лице Папы Льва XIII, возглавлявшего римско-католическую церковь с 1878 по 1903 год. Говорящей представляется и конечная фамилия иезуита, мало чем уступающая первоначальной Бунге. На иврите Naphtali – «спорить» или «бороться» [Grenville, 1985]. Кроме того, Naphta – наименование качественного углеводородного растворителя. Обе грани значения символичны и отсылают к упомянутой выше перевербовке протагониста романа.

Это лишь один из примеров того, как статьи, дневники и письма Манна позволяют пролить дополнительный свет на процесс воплощения творческого замысла.

Большинство наиболее релевантных высказываний Манна о «санаторном» романе, изложенных в подобных источниках, представлено в изданной в начале 90-х годов книге «Selbstkommentare “Der Zauberberg”» [Манн, 1992].

ЧЕРНОВЫЕ РУКОПИСИ

Вторым важнейшим источником для исследования диалектики замысла и воплощения применительно к роману Т. Манна могли бы стать его черновые рукописи. С ними связана отдельная, почти детективная история, известная, прежде всего, по воспоминаниям дочери Манна Эрики.

В 1933 году Т. Манн, находясь в зарубежном лекционном турне, получает известие об обыске в его мюнхенском доме и по настоятельному совету детей принимает решение не возвращаться на родину.

Остро встает вопрос дальнейшей судьбы многочисленных рукописей, хранящихся в кабинете Манна на Пошингерштрассе, ввиду очевидного риска их конфискации сотрудниками Гестапо. Писатель связывается со знакомым мюнхенским адвокатом, доктором Валентином Хайнсом – тот соглашается принять документы на хранение. В 1945 году в его канцелярию попала бомба, и все бумаги были уничтожены.

Единственную чудом сохранившуюся рукопись, которую удалось вывезти из арестованного мюнхенского дома писателя, в манноведении принято именовать «*Ausgeschiedene und umgearbeitete Seiten aus dem Zauberberg*». Речь о части черновых материалов самой первой редакции первого тома «Волшебной горы». Эти полные помет и исправлений рукописные материалы, составляющие примерно 1/10 часть первого тома романа (около 100 страниц), были частью архива, переданного Манном в конце 1930-х годов в дар Йельскому университету. В докладе, прочитанном в честь этого события (25 февраля 1938 г.), писатель подчеркивает важность передаваемых рукописей, ведь они позволяют заинтересованным читателям «заглянуть внутрь интеллектуальной лаборатории» («to permit the friends of literature to gain insight into an intellectual workshop») [Angell, 1938, с. 45].

В отечественном литературоведении больше известно иное «американское» событие – принстонский доклад об истории Ганса Касторпа. Думается, пришло время для того, чтобы очертить контуры и этого «йельского» сюжета «Волшебной горы».

В конце 1970-х годов Цюрихский архив Томаса Манна совместно с Йельским университетом (прежде всего, профессором Джеймсом Уайтом) взяли на себя колоссальный труд, переработали эту рукопись, перевели ее в машинописный вариант, сохранив все пометы и исправления, и издали ограниченным тиражом в рамках четвертого тома ежегодника «*Thomas Mann Studien*».

ПЯТЬ ЭПИЗОДОВ «ЙЕЛЬСКОГО» СЮЖЕТА

Анализ черновых, не вошедших в роман фрагментов, открывает дополнительные принципиальные особенности итоговой редакции «Волшебной горы». Имеет смысл остановиться на пяти наиболее релевантных эпизодах.

1. Вызывает интерес сцена, изображающая восприятие Гансом Касторпом звуков занятия любовью, доносящихся из соседнего номера, где живет «нехорошая» русская пара. Во-первых, в «йельском» манускрипте эти звуки представляются значительно более интенсивными: «*das schlüpfrige Geplänkel nebenan*» (непристойные игрища по соседству) вместо «*das Treiben jenseits der Wand*» (возня по ту сторону стены) [White, 1980a, с. 39]. Во-вторых, и это главное, Манн вычеркивает следующую сцену – размышления Ганса о двойственной природе любви, а также о собственных познаниях в этой сфере. Таким образом, писатель принял решение изобразить Касторпа значительно менее искушенным молодым человеком. Этот опыт – физический и концептуальный – по мере дальнейшего развития событий герою передадут Клавдия Шоша и доктор Кроковский.

2. По-новому удастся посмотреть на некоторые аспекты образа Кроковского и сопряженного с ним комплекса психоаналитических идей.

Первое упоминание о психоанализе в романе приходится на самое начало первой главы (эпизод «Приезд») – учение Фрейда значительно опережает все иные высокоранние педагогические инстанции. Характерна реакция Ганса на замечание Иоахима о сеансах «расчленения душ» – истерический смех, причина которого в явлении, названном Фрейдом «сопротивлением», т. е. немотивированным бессознательным неприятием анализа. Данная реакция мотивируется пронизательным лексическим наблюдением, которому мы обязаны Т. Анцу [Anz, 2002, с. 339]: неодобрительное восклицание Ганса – «*widerlich!*» (в переводе В. Станевич – «гадость!») является слоговым омоформом упомянутого психоаналитического термина «*Widerstand*» (сопротивление). В «йельском» манускрипте Ганс восклицает «*ekelhaft!*» [White, 1980a, с. 23]: формально смысл тот же, но в концептуальном отношении конструкция значительно более простая, так как отсутствует психоаналитический «диалогизующий» (по М. Бахтину) фон.

Кроме того, в финальный текст романа не входит одна из острот Сеттембрини о Беренсе и его ассистенте-психоаналитике. Итальянец интересуется, успел ли Ганс познакомиться с Радамантом и Мином, подчеркивая, что Радамантом он

естественно называет более высокого, «длинного» («der Längere») – Беренса. Мифологические имена остаются в финальной редакции, однако вторичность (т. е. меньшая «длина», рост) Кроковского не упоминается [White, 1980a].

3. Отдельного рассмотрения заслуживает и замысел кульминационного эпизода романа – карнавала в «Бергхофе». В «йельском» манускрипте «Вальпургиева ночь» заканчивается иначе. Мангеймец и фройляйн Энгельгардт, шпиона за Гансом, обнаруживают, что он пошел не на третий, а на второй этаж – где располагался номер Клавдии [там же].

Более того, размышления Ганса о том, стоит ли ему проследовать за Клавдией, длятся ровно семь минут – по привычке, как иронично замечает автор. При этом ирония, излюбленный манновский прием, обретает даже не двойное, а тройное «дно». Первая параллель напрашивается сама собой: семь минут длится процедура измерения температуры. Перед исследователем и компетентным читателем открывается и более глубокий пласт. А именно: число 7, изначально отсылавшее к благовоспитанной бюргерской среде (7 имен предков на купели), по мере развития сюжета становится своего рода маркером проблематизации филлистерства. Именно на седьмой день пребывания в «Бергхофе» Ганс посещает психоаналитическую лекцию Кроковского. Через семь недель Ганс вербализует намерение остаться в «Бергхофе» до весны, тем самым фактически порывая с «равнинным» мироощущением. Наконец, нужно вспомнить санаторный карнавал, венчающий седьмой месяц швейцарских «каникул» протагониста, на котором Ганс осознанно и акцентированно отказывается следовать наивным гуманистическим наставлениям Сеттембрини.

Описанный в «йельской» рукописи эпизод представлен в окончательной версии «Волшебной горы» лишь имплицитно. Сексуальную связь Касторпа и русской пациентки подразумевает «вкушение» протагонистом «плоти» во время карнаваловых празднеств и обретение Гансом рентгеновского снимка возлюбленной в награду за возврат одолженного на время карандаша. Наличие подобных повествовательных эллипсов – характерная черта поэтики интеллектуального романа Т. Манна.

4. Важный формальный момент: анализ «йельской» рукописи показывает, что изначально

Манн планировал пронумеровать не только главы (Kapitel), но и эпизоды (Unterkapitel) романа. В этом случае первая встреча Ганса и Клавдии состоялась бы в седьмом эпизоде. В дальнейшем Манн, очевидно, счел нецелесообразным перенасыщение текста числами и принял решение не нумеровать эпизоды, а давать им краткие полифонические заголовки. Номер же остался только у глав (которых, конечно, семь).

5. Дополнительный свет проливается и на образ Цимсена. Его первоначальное имя – Лоренц. В дальнейшем это имя досталось деду Касторпа, воплощающему столь же консервативный комплекс идей. Цимсен, как известно, получил имя Иохим. Джейс Уайт тонко подмечает, что это единственный персонаж романа, в имени и фамилии которого ровно семь букв (Joachim Ziemßen), что, вероятно, являет собой знак особой симпатии Манна [White, 1980b, с. 15]. При этом числовая символика в этом случае очевидно имеет еще первоначальный «равнинный» смысл (ср. с семью именами предков на купели). Наконец, упомянем и возможную этимологию имени этого персонажа: фамилия кузена Ганса созвучна немецкому Zinn – олово (как известно, Манн признавался, что своеобразным символом его собственного мироощущения является оловянный солдатик Х. К. Андерсена).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В силу специфики своей творческой манеры Манн, как правило, столь скрупулезно продумывал текст, что первая же рукопись оказывалась чистовой и шла в набор.

«Йельский» манускрипт «Волшебной горы» представляет собой одно из редких исключений из этого правила, что и позволило нам в общих чертах охарактеризовать проблемный процесс воплощения творческого замысла Манна, сопряженного с перманентной коррекцией как незначительных формальных деталей, так и сюжетообразующих конструкций.

В результате становится возможным наблюдение завораживающего явления, которое в «Смерти в Венеции» было охарактеризовано так: «Счастье писателя – мысль, способная вся перейти в чувство, целиком переходящее в мысль» [Манн, 1960, т. 7, с. 494].

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Koopmann H. Forschungsgeschichte // Thomas-Mann-Handbuch / Hrsg. von H. Koopmann. Frankfurt am Main : Fischer Taschenbuch Verlag, 2005. S. 941–1006.
2. Kurzke H. Thomas Mann. Epoche – Werk – Wirkung. München : C. H. Beck Verlag, 2010.

3. Бондарев А. П. Замысел и воплощение // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2015. Вып. 23 (734). С. 7–37.
4. Манн Т. Введение к «Волшебной горе». Доклад для студентов Принстонского университета // Собр. соч. : в 9 т. : пер. с нем. М. : Гослитиздат, 1960. Т. 9. С. 153–171.
5. Манн Т. Письма / пер. с нем. ; отв. ред. Б. Л. Сучков. М. : Наука, 1975.
6. Wysling H. Der Zauberberg // Thomas-Mann-Handbuch / Hrsg. von H. Koopmann. Frankfurt am Main : Fischer Taschenbuch Verlag, 2005. S. 397–422.
7. Wißkirchen H. Zeitgeschichte im Roman. Zu Thomas Manns «Zauberberg» und «Doktor Faustus». Bern : Francke Verlag, 1986.
8. Kaganoff B. C. A Dictionary of Jewish Names and their history. New York : Schocken Books, 1977.
9. Grenville A. «Linke Leute von rechts»: Thomas Mann's Naphta and the ideological Confluence of Radical Right and Radical Left in the Early Years of the Weimar Republic // Deutsche Vierteljahrsschrift für Literaturwissenschaft und Geistesgeschichte. 1985. Vol. 59. Issue 4. P. 651–675.
10. Mann Th. Selbstkommentare: 'Der Zauberberg'. Berlin : Fischer Taschenbuch, 1992.
11. Angell J. W., Jr. The Thomas Mann Collection // Yale University Library Gazette. 1938. № 13, P. 41–45.
12. White J. F. The Yale Zauberberg-Manuscript. Rejected Sheets Once Part of Thomas Mann's Novel. Bern : A. Francke AG Verlag, 1980a.
13. Anz Th. Indikatoren und Techniken der Transformation theoretischen Wissens in literarische Texte – am Beispiel der Psychoanalyse-Rezeption in der literarischen Moderne // Literatur und Wissen(schaften) 1890–1935. Von C. Maillard und M. Titzmann (Hrsg.). Stuttgart ; Weimar: Metzler, 2002. S. 331–347.
14. White J. F. Introduction // The Yale Zauberberg-Manuscript. Rejected Sheets Once Part of Thomas Mann's Novel. Bern : A. Francke AG Verlag, 1980b. P. 12–20.
15. Манн Т. Смерть в Венеции // Собр. соч. : в 9 т. : пер. с нем. М. : Изд-во Гослитиздат, 1960. Т. 7. С. 448–526.

REFERENCES

1. Koopmann, H. (2010). Forschungsgeschichte. Thomas-Mann-Handbuch / Hrsg. von H. Koopmann (Ss. 941–1006). Frankfurt am Main: Fischer Taschenbuch Verlag.
2. Kurzke, H. (2010). Thomas Mann. Epoche – Werk – Wirkung. München: C. H. Beck Verlag.
3. Bondarev, A. P. (2015) The idea of literary work and its actual incarnation. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 23(734), 7–37. (In Russ.)
4. Mann, Th. (1960) Vvedenie k «Volshebnij gore». Doklad dlja studentov Prinstonskogo universiteta. Sobraenie sochinenij = Introduction to "The Magic Mountain", held at Princeton University. Collection of works. (pp. 153–171). (Vols. 10). Moscow: Goslitizdat. (In Russ.)
5. Mann, Th. (1975) Pis'ma : per. s nem. = Letters / trans. with him. In B. L. Suchkov (ed.). Moscow: Nauka. (In Russ.)
6. Wysling, H. (2005). Der Zauberberg. Thomas-Mann-Handbuch. Von H. Koopmann (Hrsg.). (pp. 397–422). Frankfurt am Main: Fischer Taschenbuch Verlag.
7. Wißkirchen, H. (1986). Zeitgeschichte im Roman. Zu Thomas Manns «Zauberberg» und «Doktor Faustus». Bern: Francke Verlag.
8. Kaganoff, Benzoin C. (1977). A Dictionary of Jewish Names and their history. New York: Schocken Books.
9. Grenville, A. (1985). «Linke Leute von rechts»: Thomas Mann's Naphta and the ideological Confluence of Radical Right and Radical Left in the Early Years of the Weimar Republic. Deutsche Vierteljahrsschrift für Literaturwissenschaft und Geistesgeschichte, 59(4), 651–675.
10. Mann, Th. (1992). Selbstkommentare: 'Der Zauberberg'. Berlin: Fischer Taschenbuch.
11. Angell, J. W., Jr. (1938). The Thomas Mann Collection. Yale University Library Gazette, 13, 41–45.
12. White, J. F. (1980a). The Yale Zauberberg-Manuscript. Rejected Sheets Once Part of Thomas Mann's Novel. Bern: A. Francke AG Verlag.
13. Anz, Th. (2002) Indikatoren und Techniken der Transformation theoretischen Wissens in literarische Texte – am Beispiel der Psychoanalyse-Rezeption in der literarischen Moderne. (pp. 331–347). Literatur und Wissen(schaften) 1890–1935 Von C. Maillard und M. Titzmann (Hrsg.). Stuttgart, Weimar: Metzler, .
14. White, J. F. (1980b) Introduction. The Yale Zauberberg-Manuscript. (pp.12–20). Rejected Sheets Once Part of Thomas Mann's Novel. Bern: A. Francke AG Verlag.
15. Mann, Th. (1960) Smert' v Venecii. Sobraenie sochinenij = Death in Venice. Collection of works. (pp. 448–526). (Vols. 10). Moscow: Goslitizdat. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Беляков Дмитрий Александрович

кандидат филологических наук, доцент
заведующий кафедрой отечественной и зарубежной литературы переводческого факультета
Московского государственного лингвистического университета
заведующий научной лабораторией сравнительного литературоведения и художественной антропологии
Московского государственного лингвистического университета

Чернова Юлия Владимировна

кандидат филологических наук
доцент кафедры отечественной и зарубежной литературы переводческого факультета
Московского государственного лингвистического университета

Веденеева Анастасия Юрьевна

лаборант-исследователь научной лаборатории сравнительного литературоведения и художественной антропологии
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Belyakov Dmitry Aleksandrovich

PhD in Philology, Associate Professor
Head of the Department of Russian and World Literature, Faculty of Translation and Interpreting
Head of the Research Laboratory for Comparative Literature and Artistic Anthropology
Moscow State Linguistic University

Chernova Iuliia Vladimirovna

PhD in Philology
Associate Professor at the Department of Russian and World Literature, Faculty of Translation and Interpreting
Moscow State Linguistic University

Vedeneeva Anastasia Yurjevna

Researcher at the Laboratory for Comparative Literature and Artistic Anthropology
Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию 15.09.2022
одобрена после рецензирования 14.10.2022
принята к публикации 14.11.2022

The article was submitted 15.09.2022
approved after reviewing 14.10.2022
accepted for publication 14.11.2022

Поэтика малых форм пространства в эссе Ж. Перека «Просто пространства»

В. А. Бодрова¹, Е. В. Сомова²

^{1,2}Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия

¹bodrova.vasilisa@mail.ru

²shalot1@rambler.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу малых форм пространства в эссе Ж. Перека «Просто пространства» («Espaces d'espaces», 1974). Писатель включает в круг рассматриваемых элементов объекты материального мира, обычно не выделяемые как отдельный вид пространства: лист бумаги и кровать. Помимо этих предметов к малым формам пространства относится пространство комнаты, часто описываемое в художественных произведениях. Комната становится одним из наиболее значимых видов пространства для писателя, поскольку отображает мировоззрение человека и является хранилищем вещей, напоминающих о том или ином периоде жизни, что для Жоржа Перека, часто обращающегося к теме человеческой памяти в своем творчестве, особенно важно. В ходе исследования делается вывод об особой роли и функциональности каждой формы пространства.

Ключевые слова: Ж. Перек, художественное пространство, французская литература, литература XX века

Для цитирования: Бодрова В. А., Сомова Е. В. Поэтика малых форм пространства в эссе Ж. Перека «Просто пространства» // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2022. Вып. 13 (868). С. 101–108. DOI 10.52070/2542-2197_2022_13_868_101

Original article

Poetics of Small Forms of Space in the Essay «Species of Space and other Pieces» Written by G. Perec

Vasilisa A. Bodrova¹, Elena V. Somova²

^{1,2}Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia

¹bodrova.vasilisa@mail.ru

²shalot1@rambler.ru

Abstract. The article is devoted to the analysis of small forms of space in the essay «Species of space and Other pieces» written by G. Perec (Espaces d'espaces, 1974). The writer includes in the circle of elements under consideration the objects of the material world, which are usually not recognised as a separate type of space. It's a sheet of paper and a bed. In addition to these objects, small forms of space include the space of a room, which is often described in artworks. The room becomes one of the most significant type of space for the writer and reflects the worldview of a person. It is a storage of things that can remind some period of life and it's very important for Georges Perec. He often mentions the theme of human memory in his works. In the course of the study, we can conclude about the special role of each form of space.

Keywords: G. Perec, art space, French literature, twentieth century literature

For citation: Bodrova, V.A., Somova, E.V. (2022). Poetics of small forms of space in the essay «Species of space and Other pieces» written by G. Perec. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 13(868), 101–108. 10.52070/2542-2197_2022_13_868_101

ВВЕДЕНИЕ

Творчество Ж. Перека (Georges Perec, 1936–1982) стало неординарным явлением во французской и мировой литературе. Как отмечает В. М. Кислов: «Перека – фантастический писатель не просто потому, что перебрал жанры, не просто перебрал стили, а всякий раз, когда он брался за ту или иную работу, то изменял понятие самого литературного письма и совершенно революционировал сам жанр»¹. Жорж Перека стремился сделать невозможное, использовать разнообразные резервы языка, жанра, стиля.

Среди различных тем, затрагиваемых писателем, важное значение имеет тема, начатая в романе «Вещи» («Les Choses», 1965) – *взаимодействие человека и пространства*. Этому посвящена работа, получившая название «Просто пространства» («Espaces d'espaces», 1974), жанр которой писатель определил как «Дневник пользователя». Книга явилась совокупностью размышлений Ж. Перека, посвященных пространству, а потому заслуживает особого внимания в контексте изучения этой категории в творчестве писателя.

В предисловии к «Дневнику» Ж. Перека говорит о том, что основная идея книги – описание и исследование пространства, причем «не пустоты, а скорее того, что вокруг или внутри нее» (Ж. Перека. *Дневник пользователя*). Писатель отмечает, что окружающий мир по природе своей не является целостным, он включает в себя различные виды пространств:

нет единого пространства, <...> единого красивого пространства вокруг нас, а есть множество участков пространства; один из них – переход метро, другой – парк, третий [участок] (тут мы сразу же попадаем в пространства более обособленные), поначалу скромный размерами, потом колоссально увеличился и стал Парижем (Ж. Перека. *Дневник пользователя*).

Изучением разнообразных типов пространств и собирается заняться Жорж Перека на протяжении всей книги.

АВТОРСКИЙ ВЗГЛЯД НА КАТЕГОРИЮ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОСТРАНСТВА

Примечательно, что в предисловии писатель раскрывает свое видение человеческого существования: *жить, по Переку, означает перемещаться из одного пространства в другое* – эта идея чрезвычайно важна для понимания главенствующей роли *пространства* среди других категорий в творчестве Ж. Перека. Писатель рассматривает жизнь как

движение, смену обстановки, попадание из одной точки в другую; *пространство, таким образом, становится основой человеческой жизни, без него немисливо существование как таковое*: человек перемещается, и по ходу движения оказывается в том или ином пространстве. Ж. Перека *транспонирует свое видение в произведениях, этим и объясняется его склонность к игре с пространствами*.

Игра возникает с самого начала «дневника»: Перека прибегает к форме пьесы, чтобы в трех действиях показать постепенное заполнение пространства. Сначала изображается абсолютная пустота, когда на севере, юге, западе и востоке, по указанию автора, ничего нет; затем в центре появляется палатка, и далее, в последнем действии, помимо палатки возникает денщик, чистящий сапоги гуталином. Ж. Перека не случайно показывает одно и то же пространство в трех состояниях: с одной стороны, писатель передает собственное видение *библейской истории сотворения мира*, минуя религиозную сторону вопроса и привычно акцентируя внимание на пространстве, а с другой – он транслирует *идею движения от пустоты к заполненности* – идею, начатую в романе «Вещи» и получившую развитие в «Просто пространствах». И пустые, и заполненные территории окружают людей на протяжении всей жизни и могут оказывать на них сильное воздействие: зона, слишком насыщенная объектами, зачастую давит на человека, ограничивая его свободу, а пустота, в свою очередь, способна навевать тоску и мрачные мысли. Любовь к открытым или, напротив, замкнутым пространствам, к пустоте или заполненности окружающей действительности соотносится с внутренним миром личности, и в конечном счете может повлиять на ее будущее (достаточно вспомнить роман Ж. Перека «Вещи» или же одно из известных произведений на тему взаимосвязи человека и определенного типа пространства – рассказ А. П. Чехова «Человек в футляре» (1898), в котором главный герой тянется к *ограниченным, замкнутым* пространствам и некой *оболочке*:

У этого человека наблюдалось постоянное и непреодолимое стремление окружить себя *оболочкой*, создать себе, так сказать, *футляр*, который *удинил* бы его, защитил бы от внешних влияний (А. П. Чехов. *Человек в футляре*).

Спальня у Беликова была *маленькая, точно ящик*, кровать была с пологом (А. П. Чехов. *Человек в футляре*).

Нездоровое стремление к замкнутости приводит к тому, что герой оказывается в идеальном для себя локусе – гробу.

После небольшой пьесы происходит изменение жанровой формы: вместо драматического

¹URL:// <https://morebook.ru/tema/literatura/item/1435828115951#gsc.tab=0>

произведения появляется песня, в которой изображаются различные объекты материального мира и пространство, в которое они вписаны, причем с каждой новой строчкой эти объекты уменьшаются: Dans Paris, il y a une rue ;

dans cette rue, il y a une maison ;
dans cette maison, il y a un escalier ;
dans cet escalier, il y a une chambre ;
Dans cette chambre il y a une table ;
Sur cette table il y a un tapis ;
Sur ce tapis il y a une cage ;
Dans cette cage il y a un nid ;
Dans ce nid il y a un œuf ,
Dans cet œuf il y a un oiseau.

В Париже есть улица;
на улице – дом;
в доме – лестница;
на лестнице – комната,
в комнате – стол;
на столе – скатерка;
на скатерке – клетка;
в клетке – гнездо;
в гнезде – яйцо;
в яйце – птица.¹

(Ж. Перек. Дневник пользователя)

Как отмечалось выше, одним из излюбленных приемов писателя и режиссера Перека является «наезд», когда пространство показа постепенно уменьшается и взгляд наблюдающего сосредотачивается на каком-либо объекте. Ж. Перек использует этот прием, чтобы показать через движение от глобального (территория города) к частному (птица, которая находится в определенном яйце, яйцо – в гнезде и т. д.) идею о взаимосвязи пространства и расположенных в нем объектов. Данную мысль можно подтвердить следующими строчками:

L'oiseau renversa l'œuf ;
L'œuf renversa le nid ;
Le nid renversa la cage ;
<...>
L'escalier renversa la maison ;
La maison renversa la rue ;
La rue renversa la ville de Paris.

Птица своротила яйцо;
яйцо своротило гнездо;
гнездо своротило клетку;
<...>
лестница своротила дом;
дом своротил улицу;
улица своротила город Париж.

(Ж. Перек. Дневник пользователя)

В приведенном фрагменте говорится о том, что малые объекты влияют на более крупные вещи, те, в свою очередь, оказывают действие на объекты еще большего размера и т. д. – вновь изображается связь между предметами. *Каждый элемент пространства функционален, необходим* – таким Жорж Перек видит окружающий его мир и ставит перед собой цель донести это видение до читателей. Можно заключить, что текст песни вводится в основное повествование для трансляции идеи о взаимосвязи предметов и об особой роли, функциональности каждого из них. Именно поэтому в круг анализируемых писателем пространств включаются объекты материального мира, обычно не относимые к пространству как таковому: наравне с комнатой, квартирой, улицей Ж. Перек исследует страницу книги, кровать, дверь.

ПОЭТИКА МАЛЫХ ФОРМ ПРОСТРАНСТВА

Пространство книжной страницы

С изучения книжной страницы и начинается повествование в «дневнике». Жорж Перек сообщает о различном формате листов, их площади, подсчитывает, сколько бумаги требуется для того, чтобы покрыть остров Святой Елены, перечисляет, где именно можно писать на странице:

Я пишу: обживаю бумажный лист, его занимаю, его прохожу.
Я творю пробелы, пропуски (отступления по ходу: разрывы, переходы, переносы).
Я пишу на полях.
Я пишу с новой строки. Я делаю сноску внизу страницы [1].
Я беру другой лист

(Ж. Перек. Дневник пользователя).

В этой характеристике внешнего вида книжной страницы и действий, с ней связанных, проявляется авторская игра с определенным объектом: описывая обыденный предмет, Ж. Перек хочет показать его с различных сторон, открыть что-то новое для читателя. «Я хотел подойти к вещам так, словно никогда их раньше не видел», – заявляет писатель, и эта позиция роднит его способ изображения действительности с таким литературоведческим приемом, как *остранение*, когда о каком-либо привычном предмете, явлении, процессе говорится так, будто повествователь видит его в первый раз [Peres, Dupuy, 2003]. Автор термина В. Б. Шкловский так характеризует данное

¹ Зд. и далее перевод В. Кислова

понятие: «Не приближение значения к нашему пониманию, а создание особого восприятия предмета, создание «видения» его, а не «узнавания»» [Шкловский, 1983, с. 15]. Можно утверждать, что Перек при описании пространства берет во внимание этот прием, причем делает это с целью пробудить интерес читателей к окружающей реальности, познанию мира. Писатель считает, что глаз обывателя слишком свыкся с повседневностью, чтобы внимательно ее изучать. «Мы не умеем видеть» – нередко говорит автор на протяжении текста. Соответственно, одной из целей Ж. Перека при написании «дневника» является *формирование нового аналитического взгляда читателей на окружающую их действительность*.

Рассуждая о функциях листов, Ж. Перек пишет о том, что практически все события фиксируются на бумаге:

Почти всё, рано или поздно, проходит через бумажный лист, страницу записной книжки, страничку ежедневника или через любой другой случайный носитель (билетик метро, поля газетной страницы, пачка сигарет, обратная сторона конверта и т. д.) (Ж. Перек. *Дневник пользователя*).

Пространство листа, таким образом, становится связанным с самой жизнью, потому что запечатлевает фрагменты бытия. Перек развивает данную мысль, добавляя, что любого человека окружает множество различных листов, даже если он сам того не замечает: чеки, списки покупок, счета, квитанции, письма, конверты, газеты и многое другое. Жорж Перек не забывает сказать и о своем поприще, справедливо отмечая, что писатели более всех связаны с бумажными листами: помимо обыденных предметов, вроде чеков, они работают с заметками, статьями, книгами, черновиками, а также в процессе кропотливой работы создают собственные произведения. При помощи перечисления различных видов и функций листов Ж. Перек отображает идею значимости каждого из них (будь то старый черновик или же официальный документ) в жизни человека.

Упомянув о писательской деятельности, Ж. Перек плавно переходит к разговору о литературном творчестве. *Лист бумаги в определенных случаях может быть творением искусства, например, целым литературным произведением или же его фрагментом. На книжных страницах возникают вымышленные миры, заставляющие работать воображение читателя:*

Совсем необязательно закрывать глаза, чтобы это вызванное словами пространство – всего лишь пространство словаря, пространство бумаги

– ожило, заселилось, заполнилось (Ж. Перек. *Дневник пользователя*).

В подтверждение своей мысли Перек включает в текст разнообразные пейзажные зарисовки, сменяющие друг друга:

Вытягиваемый паровозом длинный товарный состав проходит по виадуку; груженные гравием баржи бороздят каналы <...>. Улицы города заполнены автомобилями. В одном из окон домохозяйка, закутав голову тюрбаном, выбивает пыль из ковра. В пригородных сквериках десятки садовников подрезают фруктовые деревья <...>. Коровы на лугах, виноградари в виноградниках, лесорубы в лесах, связки альпинистов в горах (Ж. Перек. *Дневник пользователя*).

Такая смена описаний необходима для того, чтобы внимание быстро переключалось с одной зарисовки на другую, и тем самым читатель имел возможность проследить за работой своего воображения. Все это преследует цель, сформулированную Р. Шартье: «Придать чтению статус творческой, изобретательской, продуктивной практики, а не отменить его в тексте» [Chartier, 1985, с. 63]. Итак, на бумаге не только фиксируются бытовые, рабочие, официальные заметки, но и находит воплощение мир словесного творчества, именно поэтому Жорж Перек придает огромное значение разного рода листам, книжным страницам и пр., а также причисляет их к видам пространства.

Еще одна важная идея, сформулированная Ж. Переком, состоит в том, что *окружающая реальность начинается с текста*:

Пространство так и начинается, со слов, со знаков, прочерченных на белой странице (Ж. Перек. *Дневник пользователя*).

В этом высказывании можно проследить влияние философского учения Ж. Деррида, а именно его идеи о представлении *мира как текста*: «Для меня текст безграничен. Это абсолютная тотальность. Нет ничего вне текста: это означает, что текст не просто речевой акт. Этот стол для меня текст. То, как я воспринимаю этот стол – долингвистическое восприятие, – уже само по себе для меня текст» [Вайнштейн, 1992, с. 74]. Сразу следует оговориться, что Жорж Перек, хотя и проводит параллели между текстом и окружающей действительностью, все же сосредотачивает внимание на книжной странице как таковой, рассматривая ее в качестве посредника между миром реальным и вымышленным.

Заканчивает размышления о роли бумажного листа Ж. Перек тем, что называет его *надежным пространством*, подразумевая под этим, что информация, которую он содержит, сохранится с течением

времени. На протяжении раздела, посвященного изучению этого объекта, писатель говорит о его важном месте среди других видов пространств: можно заключить, что *поверхность страницы является для Жоржа Перека тонкой гранью между письмом (пространство текста) и действительностью (пространство жизни).*

Пространство кровати

Следующий объект, изучаемый Ж. Переком, – **кровать**. Писатель считает кровать идеальным индивидуальным пространством, единственным, которое по-настоящему принадлежит человеку: квартиру можно конфисковать, а вот человеческую постель отбирать не имеет смысла. Перек отмечает, что кровать, помимо своей основной функции, может являться местом «путешествий» – под этим писатель подразумевает чтение книг, причем указывает, что сам прочел, лежа на постели, «Таинственный остров», «Двадцать лет спустя» и «Джерри-островитянина». Автор создает словесные зарисовки того, какой облик принимала постель в его воображении:

Кровать становилась хижинкой трапперов, спасательной шлюпкой в бурном океане, баобабом, охваченным пожаром, палаткой в пустыне, ложбинкой, в нескольких сантиметрах от которой враги проходили несолоно хлебавши (Ж. Перек. *Дневник пользователя*).

В подобных описаниях проявляется писательская игра – Жорж Перек любит погружать читателей «в головокружительную игру со словом, языком, литературой» и вновь с помощью быстрой смены описаний заставляет усиленное работать их воображение [Leroi-Gourhan, 1964].

В процессе рассуждений Ж. Перек сообщает о своем времяпрепровождении на кровати: писатель любит отдыхать на ней, параллельно обдумывая произведения или любясь интерьером. Окружающая обстановка зачастую воодушевляет Перека:

Я люблю потолки, люблю лепнину и розетки: они часто меня вдохновляют, а переплетение гипсовых фиоритур легко отсылает меня к другим лабиринтам, сплетаемым фантазиями, идеями и словами (Ж. Перек. *Дневник пользователя*).

Примечательно, что *любование обыденными вещами помогает писателю в творческой деятельности* – в этом, вероятно, необходимо искать истоки интереса Ж. Перека к изображению вещей в литературе, обращение писателя к проблематике, связанной с материальным миром

(например, с обществом потребления), и, как следствие, *фотографичность и кинематографичность*, свойственные его писательской манере.

Отношение автора к пространству кровати неоднозначно: с одной стороны, кровать для него – это место, где можно восстановить силы, получить вдохновение, с другой же – он видит в собственной постели территорию «смутной опасности, место противоречий» (Ж. Перек. *Дневник пользователя*). На протяжении раздела, посвященного анализу кровати как типа пространства, можно обнаружить лексемы со значением «замкнутости» и «одиночества»: **ограниченное пространство желания, пространство одинокого тела** и т. д. (Ж. Перек. *Дневник пользователя*). Это означает, что кровать ассоциируется у писателя с *изолированностью* от других людей, причем эта изолированность угнетает, заставляя чувствовать себя ненужным. В то же время, как признает Перек, отсутствие людей помогает ему в творчестве – вновь прослеживается противоречивая позиция писателя. Если при анализе страницы Ж. Переку удастся прийти к определенному выводу (любой бумажный лист – *надежное пространство*), то в случае с кроватью такого четкого вывода нет, именно поэтому Перек завершает свои размышления постановкой вопросов:

А гамак? А циновка? А нары? А кровати-шкафы? А глубокие, как могилы, диваны? А лежанки? А кушетки спальных вагонов? А походные койки? (Ж. Перек. *Дневник пользователя*).

С помощью вопросительных конструкций писатель обрисовывает будущие объекты исследования и заодно позволяет читателю задуматься о разнообразии мест, предназначенных для сна.

Пространство комнаты

Следующий рассматриваемый элемент пространства – **комната**. Ж. Перек утверждает, что человеку достаточно мысленно воспроизвести обстановку помещения, в котором он когда-то находился, чтобы возникли воспоминания о происходящих в тот период событиях:

Знакомое ощущение своего тела в кровати, привычное расположение кровати в комнате будоражат мою память, придают ей остроту и точность, которыми она в другое время почти никогда не обладает (Ж. Перек. *Дневник пользователя*).

Особенно сказанное касается помещений, в которых люди живут долгое время – в этом случае комната становится *проекцией внутреннего мира* своего хозяина. Рассуждая о взаимосвязи

человека и его жилища, Жорж Перека описывает одно из мест, которое произвело на него сильное впечатление:

Воспоминания цепляются за узость той кровати, за узость той комнаты, за стойкую едкость того слишком крепкого и холодного чая: в то лето я пил pink, джин, приправленный каплей экстракта из коры ангостуры, я флиртовал, скорее безуспешно, с дочерью недавно вернувшегося из Александрии прядильщика, я решил стать писателем (Ж. Перека. *Дневник пользователя*).

В приведенном описании прослеживается желание Жоржа Перека удержать в памяти как можно больше деталей интерьера, вспомнить мельчайшие подробности различных жизненных событий. Такое стремление свидетельствует о том, что писатель старается компенсировать отсутствие ярких моментов в детстве – эту особенность не раз отмечали исследователи творчества Ж. Перека (Б. В. Дубин: «У Перека-писателя столь же особое отношение к автобиографизму, проблематике происхождения, особое понимание прошлого, памяти, воспоминания – как того, чего он сам лишен» [Дубин, 2005, с. 251]; Е. Е. Дмитриева: «За экстравагантностью липограмматического романа, за «судорогами языка» скрывались пережитые автором подлинные исчезновение и боль. Заговорил тот, чья мать исчезла в печах Освенцима» [Дмитриева, 2010, с. 221]; В. В. Шервашидзе: «Ж. Перека принадлежит к поколению детей, родители которых погибли во время Второй мировой войны: отец – на фронте, мать и сестра – в газовых камерах <...> Отсутствие жизненной опоры Перека заменил творческой памятью о близких» [Шервашидзе, 2015, с. 220–221]). Не случайно сам Перека утверждает: «У меня нет ни дома, ни семьи, – у меня нет корней. Я о них ничего не знаю. И с помощью письма я хочу проложить след у себя в памяти» [Durand, 1982, с. 210].

Итак, желание зафиксировать ускользающую реальность связано с личностными особенностями Ж. Перека. Для писателя, с особым трепетом относящегося к воспоминаниям, *пространство комнаты (а в отдельные периоды жизни – всего дома) становится одним из наиболее ценных*, поскольку включает в себя ряд деталей, позволяющих активизировать человеческую память: книги, альбомы, записки, фотографии, старые, уже не используемые вещи и др.

Следуя своему стремлению наиболее полно охарактеризовать окружающую действительность, Ж. Перека создает целую классификацию спальных комнат. Писатель никак не комментирует свою типологию, просто перечисляет виды спален, однако

исходя из его общих замечаний, касающихся различных помещений, можно сформулировать авторскую позицию по отношению к каждому виду. Первыми в списке отмечены помещения, которые Перека называет «*мои комнаты*». Примечательно, что слово «мои» писатель выделяет курсивом – так он показывает, что в отношении пространства придает большое значение оппозиции *свой – чужой*: для того, чтобы комната по-настоящему принадлежала человеку, мало быть ее владельцем, необходимо обустроить ее в соответствии с мировоззрением. Именно такой тип комнат ассоциируется у Перека с *душевной гармонией*, в таких помещениях человек имеет возможность побыть наедине с собой и восстановить силы. Следующая категория – «*дортуары и общие спальни*». Этот вид включает в себя любые спальни для большого количества жильцов. В подобных комнатах человек лишен уединения, а также не имеет возможности сделать все по своему усмотрению (расположить вещи определенным образом, поменять интерьер в целом и пр.), что достаточно проблематично. Далее Перека выделяет две категории, несколько схожие между собой: «*комнаты дружелюбные*». Под «дружелюбными» комнатами писатель подразумевает помещения с уютной обстановкой, располагающей к себе. В комнатах друзей и любимых также уютная атмосфера, однако она включает в себя не только прекрасный облик, но и близкие отношения между хозяевами и гостями – можно предположить, что это один из самых приятных видов помещений для автора. В классификацию Ж. Перека добавляет и случайные места для сна, называя их «*импровизированными постелями*» – к таковым писатель относит ковер, шезлонг, диван и т. д. Они интересны Переку тем, что поражают своим разнообразием (существует очень много объектов материального мира, подпадающих под определение «временная постель»). Примечательно, что в классификацию включены и дома – деревянные и съемные загородные. Для Ж. Перека частный дом воспринимается как цельное пространство, как одна большая комната, именно поэтому в классификацию попали, на первый взгляд, неподходящие объекты. Оба вида домов объединяет окружающая их обстановка: они располагаются *на лоне природы*, куда люди приезжают время от времени, устав от городской суеты. Также к спальным комнатам Ж. Перека относит гостиничные номера, разделяя их на *захудалые, с отделкой, меблированные* и роскошные (Ж. Перека. *Дневник пользователя*). Гостиница является временным пристанищем человека, и номера, как правило, не оставляют у него сильных впечатлений, поэтому этот элемент пространства мало интересует Перека. Завершая

классификацию, Ж. Перек пишет о непривычных условиях: ночах, проведенных в самолетах, поездах, машинах, в палатках, больницах, в полицейском участке и т. д. Подобные необычные места для ночевки, так же, как и «импровизированные постели», представляют большой интерес для писателя ввиду своего разнообразия.

Таким образом, Ж. Перек выделяет девять видов спальных помещений, различных по своему облику и функциям: существуют красивые (например, собственная уютная комната, «дружелюбные» помещения и др.) и неприглядные (дешевые гостиничные номера); постоянные («в некоторых из этих комнат я провел месяцы, годы») и временные («[был] всего несколько дней или часов»); наконец те, что сообщают мало информации о своем жилье (съемные помещения), и те, что выражают «историю человека», его внутренний мир (собственная комната, загородный дом) (Ж. Перек. *Дневник пользователя*). Комнаты, хранящие приметы прошлого, особенно важны для сосредоточенного на воспоминаниях Жоржа Перека, не случайно он отмечает:

Проходит время (моя История), и остаются, накапливаясь, следы: фотографии, рисунки, давно высохшие фломастеры, папки, многократная и одноразовая стеклотара, пачки от сигарет, коробки, резинки, почтовые открытки, книги, пыль и безделушки (Ж. Перек. *Дневник пользователя*).

Перечисленные предметы писатель называет личным богатством, а комнату, наполненную подобными памятными вещами, *своей*, тем самым придавая ей особое значение по сравнению с другими помещениями.

В финале раздела, посвященного изучению комнаты, Перек ставит несколько вопросов для размышления читателей:

Жить в какой-то комнате: что это значит? Жить в каком-то месте: значит ли это его осваивать? Что значит: осваивать место? (Ж. Перек. *Дневник пользователя*).

Во многих своих работах Ж. Перек делает объектом изображения *инфраординарное* (фр. *infra-ordinaire*) – комплекс различных действий, предметов, событий, которые человек склонен не замечать, поэтому не придает им сильного значения. Сосредоточение на инфраординарном обуславливает постановку проблемных вопросов на протяжении текста: с их помощью Ж. Перек стремится научить читателей

обращать внимание не только на особенные события в их жизни, но и на обыкновенные явления, пробудить интерес к окружающей действительности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, анализ различных видов пространства Жорж Перек начинает с исследования его малых форм. Писатель включает в круг рассматриваемых элементов объекты материального мира, обычно не выделяемые как отдельный вид пространства: лист бумаги, кровать и т. д. Обращение Перека к таким объектам связано с его идеей о взаимосвязи предметов в пространстве и об особой роли, функциональности каждого из них.

Лист воспринимается писателем как надежное, ценное пространство, потому что он содержит информацию, определенный *текст*, а с текста, по Переку, начинается окружающая реальность. Бумажный лист предстает гранью между письмом (пространство текста) и действительностью (пространство жизни). Отношение Ж. Перека к *кровати* как объекту исследования можно охарактеризовать как неоднозначное: с одной стороны, кровать для него – идеальное пространство, единственное, по-настоящему принадлежащее человеку; уголок, где можно восстановить силы, с другой же – это территория противоречий, место, ассоциирующееся с изоляцией от общества. *Комната* является одним из наиболее значимых видов пространства для писателя, поскольку отображает мировоззрение человека и является хранилищем вещей, напоминающих о том или ином периоде жизни, что для Жоржа Перека, часто обращающегося к теме человеческой памяти в своем творчестве, крайне важно.

Таким образом, Ж. Перек стремится обратить внимание читателей на окружающее их пространство, причем делает это различными способами: описывая обычное назначение малых видов пространства и их неожиданные функции, создавая собственные классификации, задавая проблемные вопросы на протяжении текста и мн. др. – вовлекая читателя в своего рода игру. По Переку, на малые формы пространства человек склонен менее всего обращать внимание, именно поэтому писатель приводит их подробную характеристику. Делая инфраординарное объектом изучения, Жорж Перек призывает исследовать обыкновенные явления, проявлять интерес к окружающей действительности.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Perec G., Dupuy G. Entretien avec Gérard Dupuy // Entretiens et Conférences I (Edition critique établie par Dominique Bertelli et Mireille Ribière). Paris: Joseph K., 2003.
2. Шкловский В. Б. О теории прозы. М. : Советский писатель, 1983.
3. Chartier R. Du livre au lire. Pratiques de la lecture, ID. (dir.), Marseille, Rivages, 1985.
4. Вайнштейн О. Б. Интервью с Жаком Деррида // Arbor Mundi. Вып. 1. М. : Мировое древо, 1992.
5. Leroi-Gourhan. A. Le geste et la parole. Paris : Albin Michel, 1964.
6. Дубин Б. В. На полях письма. Заметки о стратегиях мысли и слова в XX веке. М. : Emergency Exit, 2005.
7. Дмитриева Е. Е. Удовольствие от ограничения: загадочный писатель Жорж Перек // Новое литературное обозрение. 2010. № 6(106). С. 219–231.
8. Шервашидзе В. В. Столетие французской литературы: кануны и рубежи. М. : Флинта, 2015.
9. Durand G. Les structures anthropologiques de l'imaginaire. Paris : Seuil, 1982.

REFERENCES

1. Perec, G., Dupuy, G. (2003). Entretien avec Gérard Dupuy. Entretiens et Conférences I (Edition critique établie par Dominique Bertelli et Mireille Ribière). Paris: Joseph K.
2. Shklovskij, V. B. (1983). O teorii prozy' = On the theory of prose. Moscow: Sovetskij pisatel'. (In Russ.)
3. Chartier, R. (1985). Du livre au lire. Pratiques de la lecture, ID. (dir.), Marseille, Rivages.
4. Vajnshtejn, O. B. (1992). Interv'yu s Zhakom Derrida = Interview with Jacques Derrida. Arbor Mundi, 1. Moscow: Mirovoe drevo. (In Russ.)
5. Leroi-Gourhan, A. (1964). Le geste et la parole. Paris, Albin Michel.
6. Dubin, B. V. (2005). Na polyax pis'ma. Zаметki o strategiyax my'sli i slova v XX veke = In the margins of the letter. Notes on the strategies of thought and word in the 20th century. Moscow: Emergency Exit. (In Russ.)
7. Dmitrieva, E. E. (2010). Udoval'stvie ot ogranicheniya: zagadochny'j pisatel' Zhorzh Perek = The Pleasure of Constraint: The Enigmatic Writer Georges Perec. Novoe literaturnoe obozrenie, 6(106), 219–231. (In Russ.)
8. Shervashidze, V. V. (2015). Stoletie francuzskoj literatury': kanuny' i rubezh = Centenary of French Literature: Eves and Frontiers. Moscow: FLINTA.
9. Durand, G. (1982). Les structures anthropologiques de l'imaginaire. Paris: Seuil.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Бодрова Василиса Александровна

аспирант кафедры отечественной и зарубежной литературы переводческого факультета
Московского государственного лингвистического университета

Сомова Елена Викторовна

доктор филологических наук
профессор кафедры отечественной и зарубежной литературы переводческого факультета
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Bodrova Vasilisa Aleksandrovna

Postgraduate Student, the Department of Russian and Foreign Literature
Faculty of Translation and Interpreting, Moscow State Linguistic University

Somova Elena Viktorovna

Doctor of Philology, Professor,
Professor of the Department of Russian and Foreign Literature, Faculty of Translation and Interpreting
Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию 13.09.2022
одобрена после рецензирования 14.10.2022
принята к публикации 14.11.2022

The article was submitted 13.09.2022
approved after reviewing 14.10.2022
accepted for publication 14.11.2022

Научная статья

УДК 821/-9

DOI 10.52070/2542-2197_2022_13_868_109

Отражение родовых конвергенций в сюжетосложении в прозе Гайто Газданова (1926–1970)

О. Г. Егорова¹, Е. В. Кузнецова²

¹Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия

²Астраханский государственный университет, Астрахань, Россия

¹o.egorova@linguanet.ru

²lena_kouznetsova@mail.ru

Аннотация. Актуальность исследования обусловлена интересом современного литературоведения к русско-му модернизму. Литература XX века характеризуется интенсификацией процессов сближения различных родовых начал. В статье предпринята попытка раскрыть своеобразие художественного синтеза в романной прозе Гайто Газданова. Авторы делают вывод, что одно из генерирующих свойств прозы писателя – конвергенция родовых начал (сюжетные схемы, типы событий, характер субъектных отношений содержат типичные для эпики, лирики и драмы свойства).

Ключевые слова: конвергенция, синтез, проза, Газданов, лирика, драма, контрапункт

Для цитирования: Егорова О. Г., Кузнецова Е. В. Отражение родовых конвергенций в сюжетосложении в прозе Гайто Газданова (1926–1970) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2022. Вып. 13 (868). С. 109–116. DOI 10.52070/2542-2197_2022_13_868_109

Original article

On the Evolution Consistency of the Prose by Gaito Gazdanov (1926–1970)

Olga G. Egorova¹, Elena V. Kuznetsova²

¹Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia

²Astrakhan State University, Astrakhan, Russia

¹o.egorova@linguanet.ru

²lena_kouznetsova@mail.ru

Abstract. The relevance of the study is due to the interest of modern literary criticism in Russian modernism. The literature of the 20th century is characterized by the intensification of the processes of convergence of various generic principles. The article attempts to reveal the originality of artistic synthesis in the novel prose of Gaito Gazdanov. The authors made an attempt to reveal the originality of artistic synthesis in the novel prose of Gaito Gazdanov. The article concludes that one of the generating properties of the writer's prose is the convergence of generic principles (plot schemes, types of events, the nature of subject relations contain properties typical of epic, lyrics and drama).

Keywords: convergence, synthesis, prose, Gazdanov, lyrics, drama, counterpoint

For citation: Egorova, O. G., Kuznetsova, E. V. (2022). On the evolution consistency of the prose by Gaito Gazdanov (1926–1970). Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 13(868), 109–116. DOI 10.52070/2542-2197_2022_13_868_109

ВВЕДЕНИЕ

Процессам интенсификации сближения различных родовых начал в литературе XX века сопутствуют синтетические движения в других направлениях: синтез прозы и поэзии как разных форм художественной речи, жанровые и субжанровые смешения, истончение грани между художественной и документальной литературой, стирание различий между литературным «верхом» и «низом», жанровая деиерархия, увеличение приемов интертекстуальности, отражающее тенденцию к усвоению «чужого» как своего, диалог искусств.

Характерное для Газданова объединение в одном произведении художественных решений, традиционно соотносимых с разными литературными родами, восходит к литературному модернизму начала XX века, в особенности к творчеству А. Белого, Б. Зайцева, к прозе неореалистов – А. Чехова, И. Бунина, Л. Андреева, Е. Замятина. В этом плане проза писателя оказывается частью общей литературной тенденции усиления жанрово-родового синтеза, который в неклассическую эпоху поэтики художественной модальности связан с поиском «нового» стиля, направленного на преобразование искусства и жизни.

Из структурно-семантических элементов эпики, лирики и драмы, сложно переплетающихся, складывается художественное единство его текстов. Это единство противоположностей, которое создает особый эстетический эффект его романов, одновременно содержащих в себе такие контрастные свойства, как стремление к объективации героя и предельно субъективированное изображение окружающей его действительности, драматизация конфликта и лиризация повествования, криминально-детективная фабула и музыкальность, образность языка.

Обобщив имеющийся опыт теоретического и практического литературоведения, взяв на вооружение основные положения эстетики М. М. Бахтина, научных разработок В. В. Виноградова, Б. О. Кормана, Р. Якобсона, трудов формалистов, Н. Д. Тмарченко и С. Н. Бройтман выдвигают ряд критериев, являющихся основанием для дифференциации и различения специфических черт эпики, лирики и драмы. В качестве определяющих параметров рода эти теоретики литературоведения рассматривают:

- характер субъектных отношений (прежде всего систему отношений автор – герой);
- тип художественного события;
- структуру и схему сюжета;
- пространственно-временные модели;
- речевую специфику произведения.

Инвариантный для каждого рода тип события определяет своеобразие сюжетных моделей и принципы построения сюжета. Структурообразующую роль в моделировании эпического сюжета играет закон эпической ретардации, равноправие статики и динамики, необходимое для перехода от стационарного состояния к динамическому, взаимодействие циклической и кумулятивной сюжетных схем, условность границ сюжета. Проза Газданова последовательно воплощает эти типичные для эпики принципы построения сюжета в направлении, общем для всей литературы XX века.

ОСОБЕННОСТИ, СТРУКТУРИРУЮЩИЕ ЭПИЧЕСКИЙ СЮЖЕТ В РОМАННОЙ ПРОЗЕ ГАЙТО ГАЗДАНОВА

Почти все романы Гайто Газданова содержат «удваивающееся событие», определяющее структуру сюжета. Так в «Вечере у Клэр» два свидания – встреча с замужней Клэр во время метели в России и встреча в Париже – симметричны, между ними десять лет жизни героя, наполненных мечтой о Клэр, последнее свидание – это и воспоминание о первом, и новый виток отношений. В романе «Возвращение Будды» дважды описывается ситуация пребывания рассказчика в тюремном заключении: сначала в тюрьме Центрального государства, возникающего в его визионерских видениях, затем заключение в парижской тюрьме, которое избавляет его от болезненных галлюцинаций. «Принцип удвоения структурирует сюжет романа “Призрак Александра Вольфа”: поединок героев повторяется. Сначала это – встреча в степи, где каждый борется за право выжить на гражданской войне, затем – в Париже. Столкновение героев приобретает значение философского конфликта. Драматизм и вечность конфликта подчеркиваются апокалипсической символикой (белый конь Александра Вольфа), окутавшей первое столкновение героев, в конце гражданской войны в России, где он принял не только теологические, но и социальные аспекты. Первая встреча главного героя с Вольфом, помимо собственно параллелей с Апокалипсисом, несет в себе аллюзии с германскими средневековыми повестями о рыцаре-смерти» [Мартынов, 2000, с. 66]. Второе столкновение становится «апогеем бунта главного героя против Абсурда» [там же, с. 74]. Удвоение события происходит и в других романах писателя.

Следующая особенность, структурирующая эпический сюжет, заключается в реализации закона эпической ретардации. Задержание сюжета в эпике – «результат равноправия двух несовпадающих факторов сюжетного развертывания: «инициативы»

героя и «инициативы» обстоятельств» [Тамарченко, Тюпа, Бройтман, 2010, с. 292–293]. Противоречие двух планов иллюстрируется примерами «задержанных» событий. В романе «Вечер у Клэр» развитие отношений между героями откладывается на десятилетие, и в этот временной промежуток, отделяющий героя от решающего свидания, происходят важнейшие исторические события – революция, гражданская война, эмиграция. Ретардация одних событий становится необходимым условием для развития других. Еще один пример ретардации – медленное выздоровление Мари – героини романа «Пробуждение». Долгий уход за Мари позволяет проявиться лучшим качествам Пьера. Желанию героя-рассказчика романа «Возвращение Будды» выбраться из тюрьмы противостоят обстоятельства. Развитие действия, пока герой находится в заключении, задерживается, но ретардация косвенным образом обуславливает его внутренние изменения.

В романах мы наблюдаем доминирование тенденции к преодолению сюжетной статики элементами динамики, что определено тем большим значением, которое в прозе писателя приобретает случай. В романе «Призрак Александра Вольфа» фатальность происходящего подчеркивается целым рядом эпизодов: случайна первая встреча рассказчика в степи с Вольфом, случайно его знакомство с книгой Вольфа, случайно же знакомство рассказчика с Еленой Николаевной, которая когда-то случайно познакомилась с Вольфом. Случай создает геометрию отношений героев и способствует подвижности сюжетных ситуаций.

В романах писатель активно осваивает кумулятивную схему сюжета, в которой события «нанизываются» друг на друга, уплотняя повествование. Цепочка сюжетных событий нередко внезапно обрывается, как в романах «Полет», «Пробуждение», «Пилигримы», подчеркивая открытость «границ сюжета во времени» [там же, с. 292].

Открытый финал, затрудняющий прояснение авторской позиции и активизирующий внимание читателя, – заключительная фаза сюжета становления, реализованного в этих романах. Демонстративная оборванность финала вполне соответствует тенденции неклассического искусства XX века к размыванию временных, пространственных и текстовых границ. Как во многих неклассических произведениях, рамка текста, образованная началом и концом, подчеркнута условно, «конец произведения теряет значение финала» [Семенов, 1993, с. 211]. Роман «Полет» прерывается гибелью на летящем аэроплане сразу нескольких героев, буквально реализовывая метафору жизни-полета. Философское рассуждение автора-повествователя в финале романа делает невозможным

рассмотрение судьбы героев и произведения как некой законченной схемы.

СЮЖЕТНЫЕ ПРИНЦИПЫ ДРАМЫ В РОМАННОЙ ПРОЗЕ

Последовательно представлены в прозе писателя сюжетные принципы драмы. Объяснить этот факт можно тем, что присущие драматическим произведениям черты – сквозная напряженность, острота конфликта, обязательность кульминационного момента – его прозой наследуются опосредованно, через усвоение разновидностей эпической «криминальной» литературы, которая вбирает целый ряд признаков драмы. Тип драматического события обусловлен предусмотренной автором «встречей сознания героя и читателя-зрителя на смысловом рубеже двух действительностей» [Тамарченко, Тюпа, Бройтман, 2010, с. 236], а также тем, что оно вынесено на публику, в зал. В драме решаются важнейшие вопросы существования, герой стоит перед выбором своей судьбы, отсюда обострение конфликтов и противоречий как внешних, так и внутренних, четкий контур сюжетных элементов – завязки, кульминации, развязки. Одна из особенностей драмы – четкое выделение компонентов сюжета – свойственна его романам, особенно тем, в которых используется детективный сюжет («Возвращение Будды», «Призрак Александра Вольфа» и др.)

ЛИРИЧНОСТЬ ПРОЗЫ ГАЙТО ГАЗДАНОВА

Лирическая призма романов Газданова формируется особенностями мироощущения его героев, чей переменчивый внутренний мир оказывается в центре авторской рефлексии. В связи с этим сюжетная организация прозы писателя тяготеет к моделям, характерным для лирики.

Т. И. Сильман отмечает обязательность в лирике двух сфер: одна обусловлена положением лирического субъекта, «который с точки зрения перспективы изображения находится в некой пространственно-временной точке, соответствующей в лирическом плане состоянию лирической концентрации» [Сильман, 1977, с. 9], другая имеет более обширную перспективу, включая в себя свободное движение мысли и чувства героя в пространстве и времени. «Общий принцип подвижного соотношения между различными пространственно-временными планами и фиксированной точкой отчета» [там же], по существу лирический, преобладает в прозе Газданова.

Обращение к характерному для лирики принципу построения пространства и времени находит в отношениях корреляции с выбором лирического сюжета, основанного на лейтмотивно-ассоциативном принципе представления событий. Центральное событие в лирическом сюжете показано не свершившимся, а становящимся событием. Специфика прозы Газданова в том, что «процесс “рождения”, возникновения события» [Бройтман, 2001, с. 353] составляет «внутренний» сюжет его прозы. В лирике, по словам Т.И. Сильман, сюжет разворачивается «не своим естественным путем, не первично, а отраженно, через переживания героя» [Сильман, 1977, с. 9]. Отклик на события, настроения, состояния, впечатления героя динамизируют и продвигают лирический сюжет. Как лирическое событие, которое отражается в «перемещениях лирического сознания», реализуется в произведениях Газданова самоопределение героя, поиск себя, собственной «самости», индивидуально-личностных границ [Кузнецова, 2012, с. 96].

В значительной степени структуру сюжета обуславливает лиричность прозы Газданова. Традиционно, эпический текст строится на чередовании событий, связанных с актуализацией различных мотивов, что было обозначено уже в фундаментальной «Исторической поэтике» А. Н. Веселовского. Понимание сюжета как «совокупности мотивов в той же последовательности и связи, в которой они даны в произведении» [Томашевский, 1996, с. 184] было представлено в трудах формалистов. В трудах современных исследователей выделяются функции мотива в сюжете: «мотив “продвигает” повествование, определяя перспективу событийного развития действия, за мотивом как предикатом художественного повествования в любом случае потенциально обозначен комплекс возможных действий, соотносённых с тематическим целым мотива. Будучи синтезированы в нарративе с началом действующего лица, эти действия в своем фабульном развитии формируют событие» [Силантьев, 2004, с. 79].

Это обстоятельство, характерное для эпических текстов, меняется в лирике, поскольку основой «лирической событийности» выступает перемещение лирического сознания» [Кабалоти, 1998, с. 86], а динамика лирического действия определена силой внутренних состояний лирического субъекта. Лирическая природа прозы Газданова обнаруживается в расположении мотивов в тексте, в их характере, связи с категорией «события», в обусловленности системы мотивов задачами раскрытия «лирического сознания».

В «Вечере у Клэр» главным объектом изображения становятся не сами события, а то впечатление, которое они произвели на героя, их

отражение в сознании рассказчика. В силу этого сюжет романа размыт, подобно ризоме, он лишен четкой структуры, растворен в описании «эмоциональных колебаний» рассказчика. Принципиальная эскизность, расплывчатость формы, фиксация внимания на ярких, но случайных деталях, острые неожиданные углы зрения, срезы, смелые композиционные решения присущи роману «Вечер у Клэр» как образцу импрессионистической прозы. Срезом, активизирующим внимание читателя, становится призма памяти и восприятия героя, многослойный и разноаспектный мир его души. Поэтому сюжет складывается из ряда эпизодов, личностно значимых для рассказчика. Внешне хаотическое и бессистемное изложение событий, скрепленных субъективностью смыслов, подчиняется принципу ассоциаций, который доминирует над причинно-следственным порядком изложения фабулы: сюжет формируется с помощью лейтмотивов, что подтверждает его лирическую природу.

Структурообразующим значением обладает в романе «Вечер у Клэр» повторяющийся мотив прощания, являющийся субвариантом одного из главных метамотивов прозы Газданова – мотива утраты. Его появление в отдельных эпизодах текста скрепляет их, выстраивая лирический сюжет произведения, связанный с изменениями настроений и впечатлений героя. В самом начале романа мотив прощания вводится рассказом Клэр о любовных историях своей горничной. История горничной, почти каждый месяц расстающейся с очередным возлюбленным, напоминает тривиальный бульварный роман, что несколько снижает мотив «прощания», помещает его в сатирический контекст. Вместе с тем мотив приобретает проникновенно-ностальгическое звучание.

Первые эпизоды романа, описывающие свидание с Клэр, сопряжены с мотивом прощания, введенным с помощью рассказа об эпизодическом персонаже. Смысловой и эмоциональный ореол мотива на этом этапе повествования двойствен, поскольку включает в себя отстраненно-сатирическую оценку автора, рассматривающего историю горничной в свете бульварной литературы, и пронзительную лирическую грусть, которую рассказчик слышит в пении горничной. Таким образом, в отношениях рассказчика с возлюбленной актуализируются посредством введения мотива прощания и особого его осмысления трагедизирующий и возвышающий моменты: история встреч с Клэр может быть рассмотрена в рамках анекдотического сюжета о жене, муж которой уехал в командировку, и как опозитизированный сюжет любви-расставания. Последнее значение актуализировано в следующем повторе мотива прощания, который

соотносится с эпизодом первой интимной близости героев. Физическое обладание Клэр, о которой лирический рассказчик романа мечтал более десяти лет, неизбежно приводит его к прощанию с мечтой о Клэр. Воплощение мечты для рассказчика – в то же время ее потеря; ностальгическая тоска по утраченному состоянию влюбленности и погруженности в грезы о Клэр реализуется в мотиве прощания, который задает развитие любовной темы романа. Прощание с мечтой – это также изменение внутреннего состояния лирического рассказчика, в душе которого происходит остановка привычного движения, заданного его желанием быть вместе с Клэр. Очередной раз мотив прощания проступает в воспоминаниях рассказчика о похоронах отца. Мотив прощания в этой вариации контаминируется с мотивом прекращенного движения (закрытые глаза отца, окаменевшее лицо матери, ледяное чувство смерти), что вносит дополнительный трагизм в эпизод похорон отца и устанавливает корреляцию между темой смерти и мотивом, ранее сопряженным в романе с любовной линией сюжета. К примеру, из всего потока детских впечатлений выделено несколько деталей, среди которых звон церковных колоколов, упоминаемый в небольшом отрывке текста дважды. Детские неосознанные ощущения становятся объектом рефлексии и анализа, с одной стороны, с другой – прошлое воссоздается с учетом всего жизненного опыта, поэтому повествование обращается к тем сторонам действительности, которые приобретают особую актуальность для рассказчика. Звон колоколов, эта акустическая деталь, столь важная в ракурсе феноменологического нарратива, ассоциативно связывает два эпизода воспоминаний рассказчика. Мотив прощания теперь дополняет другую тему – тему расставания с Родиной, в разработке которой подчеркнут аспект неизбежности и необратимости утраты. В финале повтор детали, формирующей специфику мотива прощания в эпизоде похорон отца, создает трагическую интонацию реквиема, проникнутого скорбью, трагическим пафосом. Рассказчик скорбит о гибели страны, которую ему не суждено будет увидеть и облик которой невосвратно уходит в прошлое.

ПРИНЦИПЫ ПОСТРОЕНИЯ СЮЖЕТА В КОНТЕКСТЕ ПОЭТИКИ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ МОДАЛЬНОСТИ

Итак, проза Газданова синтезирует особенности «построения событийного ряда» (термин Н. Д. Тамарченко), характерные для эпики, лирики и драмы. Значительно модернизируют его прозу, придают ей уникальную форму и репрезентируют ее

причастность поэтике художественной модальности следующие принципы построения сюжета:

- принцип сюжетного контрапункта;
- принцип сюжетной неопределенности;
- ассоциативно-лейтмотивный.

Эти принципы вырабатываются в силу конвергенции в его прозе различных родовых начал.

О своеобразной «музыкальности» прозы Газданова говорит композиция его сюжетов, в которой использован принцип контрапункта, реализованный в полифоническом звучании текста. В музыке контрапункт – это «полифоническое сочетание двух или нескольких самостоятельных мелодических голосов, образующих единое художественное целое...» [Сильман, 1977, с. 143].

В литературоведении понятие «контрапункт» связано с концепцией полифонического романа М. М. Бахтина, который утверждал возможность идейной полифонии в рамках романного целого. «Множественность самостоятельных и неслиянных голосов и сознаний, подлинная полифония полноценных голосов, действительно, является основной особенностью романов Достоевского» [Бахтин, 1994, с. 7], – писал ученый, противопоставив полифонический роман Ф. Достоевского монологическому европейскому роману XIX века.

По нашему мнению, идея сюжетного контрапункта отражает многолинейность сюжета в повествовательном тексте. Отдельные фабульные линии, со- и противопоставленные, контрастные и / или рифмующиеся друг с другом, автономные или взаимосвязанные соответствуют звучанию синхронных музыкальных тем, образующих единый рисунок произведения.

Полижанровость произведения соотносится с сюжетной разветвленностью в романе «История одного путешествия». История Артура и Виктории развивается по законам сентиментальной мелодрамы и детективного романа, отношения Николая и Вирджинии можно рассматривать в жанровых рамках идиллии, а сюжет Александра Александровича ориентирован на философский роман [Кузнецова, 2012]. Многолинейность сюжета в романе полифункциональна: она динамизирует и драматизирует романские события, повышает интерес читателя к ним. Так же, как в музыке, одновременно с главной темой – развития героя-писателя – звучит дополнительная мелодия, лирический сюжет романа дополняется приключенческо-детективной фабулой. Каждая отдельная линия сюжета наделяется собственной интонацией и звучанием, что обуславливает сюжетный контрапункт. В отдельные моменты параллельные линии сюжета пересекаются, воплощая идею неслиянности и нераздельности судеб героев.

Дробность эпизодов романа «Ночные дороги» сочетается с множественностью фабульных линий, каждая из которых связана с ночными спутниками рассказчика. Представленные дискретно эти линии создают эффект фрагментарности: «Пропущенные через сознание рассказчика, они дробятся, словно в калейдоскопе, организуясь в динамический ряд, складывающийся из случайных знакомств» [Проскурина, 2010, с. 25]. Отдельные фабульные линии не находятся друг с другом в отношениях субординации, их равноправность обусловлена единством воспринимающего сознания рассказчика. Его ценностно-смысловая позиция образует содержательное и смысловое единство романа.

Сюжет послевоенного романа «Пилигримы» также состоит из нескольких в большей или меньшей степени развернутых фабул, которые развиваются параллельно друг другу, скрещиваются, потом вновь расходятся, но в единстве воплощают ту же метафору жизни-дороги. Будучи развернутой, она объясняет название романа, семантику которого раскрывают интертекстуальные аллюзии, обращенные к элегической лирике XIX и XX веков. Сюжет становления в «Пилигримах» реализуется в историях Роберта и Жанины, Фреда, Валентины, персонажей второго плана – Жерара, Анны, Лазариса. Принципиальная незаданность их судеб обнаруживается в неожиданных поворотах жизни героев. Отдельные линии сюжета складываются в «Пилигримах» в весьма замысловатый узор, моделирующий картину мира, в основу которой положен принцип случайности.

Контрапункт сюжета становится определяющим структурным принципом романов «История одного путешествия», «Ночные дороги», «Пилигримы», воплощая авторскую идею жизни-пути, странничества, уготавливающего самые неожиданные повороты судьбы. Идеино-тематическая общность романов, выраженная в заглавиях, которые содержат лексемы одного семантического ряда (путешествие – дорога – пилигримы), проявляется также на уровне сюжетной организации, включающей в себя симультанно развивающиеся фабульные линии.

В романе «Полет» принцип контрапункта используется вместе с принципом сюжетной неопределенности, который формирует своеобразие складывающегося в поэтике художественной модальности сюжета становления, по существу вероятно-возможного, отказывающегося от готовых схем и открывающегося в сюжете «веер возможностей». Дезинтегрирующие тенденции в построении сюжета «становятся началом нового типа единства. Оно держится на том, что «особое для каждого страдание» одновременно является

общим для всех героев, и потому, решая каждый свою глубоко личную проблему самоопределения, герои решают проблему, общую для всех» [Бройтман, 2001, с. 339]. За разветвлением сюжета – общая для героев и автора проблема, во многом напоминающая ту, которую решали чеховские герои: это – вопрос выбора своего пути.

С. М. Кабалоти отметил: «Главной проблемой, волновавшей автора, была проблема подлинности и мнимостей» [Кабалоти, 1998, с. 302]. Своеобразие романа в том, что решение этой проблемы происходит с помощью введения побочной сюжетной линии, отклоняющейся от основного сюжета, но вместе с тем важной для понимания авторского замысла. Этой линией становится история престарелой актрисы Лолы Энз, появление которой вводит в роман метафору жизни-театра. Ненастоящие чувства, эмоции, неверные представления о себе и других людях – все это формирует мир мнимостей, в котором пребывает Лола. Любовная история Энз укладывается в сюжетную схему мелодрамы. На нее же ориентирована биография актрисы, которую пишет по ее заказу Дюпон. Сентиментально-мелодраматический модус этой биографии контрастирует с сатирическим ракурсом описания жизни Лолы автором-повествователем. Мемуары, написанные Дюпоном, являют собой новый вариант биографии героини, имеющий очень мало общего с ее настоящей жизнью. В эпических произведениях, реализующих сюжет становления, использован принцип сюжетной неопределенности, который предполагает поливариативность фабульных ситуаций. Автор прямо или косвенно указывает читателю на возможность альтернативы тем событиям, которые разворачиваются в книге. В «Полете» принцип сюжетной неопределенности реализуется по-особому: «возможный сюжет» представлен как эстетически неравная авторской версии развития событий, что ведет к возникновению эффекта мерцания смыслов, усложняет отношения между подлинным и мнимым. Субъективные представления Лолы Энз о реальности, копирование сюжетных схем масскульта в мемуарах со временем приобретают черты «некой сокровенной подлинности», ставшей причиной внутренней эволюции героини.

Игра с различными версиями фабульных событий – характерный прием сюжетосложения романа «Полет» – возникает и в повествовании о других персонажах. Укрупняя, гротескно заостряя, окарикатуривая черты мелодрамы, Газданов явно пародирует массовое искусство. Особенно ярко это проявляется в тех историях, которые сочиняет про себя жена Аркадия Александровича – Людмила. Сюжет «Полета» не только содержит несколько

драматических линий, но и альтернативные этим линиям варианты событий. Они возникают в памяти или фантазиях героев, представляющих новые версии прошлого и настоящего. Безусловно, что эти версии обнаруживают свою фикциональность на фоне авторского повествования, формируя модель многослойной художественной реальности, в которой подлинное и мнимое накладываются друг на друга. Рассматривать соотношение между ними как антиномию означает излишне упрощать ситуацию, поскольку в данном случае иллюзия приобретает черты «сокровенной подлинности». В индивидуальном понимании героев граница между вымыслом и правдой стирается, иллюзорное представление подчас становится важнее действительности, поскольку стимулирует внутреннее развитие и рост героев.

Принцип сюжетной неопределенности, построенный на игре эстетически различными вариантами фабулы, решает несколько художественных задач. Пародирование схем массовой литературы – это форма литературной критики, с помощью которой автор окарикатуривает «чужое слово», представляет комичными приемы и способы литературного моделирования, заимствованные в масскульте. Причиной критики жанров мелодрамы и мемуаров, неубедительных в своей сентиментальности, является неприятие ложного слова в искусстве. В жизни грань между вымыслом и правдой осмысливается как более тонкая и неуловимая, чем в искусстве.

Поэтому субъективные представления о реальности, существующие в сознании персонажей, нередко оказываются для них единственно подлинным миром, в котором они существуют. В результате в романе моделируется стереоскопическая картина мира, вмещающая в себя множество субъективных представлений, множество разных версий реальности, ни одна из которых не может претендовать на полную и окончательную истинность.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Схождение в прозе Гайто Газданова трех родовых начал – эпики, лирики и драмы – характерный для эпохи модернизма момент, способствующий усложнению и преобразованию традиционных сюжетных схем и моделей. Определяющими своеобразие его прозы сюжетными принципами являются: контрапунктность, неопределенность и ассоциативность. Их реализация взаимосвязана с другими категориями поэтики. Принцип ассоциативности связан с пространственно-временной организацией текста, основанной на ретроспекции, со сложной системой метамотивов, кочующих из романа в роман и сложно переплетенных в одном тексте. Сюжетный контрапункт – с разветвленной системой образов, принцип сюжетной неопределенности – с позицией автора и утверждением идеи множественности вероятных решений сюжетного развития.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Мартынов А. В. Газданов и Камю // Возвращение Гайто Газданова: научная конференция, посвященная 95-летию со дня рождения: сборник научных трудов / сост. М. А. Васильева. М. : Русский путь, 2000. Вып. 1. С. 152–163.
2. Тмарченко Н. Д., Тюпа, В. И. Бройтман С. Н. Теория литературы : в 2 т. Т. 1: Теория художественного дискурса. Теоретическая поэтика: учеб. пособие для студ. филол. фак. высш. учеб. заведений / под ред. Н. Д. Тмарченко. М. : Академия, 2010.
3. Семенов О. Искусство ли – искусство нашего столетия? // Новый мир. 1993. № 8. С. 206–220.
4. Сильман Т. И. Заметки о лирике. Л. : Советский писатель, 1977.
5. Бройтман С. Н. Историческая поэтика: учеб. пособие для вузов. М. : РГГУ, 2001.
6. Кузнецова, Е. В. Поэтика прозы Гайто Газданова и закономерности ее развития в контексте традиций русской литературы первой трети XX века: монография. Астрахань: Сорокин Роман Васильевич, 2012.
7. Томашевский Б. Поэтика: Краткий курс: учебник. М. : Аспект Пресс, 1996.
8. Силантьев И. В. Поэтика мотива / отв. ред. Е. К. Ромодановская ; Институт филологии Сибирского отделения РАН. М. : Языки славянской культуры, 2004.
9. Кабалоти С. М. Поэтика прозы Гайто Газданова 20–30-х годов: монография. СПб. : Петербургский писатель, 1998.
10. Бахтин М. М. Проблемы творчества Достоевского. Проблемы поэтики Достоевского. Киев : Next, 1994.
11. Проскурина Е. Н. Романы Гайто Газданова: Динамика художественной формы: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Новосибирск, 2010.

REFERENCES

1. Martynov, A. V. (2000). Gazdanov i Kamyu. Vozvrashchenie Gajto Gazdano-va: nauchnaya konferenciya, posvyashchennaya 95-letiyu so dnya rozhdeniya: sbornik nauchnyh trudov = Gazdanov and Camus. In M. A. Vasilyeva (ed.).

- Return of Gaito Gazdanov: scientific conference dedicated to the 95th anniversary of his birth, 1, 152–163: The digest of articles. Moscow: Russkij put'. (In Russ.)
2. Tamarchenko, N. D., Tyupa, V. I. Brojtman, S. N. (2010). Teoriya literatury = Theory of Literature: in 2 vols. (Vol. 1: Theory of artistic discourse). Theoretical poetics: textbook. In N. D. Tamarchenko (ed.). Moscow: Akademiya. (In Russ.)
 3. Semenov, O. (1993). Iskusstvo li – iskusstvo nashego stoletiya? = Is art the art of our century? New world Novyj mir, 8, 206–220.
 4. Sil'man, T. I. (1977). Zametki o lirike = Lyric Notes. St. Petersburg: Sovetskij pisatel'. (In Russ.)
 5. Brojtman, S. N. (2001). Istoricheskaya poetika = Historical poetics: textbook. allowance for universities. Moscow: RGGU.
 6. Kuznetsova, E. V. (2012). Poetika prozy Gajto Gazdanova i zakonomerno-sti ee razvitiya v kontekste tradicij russkoj literatury pervoj treti HKH veka = The Poetics of Gaito Gazdanov's Prose and the Patterns of Its Development in the Context of the Traditions of Russian Literature in the First Third of the 20th Century: Monograph. Astrahan': Sorokin Roman Vasil'evich. (In Russ.)
 7. Tomashevskij, B. (1996). Poetika = Poetics: Short course: textbook. Moscow: Aspekt Press.
 8. Silant'ev, I. V. (2004). Poetika motiva = Poetics of motive. In E. K. Romodanovskaya (ed.). Moscow: YAzyki sla-vyan-skoj kul'tury.
 9. Kabaloti, S. M. (1998). Poetika prozy Gajto Gazdanova 20–30-h gg. = Poetics of Gaito Gazdanov's prose in the 1920s and 1930s: a monograph. St. Petersburg: Peterburgskij pisatel'.
 10. Bahtin, M. M. (1994). Problemy tvorчества Dostoevskogo. Problemy poetiki Dostoevskogo = Problems of Dostoevsky's creativity. Problems of Dostoevsky's Poetics. Kiev: Next.
 11. Proskurina, E. N. (2010). Romany Gajto Gazdanova: Dinamika hudozhe-stvennoj formy = The Novels of Gaito Gazdanov: The Dynamics of the Artistic Form: abstract of Senior Doctorate in Philology. Novosibirsk, 2010.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Егорова Ольга Геннадьевна

доктор филологических наук
профессор кафедры переводоведения и практики перевода английского языка переводческого факультета
Московского государственного лингвистического университета

Кузнецова Елена Вениаминовна

кандидат педагогических наук, доцент
заведующая кафедрой романской филологии факультета иностранных языков
Астраханского государственного университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Egorova Olga Gennadievna

PhD, Full Professor of the Department of Translation and Interpreting Studies and Practice of Translation / Interpreting of the English Language, Faculty of Translation / Interpreting
Moscow State Linguistic University

Kuznetsova Elena Veniaminovna

PhD, Associate Professor
Head of the Department of Romance Philology, Faculty of Foreign Languages,
Astrakhan State University

Статья поступила в редакцию 12.09.2022
одобрена после рецензирования 11.10.2022
принята к публикации 14.11.2022

The article was submitted 12.09.2022
approved after reviewing 11.10.2022
accepted for publication 14.11.2022

Гибридность в литературе пограничья (на материале творчества В. Вертлиба и Ю. Рабинович)

В. Г. Зусман¹, О. В. Пахомова^{2,3}

¹Высшая школа экономики, Нижний Новгород, Россия
susmann1@yandex.ru

²Высшая школа экономики, Нижний Новгород, Россия

³Волжский государственный университет водного транспорта, Нижний Новгород, Россия, olyapahomowa@gmail.com

Аннотация. Многоязычие и поликодовость являются важными характеристиками литературы мигрантов. В статье рассматривается поэтапная эволюция термина и различные подходы к нему. Исследуются понятия глобализации и транскультуры, их взаимодействие и противопоставление. Различные тексты Владимира Вертлиба и Юлии Рабинович интерпретируются как гибридные и поликодовые.

Ключевые слова: гибридность, Владимир Вертлиб, Юлия Рабинович, писатели-мигранты, глобализация, транскультура, поликодовость

Для цитирования: Зусман В.Г., Пахомова О.В. Гибридность в литературе пограничья (на материале творчества В. Вертлиба и Ю. Рабинович) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2022. Вып. 13 (868). С. 117–124. DOI 10.52070/2542-2197_2022_13_868_117

Original article

Hybridity in the Frontier Literature (based on the creative works of V. Vertlib and Yu. Rabinowich)

Valerii G. Zusman¹, Olga V. Pakhomova^{2,3}

¹Higher School of Economics, Nizhny Novgorod, Russia, susmann1@yandex.ru

²Higher School of Economics, Nizhny Novgorod, Russia,

³Volga State University of Water Transport, Nizhny Novgorod, Russia, olyapahomowa@gmail.com

Abstract. Multilingualism and polycode are important requirements of literature. The article reviewed the gradual evolution of the term and different approaches to it. The concepts of globalization and transculture are investigated, their interaction and opposition. Various texts by Vladimir Vertlib and Yulia Rabinowich are interpreted as hybrid and polycode.

Keywords: hybridity, Vladimir Vertlib, Yulia Rabinowich, migrant writers, globalization, transculture, polycode

For citation: Zusman, V., Pakhomova, O. (2022). Hybridity in the frontier literature (based on the creative works of V. Vertlib and Yu. Rabinowich). Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 13(868), 117–124. 10.52070/2542-2197_2022_13_868_117

КАКОЙ ТЕРМИН ВЫБРАТЬ?

Термин «интеркультурная / межкультурная литература» используется в современной германистике для обозначения литературных произведений авторов, которые пишут на неродном для них языке. В западном литературоведении термин претерпел заметную эволюцию. От пренебрежительного обозначения «литература гастарбайтеров» (Gastarbeiterliteratur), «литература иностранцев» (Ausländerliteratur), «литература мигрантов» (Migrationsliteratur oder MigrantInnenliteratur), «литературы премии Шамиссо» (Chamisso-Literatur) до понятия «межкультурная литература» (Interkulturelle Literatur), «литература авторов, вовлеченных в новый язык» (die Literatur der «Eingesprachten» (Trojanow) [Bürger-Koftis, Schweiger, Vlasta, 2010] – дистанция огромного размера.

В современной германистике термин «литература гастарбайтеров» считается устаревшим и этически неприемлемым. По той же самой причине вышло из обихода понятие «литература иностранцев». Более нейтральный термин «литература мигрантов» (Migrationsliteratur oder MigrantInnenliteratur) охотно и часто употребляется исследователями, однако негативно воспринимается многими авторами-мигрантами. Словосочетание «литература мигрантов» представляется им «проблематичным», «дискриминирующим», исключающим писателей иностранного происхождения из общего литературного процесса в немецкоязычных странах [там же]. Описательный, нейтральный, «спокойный» термин «межкультурные литературы» (Interkulturelle Literaturen) применяется весьма широко. Однако «межкультурная литература | межкультурные литературы» по мнению современных исследователей – размытый термин. «Межкультурными» являются тексты не только писателей-мигрантов, создающих их на, так сказать, втором родном языке. Слишком широкий термин трудно использовать [там же]. Очевидно, что многие произведения Томаса Бернхарда, Питера Хандке, Герты Мюллер содержат признаки «межкультурности».

Этот терминологический ряд («литература мигрантов»... – «межкультурная литература»... «литература нововлеченных в иностранный язык») является принципиально открытым. В докладе «Литература мигрантов в межкультурном дискурсе» (1998) Х. Рёш представляет несколько терминов для обозначения литературы писателей, сменивших страну проживания: «литература иммигрантов» (Immigrantenliteratur), «литература эмигрантов» (Emigrationsliteratur), «литература мигрантов» (Migrantenliteratur или Migrationsliteratur), «интеркультурная литература» (interkulturelle Literatur),

«мультикультурная литература» (multikulturelle Literatur) – последние четыре термина он выделяет как самые удачно описывающие литературу, созданную на неродном для писателей языке.

В новейших исследованиях отечественных германистов встречаются следующие определения:

- «литература немецкоязычных писателей иностранного происхождения» (literarische Texte deutschsprachiger Autoren ausländischer Herkunft);
- «литература эмигрантского происхождения» (“Literatur” Migrantenherkunft) [Гречушникова, 2003];
- «литература экзофонов» (Literatur von “Exophonen”)¹;
- «литература мигрантов» (Literatur von Migranten), «транскультурная литература» (transkulturelle Literatur), «мигрантская литература» (Migrantenliteratur) [Анохина, 2019].

Exilliteratur (литература изгнания) [Zierau, 2009] – это другой термин, обозначающий другой процесс. «Миграция» связана с личным решением человека, желающим покинуть страну, где он родился. «Эмиграция» – это принуждение, давление извне, а не решение изнутри. Литература эмиграции – это литература изгнания [Bloch, 2004].

По мнению итальянского исследователя Антонеллы Катоне, «историю миграции в Германии можно проследить по терминологии, используемой для описания авторов с миграционным прошлым...», иногда, эти произведения называли с иронией и сарказмом литературой для гастарбайтеров. Позднее возникли обозначения – «литература мигрантов», «литература эмигрантов», «литература тревоги», «литература, наводящая межкультурные мосты», «литература для иностранцев» [Catone, 2014].

В 1985–2017 годах бытовало еще одно обозначение – «литература премии Шамиссо» (Chamisso-Literatur). Премия имени известного немецкого писателя французского происхождения Адельберта фон Шамиссо (Adelbert von Chamisso, 1781–1838) была учреждена в 1985 году фондом Роберта Боша (Robert Bosch Stiftung). Премию присуждали в 1985–2017 годах. Затем присуждение премии фондом было приостановлено. Премию Адельберта фон Шамиссо присуждали литераторам, «пишущим на немецком языке», который не является для них родным.

Условия присуждения премии хорошо известны: «переход» автора из сферы родного языка в мир другого, также становящегося для него родным. Возникновение билингвизма, иногда – многоязычия. Важным критерием отбора является также высокое качество литературных произведений

¹URL: https://www.youtube.com/watch?v=q-QZPC3_HYs

писателей-мигрантов, «внесших своим творчеством значительный вклад в немецкоязычную литературу». Многоязычие является, таким образом, одним из основных признаков этих текстов, ставших за относительно короткий период «неотъемлемой составной частью современной немецкой литературы» [Bürger-Koftis, Schweiger, Vlasta, 2010].

СЧИТАЮТ ЛИ ПИСАТЕЛИ-МИГРАНТЫ, ЧТО К ИХ ТВОРЧЕСТВУ НАДО ОТНОСИТЬСЯ ОСОБЫМ ОБРАЗОМ?

Историки литературы в немецкоязычных странах часто включают произведения писателей-мигрантов в особую рубрику, отводя им специальное место в литературном процессе. Однако такое особое отношение писателей-мигрантов не столько радует, сколько настораживает. Так, австрийская писательница, художница и переводчица Ю. Рабинович (Julya Rabinowich, 1970), эмигрировавшая в Австрию из СССР в 1977 году, подчеркивает, что понятие «литература мигрантов» (Migrantenliteratur) воспринимается самими авторами как «отграничение» и «вытеснение» (ausgegrenzt) их творчества. Художественный смысл текстов сводится к биографии авторов.

Так анализируют тексты писателей-мигрантов ученые из исследовательского проекта В. Сиверс «Literature on the Move». Проект посвящен изучению миграции писателей из различных стран в Австрию. В результате, подчеркивает Ю. Рабинович, произведения авторов-мигрантов перестают восприниматься как литература. В них видя только биографическую экзотику или попытку «аутентичного взглядывания в чужие миры» (authentische Einblicke in fremde Welten). Таким образом элиминируется качественный (профессиональный) литературный анализ¹. Художественные тексты рассматриваются как этнокультурная экзотика.

1. Владимир Вертлиб, эмигрировавший в Австрию в 1976 году, также не считает, что тексты писателей-мигрантов специфическим образом «обогащают» немецкоязычную литературу. Между тем таким нередко оказывается эффект первого романа или первого сборника рассказов. Здесь художественные и автобиографические элементы тесно переплетаются, образуя неразрывное единство. Последующие тексты авторов-мигрантов

отклоняются от этой модели. Художественное начало доминирует. В этот момент произведение утрачивает свойства «литературы мигрантов» и становится просто литературой².

Сошлемся также на мнение О. Мартыновой (1962), немецкой писательницы русского происхождения, автора известного романа «Даже попугаи переживут нас» (Sogar Papageien überleben uns). По ее мнению, важны не столько отклики критиков, причисляющих или не причисляющих того или иного автора к писателям-мигрантам, сколько наличие или отсутствие читательского интереса. Справедливо, однако, то обстоятельство, что такие авторы находятся между различными языками и культурами.

ПРОБЛЕМА МНОГОЯЗЫЧИЯ В ЛИТЕРАТУРЕ: ЯЗЫК КАК КРУГ?

В 1801 году в своих фрагментах монографии о басках Гумбольдт пишет: «Язык, не только понимаемый обобщенно, но каждый в отдельности, даже самый неразвитый, заслуживает быть предметом пристального изучения... Путем многообразия языков непосредственно обогащается наше знание о мире и то, что нами познается в этом мире; одновременно расширяется для нас и диапазон человеческого существования» [Гумбольдт, 2006].

В трактовке Гумбольдта язык не сводится к прямому отражению мира. Благодаря языку человек осваивает и интерпретирует мир. Различные языки, по Гумбольдту, являются различными мировоззрениями. Различные языки предлагают различные видения и обозначения одной и той же вещи. Каждый язык, по Гумбольдту, образует круг вокруг собственного народа. Выйти за его пределы можно, лишь войдя в другой круг. Гумбольдт различает в языке следующие антиномии:

- деятельность – предметность («энергия» и «эргон», жизненность – вечность),
- индивидуум – народ (индивидуальное – коллективное),
- свобода – необходимость и др. [там же].

Думается, что метафора языка-круга, окольцовывающего, замыкающего человека в привычной, ему предметности и образ другого языка, размыкающего первый круг и заново открывающего мир, наилучшим образом передает ситуацию билингвизма и многоязычия, характерную для писателей-мигрантов.

¹URL: <https://www.oeaw.ac.at/oesterreichische-akademie-der-wissenschaften/die-oeaw/article/entwurzelt-und-umgetopft/>

²URL: <https://volksgruppennv1.orf.at/diversitaet/aktuell/stories/57297.html?skin=>

ЧТО ТАКОЕ ТРАНСКУЛЬТУРНАЯ ЛИТЕРАТУРА?

Термин «транскультурная литература» широко распространен в Германии и Австрии. В зависимости от страны происхождения соответствующего автора некоторые исследователи выделяют такие ответвления немецкоязычной транскультурной литературы, как немецко-турецкая, немецко-русская, австрийско-русская, австрийско-еврейская, немецко-украинская и др.

Это явление можно попытаться охарактеризовать и с помощью описательных терминологических конструкций. Например, можно было бы размышлять о «немецкоязычных авторах иностранного происхождения с расширенным межкультурным кругозором».

«Расширенный межкультурный кругозор» – явление принципиально гетерогенное, поскольку гетерогенным является человеческое сознание. По мнению Ю. М. Лотмана, существует «природная» связь между принципами гетерогенности и гибридности с любой областью человеческого знания – биологией, ботаникой, генетикой, гуманитарными и техническими дисциплинами. Биология, например, определяет гибридность как «постоянный и всегда новый процесс сращивания» [Лотман, 1992]. Эту формулу с осторожностью можно проецировать и на область гуманитарных наук. О «сращивании» и «скрещивании» разных элементов культуры размышлял еще А. Н. Веселовский [Веселовский, 2010]. «Транскультурность» и «гибридность» – характерные следствия миграционных процессов в современном мире. Представление о современной идентичности как «текучей» и «гибридной» проясняет немецкоязычные произведения авторов иностранного происхождения с расширенным межкультурным кругозором. Стиль мышления, определяет, естественно, и стиль языка. Гибридные конструкции в языке таких авторов представляют собой высказывания, которые «... принадлежат одному говорящему, но в котором в действительности смешаны два высказывания, две речевые модели, два стиля, два «языка», два смысловых и ценностных кругозора», восходящие к разным культурам и языкам [Бахтин, т. 6, 2002, с. 95].

Понятно, что любое речевое высказывание хоть и может принадлежать одному говорящему, при этом в нем может коррелировать два и более языка.

Так и происходит в произведениях авторов, рассматриваемых в этой статье. В литературе немецкоязычных мигрантов можно выделить не только формальный переход писателей с родного языка на исходно «НЕ родной» для них немецкий. Но и из-за смены языков, меняется перспектива

высказывания, при этом и возникает ситуаций культурного пограничья.

Это особый тип «пограничья», поскольку между языками и частями высказываний нет явных демаркационных линий. Дело в том, что гибридность предполагает внутреннее, а не внешнее разграничение. По мнению М. М. Бахтина, между такими «... высказываниями, стилями, языками, кругозорами <...> нет никакой формальной – композиционной и синтаксической – границы; раздел голосов и языков проходит в пределах одного синтаксического целого, часто в пределах простого предложения, часто даже одно и то же слово принадлежит одновременно двум языкам, двум кругозорам, скрещивающимся в гибридной конструкции, и, следовательно, имеет два разноречивых смысла, два акцента» [там же]. Рассматривая мысль М. М. Бахтина, можно говорить о том, что возникающее «столкновение» культур и мировоззрений (возможно истолкованных не до конца правильно, ошибочно самим автором в стране интеграции) внутри единой целой речевой конструкции порождает гибридную конструкцию – как смешение этих кругозоров, культур, языков, мировоззрений и религий. Соответственно, внутри гибридной конструкции и в произведении в целом возникает ситуация многоязычия и культурного многоголосия. В докладе «Этнолекты и главная / «ведущая» речь. М. Бюргер-Кофтис называет языковую гибридность «креативной» [Bürger-Koftis, Schweiger, Vlasta, 2010, с. 65].

ЛИТЕРАТУРА МИГРАНТОВ – ЛИТЕРАТУРА «ПОГРАНИЧЬЯ»?

Пространство «пограничья» может быть физическим и метафизическим, фактическим и метафорическим, но существенно важно, что это всегда «пространство между культурами». В книге «Spiegel im fremden Wort» («В зеркале чужого слова»), посвященной поэтике прозы мигрантов, австрийский писатель В. Вертлиб и определяет «пограничье» как «пространство между культурами» (по-немецки четче и лучше – «ein kultureller Zwischenraum») [Vertlib, 2006, с. 83]. Слово *zwischen* (между) указывает на соединительно-разделительную специфику литературы «пограничья».

Принадлежащий к литературе «пограничья» автор обладает идентичностью особого типа, которую В. Вертлиб обозначает сложным существительным *Mehrfachidentität* – «множественная идентичность». Вероятно, под этим следует понимать, что автор наделен несколькими разными «я». Вот как – не без иронии – определяет себя В. Вертлиб: «... ein in Österreich lebender, in Leningrad

geborener und seine Texte auf Deutsch schreibender jüdischer Autor...» [Vertlib, 2006, с. 86]. Получается, что в неполный перечень разных «я» писателя входят: 1) «я» личности, проживающей в Австрии с пяти лет; 2) «я» ребенка, рожденного в России, в Ленинграде; 3) «я» автора, пишущего на немецком языке; 4) «я» еврейского писателя. Разные грани этой личности образуют взаимоналожения биографического автора и автора художественного [Корман, 2005]. У такого литератора имеется множество способов наблюдать, воспринимать, выражать и оценивать мир. Ленинградское «я» ребенка связано, очевидно, с дописьменной культурой, погружено в стихию устной речи.

Юлия Рабинович называет себя «Янусом в Вавилоне» [Rabinowich, 2009] и связывает многоязычие не с переходным этапом, а со сменой идентичности. Игра с идентичностью, с правдой и ложью, с прошлым и будущим является необходимым условием. В романе «Расщепленная голова» возникает многомерный конфликт идентичности. В своем первом прозаическом произведении «Расщепленная голова» писательница описывает эмиграцию русской семьи на запад. Повествование ведется от первого лица, главной героини – Мишки. Она как бы расщеплена между детством на востоке и будущим на западе, и должна в эмиграции найти свой собственный путь. В названии совмещается гротеск и трагичность *Spaltkopf (der Spalt – щель, трещина; der Kopf – голова, лицо)*. Разрыв между культурами писательница описывает как неудобный и преувеличенный, нужно постараться изгнать чувство эмиграции. «Человек как бы с расщепленной головой. Двужычный. Многоликий» («Spaltköpfig wird man. Doppelzünftig. Mehrgesichtig») [Rabinowich, 2008].

«Множественная идентичность» объясняет поликодовую природу текстов «пограничья». Чтобы раскрыть этот тезис, надо – вслед за самим Владимиром Вертлибом – подробнее охарактеризовать эстетические последствия «множественной идентичности». Что специфично для текстов писателей такого типа? Как в «межкультурном пространстве» возникает «письмо»? Каким получается текст в «зеркале» чужого мышления и слова?

Все тексты В. Вертлиба связаны со «сменой перспективы». «Смена перспективы» означает, что автор способен менять угол зрения на мир. Он видит себя и окружающую жизнь попеременно глазами австрийца, коренного жителя Ленинграда, человека с еврейскими корнями, говорящего в разных ситуациях то по-русски, то по-немецки, но пишущего исключительно на немецком языке. По-видимому, «смена перспективы» связана, в том числе, с переключениями устной речи на

письменную и обратно. В отношении устной речи в случае В. Вертлиба можно говорить о билингвизме. Он без акцента говорит на русском и немецком. Письменная речь писателя, скорее, может быть определена термином «monoglott» (одноязычный). Можно говорить о том, что устная речь свидетельствует о В. Вертлибе как о билингве. Билингвизм устной речи влияет на его одноязычную письменную речь.

Кроме русского и немецкого, В. Вертлиб свободно говорит на нескольких европейских языках. При этом немецкий язык – это особо ценный язык творчества. Русский язык – язык детства. Два языка креативно смешиваются в его текстах. Однако языковой гибридности предшествует наложение друг на друга ментально-культурных кодов. Ситуация «пограничья», с характерной для нее поликодовостью, определяет существенным образом «письмо» австрийского автора.

Что такое «коды» культуры?

Гибридные тексты возникают «на границе смены кодов» [Лотман, 1992]. М. Фуко считает, что коды культуры – это механизмы управления нашим внутренним миром, определяющим «...схемы восприятия», «формы выражения» и воспроизведения действительности. Коды культуры представляют собой ценности, определяющие «иерархии» эмпирических практик, «...эмпирические порядки», с которыми человек «...будет иметь дело и в которых, будет ориентироваться». Коды «пограничья» представляют собой усложненные удвоенные смысловые структуры [Фуко, 1994].

Р. Барт писал, что код – это «ассоциативное поле», задающее «сверхтекстовую организацию» значений [Барт, 1989]. Понятно, что у писателей с расширенным межкультурным горизонтом «ассоциативные поля», связанные с ситуацией «пограничья», накладываются друг на друга.

ЧТО ТАКОЕ ГИБРИДНЫЕ СТРУКТУРЫ?

Гибридные структуры характерны для литературы авторов с расширенным межкультурным кругозором. Оригинальные «конструкции», создаваемые внутри одного художественного произведения путем «перекрещивания» / смешения / корреляции нескольких языков, могут возникать на жанровом, композиционном, словесно-образном, фонетическом уровнях.

Рассмотрим тексты двух современных австрийских авторов, родившихся в Ленинграде и еще детьми, покинувшими СССР. В. Вертлиб и Ю. Рабинович оказались в конце концов в Австрии, в Вене. Впрочем, В. Вертлиб попал в Австрию далеко не сразу. Ему была уготована настоящая эмигрантская Одиссея.

В. Вертлиб и Ю. Рабинович – очень разные авторы но, с известной осторожностью, их можно отнести к литературе «приграничья» («пограничья»). Понятно, что в этом случае термин «приграничье» следует понимать в расширительном толковании. Здесь географические параметры и физические данности уступают место геокультурной локации и метафизическому осмыслению границы.

Диалектика границы в данном случае рассматривается с разных сторон:

- граница: зона соединения и разделения, «встречи» и изоляции.
- граница: сфера «своего» и «чужого», внутреннего и внешнего, свободы и несвободы, хаоса и порядка.
- «пограничье» (приграничье) – территория физическая и метафизическая, пространство фактическое и метафорическое.

Пересекая воздушную границу между Австрией и СССР, героиня романа Ю. Рабинович «Der Spaltkopf» («Расщепленная голова») решительно расстается с прошлым. Граница в мире Ю. Рабинович навсегда отрезает прошлое от настоящего и будущего [Rabinowich, 2009]. Героиня романа «Dazwischen: Ich» («Между: Я», 2016) Мадина говорит о себе так: «Куда я приеду? Это неважно. Это может быть где угодно. Я отовсюду. Я из Ниоткуда. За семью горами и даже дальше» [Rabinowich, 2016, с. 4].

Лингвистическим аналогом пересечения границы у Ю. Рабинович является завершённое действие, оставшееся в прошлом [там же]. «Простое прошедшее время» передает наилучшим образом понимание эмиграции как однократного и невозвратного пересечения границы. Прошлое отрезается от настоящего. Прошлому придается низкая ценность. Возврата к нему нет.

Такое отношение к прошлому исключает аналогию с «Present Continuous Tense» – с настоящим продолжительным временем. Прошлое не продолжается и не длится.

В мире В. Вертлиба ситуация складывается иная. Граница никогда не пересекается до конца. Она длится. Рассказчик в текстах этого писателя принципиально погружен в состояние «длящегося» бытия на границе. Если В. Вертлибу эта ситуация на границе культур долгое время представлялась творческой, продуктивной, то Ю. Рабинович кажется устремленной к монокультурному, минус – гибриднему, одноязычному «письму».

ГИБРИДНЫЕ КОДЫ ПИСАТЕЛЕЙ-МИГРАНТОВ

Для авторов «пограничья» характерны удвоение и перемешивание кодов культуры. Возникает

наслоение ассоциативных рядов. Владимир Вертлиб отмечает, что, попадая в Бригиттену, район Вены, где прошло его венское русскоязычное детство в компании детей из семей мигрантов, он мгновенно переключается с австрийского на русский регистр. При этом моментально меняется фон (контекст) воспоминаний и ассоциаций. Отсюда – гетерогенность сознания, проявляющаяся в гибридных текстах. Переключение кодов – «ассоциативных контекстов, фонов» – характеризует тексты В. Вертлиба и его коллег.

Рассматривая творчество писательницы Юлии Рабинович, можно утверждать, что писательница никогда не связывала свое чувство дома со странами, но – всегда с людьми и их языками. Потеря старых корней привела Ю. Рабинович к поиску новых. Писательница в одном из своих интервью говорит, что утрата корней лишила ее возможности обосноваться где-нибудь внутри, однако на / в языке она чувствует себя как дома. Вместо гибридности и поликодовости Ю. Рабинович пришла к новому моноглоттизму. В одном из интервью она сравнивает себя с растением, пересаженным в новый горшок. При этом со старыми корнями пришлось распрощаться (*Entwurzelt und umgetopft*).

Удвоенный код приводит к удвоению ассоциативных полей и, далее, к гибридности текстов. Известный пример двойных ассоциативных полей связан с размышлениями В. Вертлиба о словах «Hund» и «собака».

Писателю кажется, что в русском слове неразрывно сливаются звучание и значение. В этом заключается особая поэтичность русского языка для немецкоязычного автора (*Es gibt keine Distanz zwischen dem Wort und dem, was es bezeichnet*).

В немецком же слове *Hund*, хотя и возникают воспоминания о рифмующихся с ним словах *Mund*, *Schlund* и т. д., преобладает «идея собаки», своего рода «собакоость». В конце концов возникает противоречивый гештальт: *Hund* – *собака* с удвоенными рядами ассоциаций [Vertlib, 2007].

Роман Ю. Рабинович «Расщепленная голова» стал одним из ярких событий литературной жизни немецкоязычных стран последних десятилетий. В романе присутствует изображение глубоко укоренившегося молчания и психологического вытеснения событий. Название романа «Dazwischen: ich» («Между: Я», 2016), относящегося к литературе «пограничья», символически указывает на зажатость, сдавленность «я» между культурными мирами. Героиня повествования девочка Мадина никак не впишется в «чужую» жизнь. Между тем ее предыдущая жизнь полна ужаса и крови (героиня вспоминает, как дети и старики собирали останки мужчин, военных,

попавших под бомбежку и разорванных на куски). К этому прошлому нет возврата. Настоящее также теснит ее. Если бы роман назывался «Ich: Dazwischen» [Rabinovich, 2016], тогда бы он принадлежал к другому типу литературы «приграничья», в котором главным, несущим элементом является герой, а не ситуация пограничья.

Слова Мадины, с которых начинается первая глава произведения: «Wo ich herkomme? Das ist egal. Es könnte überall sein <...> Ich komme von überall. Ich komme von Nirgendwo. Hinter den sieben Bergen. Und noch viel weiter», свидетельствуют о

деперсонализации героини в ситуации пограничья. Мадина говорит, что неважно, откуда она, это могло быть любое место. Она из ниоткуда. Из-за семигорья и даже дальше. Устранение прошлого происходит ради обретения нового языка, вытесняющего старый. Роман Ю. Рабинович посвящен поискам нового одноязычия.

Очевидно, что расширенный межкультурный горизонт в ситуации приграничья может проявляться как в диалогическом взаимоналожении языков, так и в монологическом замыкании нового языкового круга.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Bürger-Koftis M., Schweiger H., Vlasta S. Polyphonie – Mehrsprachigkeit und literarische Kreativität, 2010.
2. Гречушникова Т. В. Языковой эксперимент как элемент альтернативного политического дискурса ГДР: материалы международной конференции, посв. 60-летию ф-та иностранных языков: сб. науч. тр. / гл. ред. М. Л. Макаров. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2003. Ч. 2. С. 28–33.
3. Анохина А. А. Поиск идентичности в немецкой прозе мигрантов из бывшего СССР (рубеж XX–XXI веков): дис. ... канд. филол. наук. Калининград, 2019.
4. Zierau, Cornelia: Wenn Wörter auf Wanderschaft gehen. Aspekte kultureller, nationaler und geschlechtsspezifischer Differenzen in deutschsprachiger Migrationsliteratur. Tübingen: Stauffenburg, 2009. S. 22–23.
5. Bloch, E. u. a. (Hrsg.): Grundbegriffe und Autoren ostmitteleuropäischer Exilliteraturen 1945–1989. Ein Beitrag zur Systematisierung und Typologisierung. Franz Steiner Verlag, Stuttgart 2004.
6. Catone A. Grenzen sind dazu da, überschritten zu werden: Chamisso-Literatur und didaktisches Potenzial im universitären DaF-Literaturunterricht in Italien: дис. ... д-ра филол. наук, Салерно, 2014.
7. Гумбольдт В. Об изучении языков, или план систематической энциклопедии всех языков. URL: http://genhis.philol.msu.ru/article_125.shtml
8. Лотман Ю. М. Текст и полиглоти́зм культуры // Избранные статьи: в 3 т. Т. 1: Статьи по семиотике и топологии культуры. Таллинн : Александра, 1992. С. 34–45.
9. Веселовский А. Н. О методе и задачах истории литературы как науки (1870) // Избранное: На пути к исторической поэтике. М. : Автокнига, 2010. С. 9–21.
10. Бахтин М. М. Собрание сочинений: в 7 т. Т. 6, 2002. М. : Русские словари : Языки славянской культуры, 1997–2012.
11. Vertlib W. Mein erster Mörder. Lebensgeschichten. Wien : Deuticke, 2006.
12. Корман Б. О. Из наблюдений над терминологией М. М. Бахтина // Избранные труды по теории и истории литературы: Монография. Ижевск: Изд-во Удмуртского университета, 2005. С. 173–182.
13. Rabinowich, Yu. Janus in Babylon. In F. Niemann (Hrsg.), Wienzeilen. Die interkulturelle Anthologie (S. 53–58). Weitra: Bibliothek der Provinz. 2009.
14. Rabinowich, Yu. Spaltkopf. Roman. Wien: edition exil. 2008.
15. Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук / пер. с фр. В. П. Визгина, Н. С. Автономовой; вступ. ст. Н. С. Автономовой. СПб. : А- cad, 1994.
16. Барт Р. Избранные работы: Семиотика: Поэтика / пер. с фр., сост., общ. ред. и вступ. ст. Г. К. Косикова. М. : Прогресс. 1989.
17. Rabinowich, Yu. Dazwischen: Ich. Roman. Berlin: Hanser, 2016.
18. Vertlib V. Spiegel im Fremden Wort. Dresden: Tehlem Verlag, 2007.

REFERENCES

1. Bürger-Koftis, M., Schweiger, H., Vlasta, S. (2010). Polyphonie – Mehrsprachigkeit und literarische Kreativität.
2. Grechushnikova, T. V. (2003) Yazikovoq experiment kak element alternativnogo politixheskogo discursa GDR = Language experiment as an element of the alternative political discourse of the GDR (article). In M. L. Makarov (ed.): materials of the international conference, devoted. 60th Anniversary of the Faculty of Foreign Languages, 2, 28–33. (In Russ.)
3. Anokhina, A. A. (2019). Poisk identichnosti v nemetskoj proze migrantov iz byvshego SSSR (rubezh XX–XXI vekov) = The search for identity in German prose of migrants from the former USSR (the turn of the 20th–21st centuries). PhD in Philology. Kaliningrad. (In Russ.)

4. Zierau, Cornelia (2009). Wenn Wörter auf Wanderschaft gehen. Aspekte kultureller, nationaler und geschlechtsspezifischer Differenzen in deutschsprachiger Migrationsliteratur (SS. 22–23). Tübingen: Stauffenburg.
5. Bloch, E. u. a. (Hrsg.): Grundbegriffe und Autoren ostmitteleuropäischer Exilliteraturen 1945–1989. Ein Beitrag zur Systematisierung und Typologisierung. Franz Steiner Verlag, Stuttgart 2004.
6. Catone, A. „Grenzen sind dazu da, überschritten zu werden“: Chamisso-Literatur und didaktisches Potenzial im universitären DaF-Literaturunterricht in Italien: abstract of Senior Doctorate in Philology. Салерно, 2014.
7. Humboldt, W. (Now. 25, 2006). Ob izychenii yazikov, ili plan sistematičeskoi enziklopedii vseh yazikov = On the study of languages, or the outline of a systematic encyclopedia of all languages. http://genhis.philol.msu.ru/article_125.shtml (In Germ.)
8. Lotman, Yu. (1992). Text i politologism culture = Text and polyglot culture. (pp. 34–45). Selected articles (Volums. 3. T. 1. Articles on semiotics and topology of culture). Tallinn: Alexandra.
9. Veselovskij, A. N. (2010). O metode i zadachah istorii literatury kak nayki (1870) = On the method and tasks of the history of literature as a science. Selected works: On the way to historical poetics (pp. 9–21). Moscow: Avtokniga Publ. (In Russ.)
10. Bahtin, M. M. (1997–2012). Sobranie sochinenij = Collected works: in 7 vols. Moscow: Russkie slovari, Jazyki slavjanskoi kul'tury. Vol. 6. (In Russ.)
11. Vertlib, W. Mein erster Mörder. Lebensgeschichten. Wien: Deuticke, 2006.
12. Korman, B. (1978). Iz nablydenii nad teerminologiej M. M. Bakhtina = From observations on the terminology of M. M. Bakhtin. Selected works on the theory and history of literature. Izhevsk: Udmurt University, 1992.
13. Rabinowich, J. (2009). Janus in Babylon. In F. Niemann (Hrsg.). Wienzeilen. Die interkulturelle Anthologie (S. 53–58). Weitra: Bibliothek der Provinz.
14. Rabinowich, J. (2008). Spaltkopf. Roman. Wien: edition exil.
15. Fuko, M. (1994). Slova i veshi. Archeologia gumanitarnikh nauk = Words and things. Archeology of the Humanities. Transl. from V. P. Vizgin, N. S. Avtonomova ; intro. Art. N. S. Avtonomova. St. Petersburgs: Arademia. (In Russ)
16. Bart, R. (1989). Izbranue raboti: Semiotika. Poetika = Selected Works: Semiotics: Poetics / transl. from French ; comp., total. ed. and intro. Art. G. K. Kosikova. Moscow : Progress. (In Russ.)
17. Rabinowich, Yu. (2016). Dazwischen: Ich. Roman. Berlin: Hanser.
18. Vertlib, V. (2007). Spiegel im Fremden Wort. Dresden: Tehlem Verlag.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Зусман Валерий Григорьевич

доктор филологических наук, профессор

Научно-исследовательского университета Высшей школы экономики в Нижнем Новгороде

Пахомова Ольга Владиславовна

преподаватель Волжского государственного университета водного транспорта

аспирант Научно-исследовательского университета Высшей школы экономики в Нижнем Новгороде

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Zusman Valery Grigorievich

Doctor of Philology, professor, scientific adviser,

Higher School of Economics, Nizhny Novgorod

Pakhomova Olga Vladislavovna

lecturer in Volga State University of Water Transport,

postgraduate student in Higher School of Economics, Nizhny Novgorod

Статья поступила в редакцию 26.09.2022
одобрена после рецензирования 20.10.2022
принята к публикации 14.11.2022

The article was submitted 26.09.2022
approved after reviewing 20.10.2022
accepted for publication 14.11.2022

Компенсационная тактика культурных лакун при переводе с китайского языка на русский (на материале перевода сборника «Ляо Чжай Чжи И»)

Лэй Лисы

Институт русского языка Хэйлунцзянского университета, Харбин, Китай

lisilei@yandex.ru

Аннотация. Художественный перевод затрагивает не только языковые аспекты, но и чрезвычайно сложные составляющие культуры: одежда, питание, верования, система ценностей, образ мышления и многое другое. Этнокультурные различия влияют на все аспекты языка. Так что в художественном переводе нередко возникают культурные лакуны. В данной статье на основе теории культурных лакун, выдвинутой русскими и китайскими учеными, на материале переводов В. М. Алексеева «Ляо Чжай Чжи И» исследуется перевод культурных лакун с китайского языка на русский. Анализируются компенсационные тактики лакун в сферах материальной, институциональной и духовной культуры, отмечаются плюсы и минусы перевода, предлагается соответствующая компенсационная тактика.

Ключевые слова: теория перевода, культурные лакуны, компенсационная тактика, русский перевод рассказов «Ляо Чжай Чжи И»

Для цитирования: Лисы Лэй. Компенсационная тактика культурных лакун при переводе с китайского языка на русский (на материале перевода сборника «Ляо Чжай Чжи И») // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2022. Вып. 13 (868). С. 125–131. DOI 10.52070/2542-2197_2022_13_868_125

Original article

Compensatory Tactics for Cultural Gaps when Translating from Chinese to Russian (based on translation of stories Liao Zhai Zhiyi)

Lisi Lei

Institute of Russian Language of Heilongjiang University, Harbin, China

lisilei@yandex.ru

Abstract. Artistic translation concerns not only language aspects, but also extremely intricate components of culture: clothing, food, beliefs, value systems, ways of thinking, and much more. Ethnic and cultural differences influence all aspects of the language. So, there are often cultural gaps in artistic translation. In this article, based on the theory of cultural lacunas put forward by Russian and Chinese scholars, the translation of cultural lacunas from Chinese into Russian is investigated on the material of V. M. Alexeev's translations of Liao Zhai Zhiyi. Compensatory tactics of lacunas in the spheres of material, regime and spiritual culture are analyzed, pluses and minuses of translation are noted, and appropriate compensatory tactics are proposed.

Keywords: translation theory, cultural gaps, compensatory tactics, Russian translation of stories "Liao Zhai Zhiyi".

For citation: Lisi Lei. (2022). Compensatory Tactics for Cultural Gaps When Translating from Chinese to Russian (based on translation of stories Liao Zhai Zhiyi). Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 13(868), 125–131. 10.52070/2542-2197_2022_13_868_125

ВВЕДЕНИЕ

«Ни один язык не может существовать вне культуры, он растет на культурном фоне» [王秉钦, 2007, с. 1], являясь и продуктом социокультуры, и носителем культуры. Литературный перевод в свою очередь неотделим от учета культурных факторов. В состав этнокультуры входят как минимум два аспекта:

- а) общий культурный компонент;
- б) индивидуальный культурный компонент.

Различия между двумя языками часто являются отражением культурных различий, выявляющих глубокое культурное наследие разных народов. Переводчику относительно легко дается при переводе общих культурных компонентов по сравнению с переводом индивидуальных, что в последующем следует учитывать прием компенсации.

«Ляо Чжай Чжи И» – один из лучших сборников рассказов на классическом китайском языке (вэньянь), в котором «воссоздана широкая картина жизни Китая на рубеже XVII–XVIII столетий» [Устин, 1981, с. 117]. Такая выдающаяся работа, как «Ляо Чжай Чжи И», является не только сокровищем китайской культуры, но и общим культурным наследием всего мира. Она считается энциклопедией культуры династий Мин и Цин, описывающей широкий спектр культурных явлений. Существуют культурные лакуны, с которыми сталкивается переводчик. Есть смысл проводить углубленное изучение вопросов о компенсации лакун.

КУЛЬТУРНЫЕ ЛАКУНЫ, КОМПЕНСАЦИЯ И ИХ ИССЛЕДОВАНИЕ

Лакуны возникают на основе культурных различий. Слово *лакуна* происходит от французского *lacune*, означающего «пробелы», «дефекты». Как термин, он обозначает вещи, явления, особенности и т. д., является принадлежностью одной культуры, а в другой отсутствуют. Многие отечественные и зарубежные ученые употребляют это понятие для описания и выявления этнически дифференцированных компонентов в лексико-грамматической системе разных языков и в разных культурах.

Американский культуролог К. Хейл в своей статье «Лакуны в грамматике и культуре» («Gaps in Grammar and culture») отмечал, что концепция является универсальной, а ее выражение – индивидуально [Hale, 1971]. Универсалия полностью или частично отражается в другой культуре через языковые знаки. Например, в культуре австралийского этноса *уолбири* отсутствуют методы нумерации, что можно считать «дар» (лакуной / пробелом). Но присутствует парадигма неопределенного

детерминанта, включающая в себя два члена, относящихся к точным числам: *tjinta* – нечетное число и *tjirama* – четное. Используя их вместе по принципу сложения, можно с точностью обозначать числа, превышающие два: *tjiramakari* – *tjinta* обозначают *три*. Итак, мы считаем, что в целом лакуны могут быть компенсированы, просто способ выражения может быть иным.

В российском научном сообществе существуют разные точки зрения. Так, Ю. С. Степанов определил «лакуну» как «белые пятна на семантической карте» [Степанов, 2003, с. 120]. В свою очередь Л. С. Бархударов относит лакуны к безэквивалентным словам и считает их «случайными». По его мнению, лакуны являются «теми единицами словаря одного из языков, которым по каким-то причинам (не всегда понятным) нет соответствий в лексическом составе (в виде слов или устойчивых словосочетаний) другого языка» [Бархударов, 1975, с. 94]. А. А. Арестова полагает, что «лакуна – это некоторый фрагмент текста, в котором имеется нечто непонятное, странное, ошибочное (нечто, что можно оценить по шкалам “непонятно / понятно”, “непривычно / привычно”, “незнакомо / знакомо” “ошибочно / верно”)» [Арестова, 2003, с. 44].

Китайские ученые Хэ Цюхэ и Ван Бинцин также обращают внимание на культурные лакуны в переводе. Так, Хэ Цюхэ считает: «Культурные лакуны формируются в процессе межкультурной коммуникации, обусловленной различием невербальных средств, таких как особенности национального характера и образа мышления коммуникативного субъекта, а также жестов, телодвижений и др.» [何秋和, 1997, с. 49]. Исходя из лексики, Ван Бинцин считает применение теории лакун эффективным способом при переводе слов с национально-культурным компонентом [王秉钦, 2007].

Что касается классификации лакун, то многие ученые разделили их на две категории: абсолютные и относительные. Абсолютным мы будем называть «вид лакун, связанный с отсутствием у носителей данного языка возможности выразить отдельным словом или устойчивым словосочетанием понятие (реже суждение)» [Муравьев, 1975, с. 6–7]. «Лакуны могут быть и относительными, когда слово или словоформа, существующие в национальном языке, употребляются очень редко» [Степанов, 2003, с. 121]. Кроме того, существуют более конкретные категории, такие как языковые и культурные лакуны. Языковые лакуны, в свою очередь, подразделяются на фонетические, грамматические, лексические, стилистические.

Несмотря на то, что нет единого определения и классификации понятия «лакуна», мы можем согласиться с тем, что лакуны существуют объективно и в

различных формах. И очевидно, что изучать лакуны только с лингвистической точки зрения недостаточно, потому что мы всегда видим явление культурных лакун в языковых различиях. Таким образом, вопрос о том, как компенсировать культурные лакуны и уменьшить коммуникативные барьеры, с ними связанные, – это предмет нашего исследования. В процессе художественного перевода неизбежно возникают культурные лакуны, которые сильно влияют на культурно-коммуникативную роль переведенной литературы. Китайские и зарубежные ученые предлагают самые разные тактики компенсации.

Теоретик перевода Р. К. Миньяр-Белоручев разъяснил, что компенсация – «это прием перевода, восполняющий неизбежные семантические или стилистические потери средствами языка перевода, причем необязательно в том же самом месте текста, что и в подлиннике» [Миньяр-Белоручев, 1999, с. 168]. Иными словами, компенсация фокусируется на семантике и стилистике, компенсация может не ограничиваться позицией, а потери в процессе компенсации неизбежны. Компенсацию утраты стилистических оттенков Н. И. Дзенс и другие называют «выпрямлением значения». Она «возмещается за счет экспрессивизации другого, стилистически нейтрального слова / оборота, т. е. перераспределения коннотаций» [Дзенс, Перевышина, Кошкарлов, 2007, с. 91]. При этом все эти ученые подчеркивают важность стилистической компенсации.

Для решения проблемы лакун в переводе Ю. А. Сорокин и И. Ю. Марковина предлагают два приема их элиминирования – это заполнение и компенсация [Марковина, Сорокин, 2010, с. 91]. Способ заполнения является более употребляемым методом, в основном он включает транслитерацию, описание, комментарий, примечания. Второй способ компенсации – это когда лакуны компенсируются путем использования знакомого носителя данной культуры, делается это для снижения национально-специфических барьеров в контексте двух культур.

При переводе лакун с китайского языка на русский Ху Гумин предлагает следующие тактики перевода: транслитерацию, буквальный перевод, вольный перевод, создание нового слова [胡谷明, 沈曼, 2011]. По его мнению, компенсация – это интерпретация культурных компонентов другой культуры с использованием компонентов, имеющих в данной культуре.

Ян Шичжан отмечает, что среди непереводаемых культурных факторов второстепенные могут быть непереводаемы, а основные – должны быть активно компенсированы [杨仕章, 2003]. В отношении этой точки зрения мы остаемся при своем мнении. Можно ли исключить второстепенные культурные

факторы и не переводить их? При ответе на этот вопрос необходимо учитывать различные факторы влияния. Более того, переводчикам нередко бывает трудно определить, является ли культурный фактор основным или второстепенным. Это нередко требует учета контекста, творческих намерений автора и других факторов. Поэтому мы должны по возможности компенсировать лакуны и придерживаться оригинала при переводе.

Основываясь на вышеупомянутых исследованиях китайских и зарубежных ученых, нетрудно понять, что сталкиваясь с явлением культурной лакуны, какой бы прием ни использовался для перевода, по сути, это всегда стремление ее компенсировать в переводе с целью раскрыть и воспроизвести ее содержание.

КУЛЬТУРНЫЕ ЛАКУНЫ И КОМПЕНСАЦИОННАЯ ТАКТИКА В ПЕРЕВОДЕ СБОРНИКА «ЛЯО ЧЖАЙ ЧЖИ И» НА РУССКИЙ ЯЗЫК

Мнения российских и китайских ученых по классификации «лакун» различаются. Поскольку в нашей статье рассматриваются «культурные лакуны», мы можем классифицировать их в контексте этих знаний. В данной статье использована классификация, данная в книге «Культурное переводоведение» Ван Бинцин: материальная культура, институциональная и духовная» [王秉钦, 2007]. Исследование тактики компенсации культурных лакун в переводе «Ляо Чжай Чжи И» на русский язык начинается с трех основных аспектов: материальные культурные лакуны, институциональные культурные лакуны и духовные культурные лакуны.

Материальные культурные лакуны

Материальная культура рождается в соответствии с потребностями человека и является результатом развития. В сборнике «Ляо Чжай Чжи И» отражено все богатство материальной культуры, включая культуру имен, топонимическую, культуру одежды, еды, чая, вина и т. д. Из-за различий в бытовом укладе народов Китая и России существуют свойственные каждому народу лакуны.

В литературном произведении персонаж нередко является основным элементом, а имя персонажа – его прямой и простой визитной карточкой. В сборнике «Ляо Чжай Чжи И» множество персонажей, реальных и мифических, среди которых *лиса-оборотень*, *дух*, *бес* и другие, имена которых неслучайны и имеют глубокое значение или содержат намеки.

Пример 1

霍桓，字匡九，晋人也 [蒲松龄, 2018, с. 961].

Хо Хуань, он же Хо Куан-цзо, жил в Шаньси [Пу Сунлин 2000, с. 206].

Используя омонимы китайских иероглифов и иероглифы со схожим произнесением, Пу Сунлин называл персонажей своих рассказов, стремясь достичь определенного художественного эффекта. Например, имя 霍桓 созвучно слову «祸患» (*бедствие*). Тем самым автор хотел намекнуть на то, что этот персонаж может принести беду. Переводчик просто транслитерирует его, а культурная лакуна остается. 霍桓 появился в тексте только один раз, и переводчик не оставил комментария, скорее всего, по двум причинам: во-первых, чтобы избежать слишком длинного текста, негативно влияющего на читательское восприятие; во-вторых, потому что читатель и так мог узнать судьбу персонажа через сюжет.

К тому же 字 (Цзы) является важной частью имени древнего китайца (людям давали такие имена не при рождении, а только после того, как они становились взрослыми). В древности 20-летних мужчин и 15-летних девушек уже не называли просто по имени, поэтому им давали другое имя, связанное со значением родового имени, оно называлось «цзы» и выражало моральные качества. В примере 1-м переводчик не объясняет культурное значение «цзы», а только переводит «Он же Хо Куан-цзо». В рассказе «Чародейка Лянь-сян» В. М. Алексеев переводил «цзы» как прозвище. В русском языке «прозвище» означает «имя, данное человеку в шутку или в насмешку и т. п. (обычно содержащее в себе указание на какую-либо заметную черту его характера, наружности, деятельности и т. п.)» [Кузнецов, 2000, с. 1009]. Несмотря на то, что значение «цзы» и «прозвища» частично совпадают, они сильно различаются по функционально-стилевой окраске.

И подобных примеров достаточно много, например, в «Ляо Чжае» много рассказов о лисах, их фамилии в большинстве «胡» (Ху), потому что «胡» происходит как слово «狐» (лисица).

Пример 2

翁自言：“养真，姓胡，...” [蒲松龄, 2018, с. 534].

Старик сказал, что его имя *Ян-чжэнь, Питающий Истинное*, а фамилия Ху... [Пу Сунлин, 2000, с. 114].

В этом примере переводчик сделал сноску: «Фамилия Ху – созвучна с ху – лисица». Видно, что при переводе одного и того же типа культурных

лакун переводчик выбирает как компенсационный, так и некомпенсационный прием. Мы считаем, что В. М. Алексеев трактовал подразумеваемое значение фамилии Ху, потому что в сборнике много историй о лисицах, и большинство лисиц носят фамилию Ху. Эта сноска дает читателю общее объяснение, чтобы читатель мог понять, почему так много героев в рассказах имеют фамилию Ху.

Кроме того, во втором примере В. М. Алексеев транскрибировал имя и одновременно раскрыл значение имени Ян-чжэнь в тексте – «Питающий Истинное». Благодаря этому читатель сразу улавливает характер персонажа, и переводчик успешно компенсирует культурную лакуну.

Институциональные культурные лакуны

Институциональная культура – это культура поведения, которая говорит об отношениях между людьми, она включает в себя огромное разнообразие взаимоотношений и институты, социальные обычаи, идеи брака, семейный ритуал и т. д. В Китае есть старая поговорка: «Десять миль разных ветров, сто миль разных обычаев».

В сборнике «Ляо Чжай Чжи И» насчитывается около 500 рассказов, в том числе более 100, связанных с экзаменом кэцзюй (государственный экзамен в императорском Китае). Одним из главных образов в таких сюжетах стал непризнанный талант. Сам В. М. Алексеев уделял большое внимание рассказам об экзамене кэцзюй и судьбе конфуцианцев. В 1934 году он опубликовал монографию «Трагедия конфуцианской личности и мандаринской идеологии в новеллах Ляо Чжая». По его мнению, работы Пу Сунлина пропагандируют истинное добро и критикуют зло. Вместе с тем эти рассказы отражают трагедию конфуцианской личности, да и сам Пу Сунлин был представителем конфуцианства той эпохи, и его судьба так же трагична, как и всего конфуцианства того времени. Отметим, что культурную лакуну, связанную с понятием «кэцзюй», В. М. Алексеев в полной мере компенсировал.

Пример 3

王子服，莒之罗店人。早孤，绝慧，十四入泮 [蒲松龄 2018, с. 159].

Ван Цзы-фу из Лодяня рано лишился отца. Обладая недюжинными способностями, он уже четырнадцати лет вошел во дворец полукруглого бассейна [Пу Сунлин 2000, с. 20].

«Вошел во дворец полукруглого бассейна», т. е. выдержал экзамен на первую степень и попал

в списки учеников уездного училища конфуцианцев, имевшего при храме Конфуция, в котором происходили экзамены, особой формы бассейн, требуемый древним уставом.

Отбор государственных людей производился в Китае, начиная с II в. до н. э. и вплоть до 1905 г. на основании особых литературных испытаний, должностных свидетельств о степени проникновения молодого человека в конфуцианское исповедание китайской культуры. Эти экзамены были тройкими, в порядке их постепенности, начиная от кандидата первой степени и кончая «поступающим на службу», экзаменовавшимся в столице. Кандидат, ищущий высшей степени, обязан был, таким образом, путешествовать из своей провинции в столицу, что далеко не для всех было достижимо. После трех экзаменов государь созывал новых кандидатов к себе во дворец и предлагал им письменные вопросы по разным статьям, главным образом – как то вообще лежало в основе всего экзаменационного делопроизводства – по государственному управлению. Прошедшие на этом экзамене получали или, вернее, должны были получить высшие должности» [Пу Сунлин, 2000, с. 20]. (сноска, сделанная В. М. Алексеевым.)

Пример 4

十四岁，以神童领乡荐，十五入翰林 [蒲松龄 2018, с. 350].

Четырнадцать лет он уже получил на экзаменах *вторую кандидатскую степень*, по праву гениального, исключительного мальчика, а пятнадцати лет уже входил в состав академии ученых [Пу Сунлин, 2000, с. 240].

«Вторая кандидатская степень. – Второй кандидат, собственно говоря, «сыновнею почтительностью и честностью прославленный». Успешно прошедший на втором (из тройких) экзамене именуется так в литературном языке на том основании, что во II в. до н. э., когда впервые было повелено представлять нужных людей от всех областей Китая, их выбирали по высоким нравственным качествам, среди которых сыновнее благоговение стояло всегда на первом месте. Затем название сынопочтительного, честного, (сяолянь) свелось к чисто литературному словоупотреблению вместо всем известного – цзюйжэнь» [Пу Сунлин 2000, с. 240]. (сноска, сделанная В. М. Алексеевым.)

Пример 5

后举进士，任于肥丘» [蒲松龄, 2018, с. 58].

Впоследствии, когда Инь уже выдержал последние государственные экзамены, он был как-то назначен в Фэйцзю [Пу Сунлин 2000, с. 37].

«Последние государственные экзамены – завершающие тройкие экзамены и дающие ученую степень циньши – поступающего на службу» [там же]. (сноска, сделанная В. М. Алексеевым.)

«入泮» «乡荐» «进士» – это три этапа экзамена кэцзюй, и эти три примечания вместе стали сплошным объяснением кэцзюя. К тому же, в указателе приложения к сборнику В. М. Алексеев почеркнул названия конфуцианца после каждого этапа экзамена: «тройкие экзамены: кандидат первой степени – сючай, второй – цзюйжэнь, третьей – цзиньши» [Пу Сунлин, 2000, с. 771]. Таким образом, читатель может узнать об экзамене кэцзюй в целом.

В 3-м примере В. М. Алексеев описательно переводил «入泮», чтобы читатели представили себе форму «泮». В 4-м и 5-м примерах переводчик сделал объяснительный перевод, читателю легко понять, что это за экзамены. Приемы «описательный перевод + сноска», «объяснительный перевод + сноска» обеспечивают читателю беглость при чтении, и без потери культурной информации прекрасно компенсируется эта лакуна.

Духовная культурная лакуна

Духовная культура – это ядро культуры, состоящее из ценностей, менталитета, моральных качеств, религиозных верований, национального характера человека и т. д., формирующихся в многолетней социальной практике, с отличительными этническими особенностями. В связи с тем, что верования занимают важное место в социальнообщественной жизни и в культуре, мы изучаем компенсацию лакун духовной культуры через компенсацию лакун верований.

Лиса играет особую роль в сборнике «Ляо Чжай Чжи И», в котором более семидесяти работ о лисе. Первый сборник переводов, опубликованный В. М. Алексеевым, назывался «Лисьи чары». Конечно, история о лисе не свойственна Китаю, в России существует много сюжетов о лисе, например «Медведь и лиса». Но образ лисы у читателей России и Китая разный, лиса в русской сказке – создание хитрое и жадное, а китайские лисы, особенно в сборнике «Ляо Чжай Чжи И», очень разные – они и хорошие, и плохие, среди них есть и мужчины, и женщины. Как переводчик компенсирует лакуну этого духовно-культурного образа?

Для компенсации «лисей культуры» в Китае В. М. Алексеев в предисловии описал картину китайского жертвоприношения лисам-оборотням: «Вы идете по китайским полям и вдруг видите, что

перед каким-то курганом стоит огромный стол, на котором стоят в ряд древнего вида сосуды, знамена, знаки и все вещи, свойственные, насколько вам известно, только храму. Вы осведомляетесь у прохожего мужичка, что это такое, и слышите в ответ: это фея-лиса (Хусянье)» [Пу Сунлин 2000, с. 10–11]. Таким образом В. М. Алексеев ввел читателей в рассказы о китайских лисицах, чтобы читатели имели образное представление о них.

В переводе В. М. Алексеев называл лисиц с учетом характеристик: «фея-лиса», «лис-волшебник», «оборотень лисы» и т. д. «Фея-лиса», «лис-волшебник» являются неологизмами, составленными В. М. Алексеевым, он использовал две параллельные фразы в одном слове, что позволяло читателю легко понять особенности персонажа. Что касается культурных лакун в культе лисицы, переводчик прибегнул к предисловию и сделал хорошую компенсацию. Предисловие выполняет функцию проводника, вводящего читателя в мир лисьих историй. Кроме того, В. М. Алексеев смело и метко создавал новые слова, которые не только открывали русскому читателю китайское понимание лисицы, но и компенсировали культурную лакуну «Хусянь» на лексическом уровне.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проанализировав компенсации культурных лакун в сборнике «Ляо Чжай Чжи И», мы попытались сформулировать общий взгляд на вопросы перевода литературного текста с китайского языка на русский.

Таким образом, при переводе культурных лакун переводчику или удастся их компенсировать или нет. В сборнике «Ляо Чжай Чжи И» в большинстве случаев культурные лакуны успешно компенсируются. И эта компенсация отражает уважение В. М. Алексеева к китайской культуре, менталитету. Конечно, некоторые уникальные для китайской культуры явления в русском переводе не находят подходящей тактики для компенсации, в таких случаях допустимо полностью сохранять культурную лакуну без компенсации.

Во-вторых, приемы компенсации культурных лакун разнообразны, и здесь нет общепринятых норм, они также взаимозависимы и работают вместе. Для максимальной компенсации необходимо исходить из конкретной обстановки, применять подходящую тактику. На основе анализа русского перевода «Ляо Чжай Чжи И» мы обобщили конкретные тактики компенсации культурных лакун.

1. Буквальный перевод (транслитерация). Большинство лакун компенсируется путем буквального перевода (транслитерации). Форма и содержание оригинала могут быть максимально компенсированы.

2. Вольный перевод, включающий описательный и объяснительный перевод, т. е. описание и объяснение образа или значения безэквивалентных слов (культурных лакун).

3. Перевод с помощью комментариев. Что касается некоторых важных культурных явлений в оригинале, если переводчики полагаются исключительно на буквальный перевод (транслитерацию), вольный перевод и т. д., то культурное значение передачи ограничено, и в этом случае необходимо использовать комментарии. В приложении к сборнику «Ляо Чжай Чжи И», изданному в 2000 г., представлено 166 комментариев, повторяющиеся культурные явления сводятся к одному комментарию, и видна большая работа В. М. Алексеева над комментариями. Они не просто являются частью перевода, но и ценны сами по себе, как отмечал Л. З. Эйшлин: «Самостоятельную ценность имеют написанные В. М. Алексеевым объяснения к переводам рассказов» [Пу Сунлин, 2000, с. 9]. Мы признаем важность и ценность аннотаций, сделанных В. М. Алексеевым, но должны отметить, что мы не одобряем однообразную операцию – как только сталкиваемся с культурной лакуной, прибегаем к примечаниям – и также должны учитывать личностные и впечатления читателя.

4. Создание нового слова. Создание новых слов или словосочетаний часто используется для обозначения соответствующих предметов или явлений на основе уже существующих в языке компонентов. Следует подчеркнуть, что переводчики не могут свободно использовать тактику создания новых слов, так как это может привести к непониманию. При использовании приема создания неологизмов переводчик должен определить, сможет ли читатель понять неологизм.

5. Компенсация вне текста перевода. Тактика компенсаций культурных лакун должна включать способы внутренней и внешней компенсации, которые дополняют друг друга и работают вместе. Например, описание ритуала жертвоприношения в предисловии к сборнику «Лисьи чары» и монография о конфуцианстве, выполненная В. М. Алексеевым, являются эффективной компенсацией культурных лакун в переводе. Мы не должны ставить задачу переводчику компенсировать все культурные лакуны, ведь переведенная литература – это тоже литературное произведение, мы должны учитывать «интересность» литературы и психологию читательского восприятия. Если полный текст перевода расчленяется чрезмерными комментариями и другими средствами компенсации, то «интересность» для иноязычного читателя может резко снизиться, что неизбежно влияет на популярность произведения за рубежом. Поэтому мы продвигаем тактику сочетания как внутренней, так и внешней компенсации.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. 王秉钦. 文化翻译学: 文化翻译理论与实践. 天津: 南开大学出版社, 2007 = Ван Бинцин. Культурное переводоведение: теория и практика культурных аспектов перевода. Тяньцзинь: Издательство Нанкайского университета, 2007.
2. Устин П. М. Пу Сунлин и его новеллы. М.: Изд-во Московского университета, 1981.
3. Hale K. Gaps in Grammar and culture / Linguistics and anthropology: In Honor of C. F. Voegelin. Lisse: The Peter de Ridder Press, 1971. P. 295–315.
4. Степанов Ю. С. Французская стилистика (в сравнении с русской): учебное пособие. М.: Едиториал УРСС, 2003.
5. Бархударов Л. С. Язык и перевод. М.: Международные отношения, 1975.
6. Арестова А. А. Количество лакун в переводном тексте как один из критериев адекватности перевода // VII Федоровские чтения: тезисы. Тамбов, 2003. С. 44.
7. 何秋和. 论空缺与翻译理论[J]. 中国俄语教学. 1997(02):50-53 = Хэ Цюхэ. О лакунах и теории перевода. Русский язык в Китае. 1997. № 2. С. 50–53.
8. Муравьев В. Л. Лексические лакуны (на материале французского и русского языков). Владимир: Владимирский педагогический институт, 1975.
9. Миньяр-Белоручев Р. К. Как стать переводчиком? М.: Готика, 1999.
10. Дзенс Н. И., Перевышина И. Р., Кошкарров В. А. Теория и практика перевода. СПб.: Антология, 2007.
11. Марковина И. Ю., Сорокин Ю. А. Культура и текст. Введение в лакунологию. М.: ГЭОТАР-Медиа, 2010.
12. 胡谷明, 沈曼. 汉俄翻译中文化空缺词汇的翻译策略 [J]. 中国俄语教学. 2011. 30(01):17–21 = Ху Гумин, Шэнь Ман. Переводческие стратегии культурных лакун в переводе с китайского языка на русский. Русский язык в Китае. 2011. № 30 (11). С. 17–21.
13. 杨仕章. 文化翻译论略. 北京: 军事谊文出版社, 2003 = Ян Шичжан. Краткое обсуждение о культурных аспектах перевода. Пекин: Ивэнь, 2003.
14. 蒲松龄. 全本新注聊斋志异, 朱其铠主编. 北京: 人民文学出版社, 2018 = Пу Сунлин. Ляо Чжай Чжи И; ред. Чжу Цикай. Пекин: Народная литература, 2018.
15. Пу Сунлин. Странные истории из кабинета неудачника (Ляо Чжай чжи и) / пер. с кит. В. М. Алексеева. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2000.
16. Кузнецов С. А. Большой толковый словарь русского языка. СПб.: Норинт, 2000.

REFERENCES

1. 王秉钦. 文化翻译学: 文化翻译理论与实践. 天津: 南开大学出版社, 2007 = Van Bincin' (2007). Cultural Translation Studies: Theory and Practice of Cultural Aspects of Translation. Tianqin: Izdatel'stvo Nankajskogo universiteta.
2. Ustin, P. M. (1981). Pu Sunlin i ego novelly = Pu Sunlin and his short stories. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta. (In Russ.)
3. Hale, K. (1971). Gaps in grammar and culture. Linguistics and anthropology (pp. 295–315): In Honor of C. F. Voegelin. Lisse: The Peter de Ridder Press.
4. Stepanov, Yu. S. (2003). Francuzskaya stilistika (v sravnenii s russkoj) = French stylistics (in comparison with Russian): textbook. Moscow: Editorial URSS. (In Russ.)
5. Barhudarov, L. S. (1975). Yazyk i perevod = Language and translation. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya. (In Russ.)
6. Arestova, A. A. (2003). Kolichestvo lakun v perevodnom tekste kak odin iz kriteriev adekvatnosti perevoda = The number of gaps in the translated text as one of the criteria for the adequacy of the translation. VII Fedorovskie chteniya (p. 44): abstracts. Tambov. (In Russ.)
7. 何秋和. 论空缺与翻译理论[J]. 中国俄语教学. 1997(02):50-53 = He Cyuhe. (1997). On lexical gaps and theory of translation. Russkij yazyk v Kitae, 2, 50–53.
8. Murav'ev, V. L. (1975). Leksicheskie lakuny (na materiale francuzskogo i russkogo jazykov) = Lexical lacunae (based on the material of the French and Russian languages). Vladimir: Vladimirskij pedagogicheskij institut. (In Russ.)
9. Min'yar-Beloruichev, R. K. (2007). Kak stat' perevodchikom? = How to become a translator? Moscow: Gotika. (In Russ.)

10. Dzens, N. I., Perevyshina, I. R., Koshkarov, V. A. (2007). *Teoriya i praktika perevoda* = Theory and practice of translation. St. Petersburg: Antologiya. (In Russ.)
11. Markovina, I. Yu., Sorokin, Yu. A. (2010). *Kul'tura i tekst. Vvedenie v lakunologiyu.* = Culture and text. Introduction to lacunology. Moscow: GEOTAR-Media. (In Russ.)
12. 胡谷明, 沈曼. 汉俄翻译中文化空缺词汇的翻译策略 [J]. 中国俄语教学. 2011. 30(01):17–21 = Hu Gumin, Shen' Man. (2011). Translation strategies of cultural gaps in translation from Chinese into Russian. *Russkij yazyk v Kitae*, 30(11), 17–21.
13. 杨仕章. 文化翻译论略. 北京: 军事谊文出版社, 2003 = Yan Shichzhan. (2003). A brief discussion on the cultural aspects of translation. Pekin: Iven'.
14. 蒲松龄. 全本新注聊斋志异, 朱其铠主编. 北京: 人民文学出版社, 2018 = Pu Sunlin. (2018). *Lyao Chzhaj Chzhi I*; ed. by Chzhu Cikaj. Pekin: Narodnaya literatura.
15. Pu Sunlin. (2000). *Strannye istorii iz kabineta neudachnika (Lyao CHzhaj chzhi i) / Per. s kit. V. M. Alekseeva.* St. Peterburg: Peterburgskoe Vostokovedenie. (In Russ.)
16. Kuznetsov, S. A. (2000). *Bol'shoj tolkovyj slovar' russkogo yazyka* = Great Dictionary of Russian language. St. Peterburg: Norint. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Лэй Лисы

доктор филологических наук,

лектор Института русского языка Хэйлунцзянского университета, Харбин, Китай

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Lisi Lei

Doctor of Philology,

Lecturer at the Institute of Russian Language of Heilongjiang University, Harbin, China

Статья поступила в редакцию 14.09.2022
одобрена после рецензирования 10.10.2022
принята к публикации 14.11.2022

The article was submitted 14.09.2022
approved after reviewing 10.10.2022
accepted for publication 14.11.2022

Научная статья

УДК 821.111

DOI 10.52070/2542-2197_2022_13_868_133

Специфика эстетических концепций парнасцев и прерафаэлитов: сходства и различия

Т. В. Назарова

*Российский университет дружбы народов, Москва, Россия
aven1808@gmail.com*

Аннотация. В статье рассматривается вопрос пересечения эстетических концепций парнасцев, в частности их идейного вдохновителя Т. Готье, и поэтов-прерафаэлитов Д. Г. Россетти, А. Ч. Суинберна и У. Морриса. Результатом исследования стало установление ряда параллелей и различий в понимании поэтами целей искусства; отношении к «искусству для искусства»; воспроизведении культа прекрасного; эстетических ориентирах; тенденции к синтезу искусств; лингвистическом новаторстве и внимании к статическим формам.

Ключевые слова: эстетизм, прерафаэлитизм, прерафаэлиты, искусство для искусства, Готье, Парнас, синтез искусств

Для цитирования: Назарова Т. В. Специфика эстетических концепций парнасцев и прерафаэлитов: сходства и различия. Вестник МГЛУ. Гуманитарные науки. Вып. 13 (868). С.133–140. DOI 10.52070/2542-2197_2022_13_868_133

Original article

Characteristic Aspects of Parnassian and Pre-Raphaelite Aesthetic Concepts: Similarities and Differences

Tatiana V. Nazarova

*Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russia
aven1808@gmail.com*

Abstract. The article examines the issue of the intersection of Parnassian and Pre-Raphaelite aesthetic concepts in poetry. The result of the study was the establishment of several common points and differences in the poets' understanding of the goals of art; their views on the idea of «art for art's sake», paying special attention towards its reflection in England; as well as among the key features of their poetics that emerged due to it: orientation to the synthesis of arts, linguistic innovation, attention to static forms.

Keywords: aestheticism, Parnassianism, Pre-Raphaelitism, Pre-Raphaelites, art for art's sake, arts' synthesis, Gautier

For citation: Nazarova, T. V. (2022). Characteristic aspects of Parnassian and Pre-Raphaelite aesthetic concepts: similarities and differences. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 13(868), 133–140. 10.52070/2542-2197_2022_13_868_133

ВВЕДЕНИЕ

Факт обмена идеями и воздействия на формирование эстетизма в Англии со стороны французских литераторов и мыслителей не вызывает сомнений. Многие годы в соседних странах формировались сходные культурные явления, которые часто были ознаменованы плодотворным взаимовлиянием. Тем не менее вопрос о соотношении взглядов представителей французского эстетического течения парнасцев и прерафаэлитов остается в числе менее изученных. О некоторых сходных моментах в поэтике тех и других упоминают в своих работах Г. М. Кружков, Э. Сассо, П. Бенсон и С. Синглтери (в отношении Т. Готье), однако тема не находит обширного теоретического отображения. Более подробное рассмотрение вопроса было бы чрезвычайно полезно при исследовании многообразия эстетических концепций периода и влияния, которое они оказали на формирование концепций Пейтера, Уайльда, «английских парнасцев» и других английских и иностранных философов, литераторов и деятелей искусства.

Данное исследование ставит своей целью показать основные сходства и различия в их эстетических концепциях, а задачами: наметить нюансы в понимании и воплощении эстетизма и «искусства для искусства», а также соответствия и несоответствия в особенностях поэтики, непосредственно связанных с воззрениями на искусство.

ПОЯВЛЕНИЕ ЭСТЕТИЗМА ВО ФРАНЦИИ И АНглиИ

Закономерности появления в XIX веке европейского эстетизма объясняет теория маргинальности М. Фуко. Согласно Фуко, периферийные явления обновляют искусство через разрушение механизмов магистральных тенденций, а его развитие происходит путем постоянных эстетических революций, непрерывно взрывающих культурное поле. Одним из примеров подобной инновационной субструктуры становится появление эстетизма на почве позднего романтизма.

Оформившись в качестве самостоятельного течения во Франции, именно в Англии эстетизм достигает пика своего развития в творчестве прерафаэлитов, У. Пейтера и О. Уайльда. В. М. Жирмунский отмечал, что «эстетическое движение развивается в Англии из мистической поэзии прерафаэлитов» [Жирмунский, 1996, с. 199], однако еще в первой половине XIX века Рескин приводил сложные богословские доводы в защиту искусства ради искусства: «Ideas of beauty are among the

noblest which can be presented to the human mind, invariably exalting and purifying it according to their degree; and it would appear that we are intended by the Deity to be constantly under their influence...»¹ [Ruskin, 1888, с. 26–27].

Эстетический импульс можно наблюдать уже в ранних, менее консервативных теориях Рескина и стихотворениях Теннисона, чтобы затем найти более полное отражение в искусстве прерафаэлитов, которые первыми в Англии начали использовать эстетизм в качестве художественного метода. «Желание красоты» во многом определяло вектор их творчества. При этом резонно замечание о том, что «для прерафаэлитов эстетизм не был художественным убеждением в том же смысле, в котором был сам прерафаэлитизм, а скорее использовался как способ видения искусства, который мог быть подхвачен, а затем из прихоти отброшен» [Лукьянов, 2019, с. 64].

Осознание непреодолимой двойственности бытия в творческом сознании Готье, Бодлера, раннего Флобера приводит к обесцениванию реальности. Исповедальный лиризм французской романтической поэзии обнаруживает ничто, «ноль», по выражению Шеллинга, что привело к превращению идеала в бессильную иллюзию. Французский эстетизм – в апологии красоты и искусства, в абсолютном изоляционизме, в аполитичности, в символическом разделении мира внешнего и мира творца.

КУЛЬТ КРАСОТЫ И ОТНОШЕНИЕ К «ИСКУССТВУ ДЛЯ ИСКУССТВА»

В предисловии к «Альбертусу» (1890) Готье лаконично выразил основные принципы искусства для искусства: «Il n'a vu du monde que ce que l'on en voit par la fenêtre, et il n'a pas eu envie d'en voir davantage. Il n'a aucune couleur politique ; il n'est ni rouge, ni blanc, ni même tricolore; il n'est rien, il ne s'aperçoit des révolutions que lorsque les balles cassent les vitres»². Эта работа за стеклом рисует в воображении «башню из слоновой кости», метафору эстетизма и чистого искусства,

¹ «Идеи красоты – одни из самых благородных, что могут предстать перед человеческим разумом, неизменно возвышающие и очищающие его до своего уровня; как представляется, быть постоянно под их влиянием и предназначено нам Божеством...». Зд. и далее перевод наш. – Т. М.

² «[Автор настоящей книги] видел только мир, который виден из окна, и он ничего не хочет увидеть большего. У него нет никакого политического цвета: он ни белый, ни красный, ни даже трехцветный; он – ничто, он замечает революцию только тогда, когда пули разбивают стекло».

провозгласившего свою автономность и свободу от морали и идеологии.

В предисловии к роману «Мадемуазель Мопен» *“Mademoiselle de Maupin”*, 1835, книге, которую А. Ч. Суинберн будет считать священным писанием красоты, Т. Готье утверждает приоритетное положение прекрасного относительно полезного. Автор пишет об отсутствии необходимости в красивом для того, чтобы прожить, однако затем говорит, что скорее «откажется от картофеля, чем от роз» и «от прав француза и гражданина ради того, чтобы увидеть подлинную картину Рафаэля».

Согласно Готье, искусство должно быть свободным от актуальности, вкусов и требований общественной морали, так как они слишком изменчивы, чтобы на них опираться. Вместо этого он предлагает отдаваться чувству, наслаждению от прекрасного: «Такова воля Всевышнего... который не повелел ангелам: “будьте добродетельны”, но “любите”...».

Позиции прерафаэлитов и последователей французского «искусства для искусства», в частности – Готье и других парнасцев, во многом перекликаются друг с другом, находя сходные пути для выражения вопреки не всегда совпадающим внешним импульсам. В прерафаэлитизме отразились многие принципы «искусства для искусства»: отгороженность от социально-политического контекста, преимущественное отсутствие нравственной апологетики и органическая неприязнь к прагматике и меркантилизму, тогда как основной целью служит создание прекрасного, в том числе через формальную сторону произведений. Похожие художественные установки обусловили наличие ряда сходств иного порядка: подходе к творческому процессу, выборе средств выразительности и жанров.

Активным сторонником доктрины выступил А. Ч. Суинберн, декларируя свою приверженность в письме У. Россетти 1866 года [Connolly, 1952]. В том же году он заканчивает критическое эссе «Уильям Блейк»¹, в котором вводит для английского читателя термин «искусство для искусства». С творчеством Т. Готье его знакомит Д. Г. Россетти еще в 1857 году, и на какое-то время сравнение с французом становится высшей похвалой от Суинберна. В одном из писем он сравнивает полотно А. Д. Мура с поэзией Готье, говоря о завершенности «мелодии цвета» и «симфонии формы»: «...достигнута еще одна прекрасная вещь, в мире рождается еще одно наслаждение; смысл этого – красота; смысл ее существования – быть»² (цит. по: [Singletary, 2016, с. 59]). Однако «искусство для искусства» для Суинберна, по спра-

ведливому замечанию П. Бенсона, не являлось самостоятельной концепцией, а лишь «расширением его прерафаэлитских воззрений» [Benson, 1980, с. 149].

Смещение к более выраженному эстетизму способствовало качественному расширению прерафаэлитизма там, где его могли ограничить натурализм или христианская мораль. А. В. Лукьянов также называет эстетизм «на знаменах» прерафаэлитов «компенсацией» утраченного к концу века романтического конфликта, что привело к «отчуждению творца от остальных, кроме некоторых посвященных, убежденных в истинности этих форм искусства» [Лукьянов, 2019, с. 27]. Рассуждая об отношениях с предыдущей традицией французского «искусства для искусства» как продукта позднего романтизма, С. Н. Зенкин в свою очередь отмечает то, что доктрина была полна противоречий и оказалась обращена как против буржуазной морализации в искусстве, так и против демократической идейности романтиков: «...ослабло центральное для романтизма ощущение всеобщего и неудержимого развития мира» [Зенкин, 1999, с. 199]. По его замечанию, «у Готье романтические идеалы редуцируются, а во многом и искажаются...» [там же].

Тогда как с годами Суинберн не раз менял свою точку зрения, доходя в своем консерватизме до отречения от «искусства для искусства»³, а убеждения Морриса трансформировались под влиянием социализма, в творчестве Россетти можно наблюдать естественный и устойчивый рост концепции прерафаэлитов в эстетическом ключе, а прерафаэлитизм и эстетизм в его искусстве сливаются в единое явление. Именно Красоту – ее персонифицированный вариант – он называет своей госпожой, ее славословит и ставит на трон:

Under the arch of Life, where love and death,
Terror and mystery, guard her shrine, I saw
Beauty enthroned; and though her gaze struck awe,
I drew it in as simply as my breath.

D. G. Rossetti. Soul's Beauty (Sibylla Palmifera)

Под аркой Жизни, где Любовь и Страх,
Где Смерть и Тайна бодрствуют в дозоре,
Там, на престоле, в царственном уборе
И с пальмовою ветвью в руках
Узрел я Красоту...

Д. Г. Россетти Красота души (Sibylla Palmifera)

Перевод Г. М. Кружкова

На вопрос У. Шарпа о том, как он относится к тому, что его называют лидером школы «искусства для искусства», Россетти отвечает, что это заключение «на две трети абсолютно верное и на

¹ Опубликовано в 1868 году.

² Англ. The melody of color, the symphony of form is complete; one more beautiful thing is achieved, one more delight is born into the world; and its meaning is beauty; and its reason for being is to be.

³ Что можно видеть в его эссе 1887 года «Mr. Whistler's Lecture on Art».

треть принципиально неверное» (цит. по: [Benson, 1980, с. 131]). Такой ответ говорил о согласии Россетти с целями и стилистическими тенденциями концепции, но неприятно поэт себя как лидера какого-либо направления – он считал какие-либо школы ограничивающими индивидуальную свободу творца. Не провозглашая себя адептом доктрины, Д. Г. Россетти во многом вторит мыслям Готье, не только в любви к прекрасному, но и в убежденности, что искусство не должно служить социальным комментарием: он приходит к выводу, что следует «наложить вето на участие художников в политике» ([цит. по: Соколова, 1995, с. 146]). Своеобразным манифестом позиции становится баллада «Трагедия короля» (The King's Tragedy, 1880). Трагедия заключается в том, что лирический герой – Джеймс – будучи одаренным стихотворцем, был рожден королем, и мир политики в итоге убивает поэта.

Сравнивая позицию Готье с идеями У. Морриса, в чьей эссеистике наиболее ярко отразились размышления о месте красоты и искусства в жизни, можно прийти к заключению, что они почти диаметрально противоположны. Встречаются даже замечания о том, что Моррис «не испытывал к [эстетическому движению] ничего, кроме презрения» [Faulkner, 2010, с. 77].

Говорить об экзальтации при созерцании произведения искусства как о его социальной функции столь же оправданно, как считать искусство обладающим ей ввиду его существования в социуме, вне которого не найдется способных его оценить [там же, с. 85]. Будучи, в сущности, верным, подобное заявление не работает в контексте противопоставления творчества У. Морриса и «искусства для искусства». Эстетическая утопия Морриса представляется частным случаем западноевропейского эстетизма, отличавшимся от «искусства для искусства» на поверхности, однако оказавшимся близким по сути. Нежизнеспособная, как и большинство утопий, она рисует картину, в которой существование мира и его функционирование оправдывается красотой и искусством, расширяющимся до всех сфер жизни, как показано в романе У. Морриса «Вести из ниоткуда» (1880). С другой стороны, невозможно не отметить уникальный случай слияния подобных воззрений с его поздними социалистическими взглядами, которые обусловили специфику его мировосприятия.

В «Мадемуазель Мопен» Готье утверждает «бесполезность» искусства: «Воистину прекрасно только то, что абсолютно ни на что не годится», когда в понимании Морриса искусство по умолчанию приносит пользу, так как создает красоту и пробуждает в человеке вкус к жизни, что, опять же,

значительно пересекается с мажорным восприятием Готье. Именно радость и страсть к жизни становятся ключевыми элементами стихов сборника «Эмали и Камеи» (1852–1872).

Идея эстетической утопии, преобразования действительности посредством искусства, продвигавшаяся многими прерафаэлитами, и в особенности Моррисом, находит отклик и у Готье. Как отмечает Г. К. Косиков, нерв его творчества – в драматическом напряжении между обнаженным лиризмом и холодным эстетизмом, которое подпитывает утопическая мечта о том, чтобы «жизнь превратить в произведение искусства, а искусство наполнить живой силой жизни, иными словами, превратить искусство в «искусство жить»» [Косиков, 1989, с. 28]. Однако Готье, хоть и глубоко переживал открытую еще в романтическую эпоху дилемму противоречия между областью созерцания – искусством – и жизнью как областью действия, не решался бросить ей вызов. Испытывая сходное «чувство омерзения к своему времени» [там же, с. 27], Моррис выступает на собраниях «Общества борьбы за красоту», тогда как Готье бежит прочь от пошлости действительности в башню из слоновой кости, предоставляемую ему творчеством.

Несмотря на различия в их позициях, можно обнаружить и черты сходства. Отрицая элитарность искусства и подчеркивая его необходимость – как главного проводника прекрасного, Моррис признавал ценность искусства в отрыве от социально-политического контекста и выступал за эстетизацию действительности [Harvey, Press, 1996]. В свою очередь, Готье не всегда придерживался категоричности предыдущего заявления: «Лучше иметь красивые ходики, которые чему-то служат, чем плохую статую, которая не служит ничему» [Пахсарьян, 2012, с. 532].

СХОДСТВА И РАЗЛИЧИЯ В СВЯЗАННЫХ С ЭСТЕТИЧЕСКИМИ ВОЗЗРЕНИЯМИ АСПЕКТАХ ПОЭТИКИ

В отношении системы ценностей прерафаэлитов, в особенности говоря о второй волне прерафаэлитизма, высказывались мысли о так называемой «религии красоты»¹, что заметно расходилось с викторианскими взглядами на церковь. В отношении Морриса, к примеру, упоминается то, что он «принадлежал к истинным поклонникам красоты», а «церковный ритуал являлся для него лишь формой стиля» (цит. по: [Седых, 2009,

¹ К примеру, в эссе Ф. У. Г. Майерса «Rossetti and the Religion of Beauty» (1885).

с. 157]). Такая художественная практика закономерно возникла в условиях кризиса христианской мысли в викторианской Англии, позволяя почитать красоту вместо Бога (А. Ч. Суинберн, У. Моррис), красоту как Бога или его ипостась (Д. Г. Россетти) и Бога через красоту (К. Россетти), что соотносится с предложенным А. В. Лукьяновым разделением на «светских» и «христианских» прерафаэлитов. В этом ключе поэзия прерафаэлитов значительно уходит от Парнаса, чей подход к возвышению и обособлению позиций искусства изначально был более объективен и не включал в себя теософских исканий. В поэзии прерафаэлитизма с ее «субъективной мечтой» нет стремления к обезличиванию; учитывая индивидуальные стиливые и мировоззренческие различия между поэтами прерафаэлитами, она не может полностью исключить собственный лирический голос. Тогда как гибридный подход прерафаэлитов к религии позволил им искать вдохновение и модифицировать в своем творчестве глубоко религиозное искусство Средних веков и сочетать его с языческими элементами.

Восприятие Средневековья в качестве основного эстетического ориентира становится еще одним моментом, разделяющим прерафаэлитов и парнасцев. Готье и его последователи видели таковой античность, а в отношении сменившей ее эпохи доходили до презрения. Леконт де Лиль считал, что «вслед за совершенством и гармонией Гомера, Эсхила и Софокла последовала литературная традиция, не продемонстрировавшая ничего, кроме упадка и варварства» [Рубинс, 2003, с. 72]. Сочетание романтических и неоклассических черт являлось определяющим для поэтики парнасцев, отразившись в спектре признаков от систематического подхода к формированию концепции поэтического языка до выбора лексических средств, подчиненных задаче воспроизведения пластических эффектов. Отсутствие упора на антиклизацию сместило векторы развития сходных элементов творчества прерафаэлитов, хотя те ни в коей мере не отбрасывали античное наследие. Прерафаэлиты широко использовали античные сюжеты и образность в собственном творчестве, о чем свидетельствует ряд произведений, задействовавших подобные элементы (У. Моррис «Жизнь и смерть Ясона», 1867; Д. Г. Россетти «Город Троя», 1869–1870; А. Ч. Суинберн «Сад Прозерпины», 1866 и др.).

Попытки парнасцев выделить архетипические черты, возродить исконные языковые эффекты и вернуться «к истокам», «прозрачности языка и мира» (цит. по: [там же, с. 96] перекликаются с прерафаэлитической идеей возвращения

к искренности «наивного» искусства, существовавшего до рафаэлитов с его более интимной индивидуальностью. Это проявилось в тщательной работе с текстами предыдущих эпох и попытках возродить и модифицировать в собственном творчестве их лексико-стилевые и жанровые особенности. В обоих случаях имело место лингвистическое новаторство через возрождение «утраченных» форм. Однако важным отличием здесь становится то, что богатый реминисценциями, истинно аллюзивный стиль поэзии парнасцев – и особенно Т. Готье – противопоставляется мифотворческому подходу прерафаэлитов. Там, где стихи Готье открыто интертекстуальны, произведения прерафаэлитов могут заимствовать стилистику, топос и даже систему образов, при этом создавая собственные сюжеты или качественно смещая акценты в тех, что они одалживают. Поэзия прерафаэлитов представляет собой не игру с предыдущими эпохами и не отсеивание их художественных результатов, чтобы вычленить идеальное искусство, но часто попытку создания нового произведения, функционирующего в тех же художественных реалиях.

Одним из ключевых моментов, непосредственно связывающих представления парнасцев и прерафаэлитов, стало представление о синтезе искусств. Тесное взаимодействие между различными искусствами, проявившееся в европейской культуре XIX века, приводит к переосмыслению самого понятия «художник», которое теперь включало не только живописцев, но и писателей, поэтов, музыкантов, скульпторов¹. У. Моррис, увлекавшийся помимо поэзии живописью, декоративно-ремесленными искусствами и архитектурой, связывал распад синтеза искусств в буржуазную эпоху с общим упадком культуры и придавал большое значение его восстановлению, так как «...только синтез искусств дает подлинную красоту, поскольку он содействует тому, что весь окружающий человека предметный мир становится... отпечатком его образа жизни и утверждением его идеала» [Ванслов, 1987, с. 91].

В концепции тех и других синтез искусств играл важную роль. Воззрения парнасцев, однако, предполагали неравное положение искусств с главенством поэзии (по Т. де Банвилю) или же устанавливает превосходство изобразительного искусства и особенно скульптуры (по Т. Готье). Иерархия искусств, которую исповедовали парнасцы, не вполне соответствовала позициям прерафаэлитов, исповедовавших более эгалитарное

¹Это отражено, к примеру, в журнале «Художник» (L'Artiste) и, в частности, в опубликованном в нем манифесте Жюль Жанена «Быть художником» (Etre artiste).

отношение к его видам. Совпадение целей прерафаэлитизма в его литературной и визуальной формах утверждают собой их тождество. Н. И. Соколова указывает на то, что в объединении живописи и поэзии состояла одна из главных задач прерафаэлитизма [Соколова, 1995]. Тогда как Готье отвергал музыку как низшее из искусств, прерафаэлиты были ближе к тем парнасцам, которые стремились «обогащать просодию за счет музыкальности» [Рубинс, 2003, с. 84]. Прерафаэлитов интересовала не столько сама музыка, сколько «мысли и чувства, возбуждаемые в слушающем мозге», а также большая «проникающая способность» языка, рожденного из музыки [Helsinger, 2009]. Музыка, таким образом, становится еще одной формой творчества прерафаэлитов, поскольку литературный прерафаэлитизм использует музыку для создания воплощенного опыта звука в поэзии. Переосмысление теории возвышенного Д. Рескина, соединяясь с китсианским пониманием целей поэзии, превращается у них в попытку достижения «материального возвышенного, дистиллирующего коренящиеся в реальном ощущения (зрительные, слуховые, вкусовые и тактильные), в другую, возможно, более высокую или, по крайней мере, более прочную, но не менее материальную форму: сенсорные качества краски на холсте или производимой и слышимой и написанной на бумаге поэзии» [Helsinger, 2020, с. 289].

В обоих случаях результатом понимания поэтического потенциала живописных, музыкальных и пластических характеристик и модификации романтической традиции в русле собственных идей об обновлении искусства стало качественное преобразование путей взаимодействия разных видов искусств в поэтическом тексте.

Подобный подход отразился в первую очередь в особенном внимании к визуальной модальности произведений: живописности, пластичности и вещественности поэтического языка представителей обоих явлений; и, во-вторых, в тенденции выбора жанра произведения в пользу более «статических» вариантов, таких как сонет и экфрасис, что особенно заметно в творчестве Д. Г. Россетти и Т. Готье.

Les quatrains du Sonnet sont de bons chevaliers
Cretes de lambrequins, plastronnes d'armoiries,
Marchant pas egaux le long des galeries
Ou veillant, lance au poing, droits contre les piliers.
T. Gautier. Le Sonnet
(*A matre Claudius Popelin, mailleur et pote*)

Сонетные катрены – как рыцари на вид.
С наметами на шлемах, в нагрудниках с гербами.

Идут вдоль галерей парадными шагами.
Стоят настороже, в руках копье и щит.

Т. Готье Сонет
(*Мэтру Клодиусу Поплону, эмальеру и поэту*)
Перевод В. М. Кормана

A Sonnet is a moment's monument, –
Memorial from the Soul's eternity
To one dead deathless hour.
Look that it be,
Whether for lustral rite or dire portent,
Of its own arduous fulness reverent:
Carve it in ivory or in ebony,
As Day or Night may rule; and let
Time seelts flowering crest impearled and orient.
D. G. Rossetti. Introductory Sonnet

Сонет – бессмертью посвященный миг,
Алтарь неведомого ритуала
Души, что в бренном мире воссоздала
Осколок Вечности; ночной ли блик
В нем отражен иль солнца жгучий лик,
Свет мрамора иль черный блеск сандала, –
От шпиля гордого до пьедестала
Он должен быть слепительно велик.
Д. Г. Россетти. Вступительный сонет
Перевод Г. М. Кружкова

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Творческие пути французских парнасцев и английских прерафаэлитов находят в себе ряд параллелей, что отразилось в понимании целей искусства; служении прекрасному; опоре на синтез искусств; лексическом и формальном «новаторстве», ставшем результатом обращения к памятникам прошлого; живописности поэтического языка и особому вниманию к жанрам сонета и экфразы. В качестве маргинальных явлений, существующих на границах позднего романтизма, их творчество послужило движущей силой эстетической модернизации искусства.

Однако при всем обилии сходных черт, включающих не только тенденции, но и общность романтического происхождения, между ними существовали и значительные различия. В первую очередь это проявилось в противопоставлении эстетических ориентиров: взгляды парнасцев во многом определялись их неоклассической направленностью, тяготением к вычленению идеала из сырого материала, пафосу и бесстрастности. Тогда как прерафаэлиты нашли свой в средневековом искусстве: развивая психологическое направление в трактовке

средневековых и античных легенд, они стремились к гармонии, подчиняя догматы «искусства для искусства» своим собственным представлениям, что,

помимо прочего, вылилось в уникальное отображение гибридной христианско-языческой религиозности в части их произведений.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Жирмунский В. М. Немецкий романтизм и современная мистика / предисл. и коммент. А. Г. Аствацатурова. Санкт-Петербург : Axioma : Новатор, 1996.
2. Ruskin J. *Modern Painters*. V. 1. Sunnyside, Kent : G. Allen, 1888.
3. Лукьянов А. В. Эстетизм и декаданс в викторианской поэзии // Истинная сущность любви: Английская поэзия эпохи королевы Виктории / сост. А. В. Лукьянов ; пер. А. В. Лукьянова, А. В. Савина, В. М. Кормана, С. Г. Шестакова. М. : Водолей, 2019. С. 64–67.
4. Connolly T. E. *Swinburne's Theory of the End of Art*. Baltimore : ELH, 1952. Vol. 19. № 4. P. 277–290.
5. Singletary S. *James McNeill Whistler and France: A Dialogue in Paint, Poetry, and Music*. Milton Park, Abingdon: Taylor & Francis, 2016.
6. Benson P. *Pre-Raphaelites: The First Decadents*. PhD dissertation, Denton, Texas, 1980.
7. Zenkin S. N. Работы по французской литературе. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1999. С. 170–200. URL: 19v-euro-lit.niv.ru/19v-euro-lit/articles-fra/zenkin-teofil-gote.htm
8. Соколова Н. И. Литературное творчество прерафаэлитов в контексте «средневекового возрождения» в викторианской Англии: дис. ... д-ра филол. наук. М., 1995.
9. Faulkner P. *The Odd Man Out: Morris Among The Aesthetes*. *The Journal of the Decorative Arts Society* 1850 – the Present. *The Decorative Arts Society 1850 to the Present*. 2010. No. 34. P. 76–91.
10. Косиков Г. К. Теофиль Готье, автор «Эмалей и Камей» // Готье Т. Эмали и камеи: сборник / сост. Г. К. Косиков. М. : Радуга, 1989. С. 5–28.
11. Harvey C., Press J. William Morris. *Art and Idealism. Victorian Values: Personalities and Perspectives in Nineteenth-Century Society*. Boston: Addison Wesley Longman, 1996. P. 201–213.
12. Пахсарьян Н. Т. Романическая проза Теофиля Готье: между реальностью и воображением // Готье Т. Романическая проза. М. : Ладомир : Наука, 2012. Т. 1. С. 521–550.
13. Седых Э. В. Творчество У. Морриса в контексте эстетизации Средневековья и взаимодействия литературы с другими видами искусств: дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 2009.
14. Рубинс М. Пластическая радость красоты: Экфрасис в творчестве акмеистов и европейская традиция. СПб. : Академический проект, 2003.
15. Ванслов В. В. Моррис об архитектуре и синтезе искусств // Эстетика Морриса и современность / под ред. В. П. Шестакова. М. : Изобразительное искусство, 1987. С. 85–95.
16. Helsinger E. K. *Listening: Dante Gabriel Rossetti and the Persistence of Song*. *Victorian Studies*. 2009. Vol. 51(3). P. 409–421.
17. Helsinger E. K. *Swinburne's Expansive Poetics // Defining Pre-Raphaelite Poetics* / Ed. by H. B. Witcher and A. K. Huseby. London : Palgrave Macmillan, 2020. P. 282–307.

REFERENCES

1. Zhirmunskij, V. M. (1996). *Nemeckij romantizm i sovremennaya mistika* = German Romanticism and modern mysticism. With introduction and commentary by A. G. Astvacaturov. St. Petersburg: Axioma : Novator publ. (In Russ.)
2. Ruskin, J. (1888). *Modern Painters*. V. 1. Sunnyside, Kent: G. Allen.
3. Luk'yanov, A. V. (2019). *Estetizm i dekadans v viktorianskoj poezii* = Aestheticism and decadence in Victorian poetry. *Istinnaya sushchnost' lyubvi: Anglijskaya poeziya epohi korolevy Viktorii* = True nature of love: English poetry of the epoch of Queen Victoria (pp. 64–67). Collected by A. V. Luk'yanov; tr. by A. V. Luk'yanov, A. V. Savin, V. M. Korman, S. G. Shestakov. Moscow: Vodoley publ. (In Russ.)
4. Connolly, T. E. (1952). *Swinburne's Theory of the End of Art*, 4(19), 277–290. Baltimore: ELH.
5. Singletary, S. (2016). *James McNeill Whistler and France: A Dialogue in Paint, Poetry, and Music*. Milton Park, Abingdon: Taylor & Francis.
6. Benson, P. (1980). *Pre-Raphaelites: The First Decadents*. PhD in Philology. Denton, Texas.
7. Zenkin, S. N. (1999). *Teofil' Got'e i «iskusstvo dlya iskusstva»* = Theophile Gautier and «art for art's sake». Zenkin S. N. *Raboty po francuzskoj literature* = Works on French literature (pp. 170–200). Ekaterinburg: Ural University publ. (In Russ.)
8. Sokolova, N. I. (1995). *Literaturnoe tvorchestvo prerafaelitov v kontekste «srednevekovogo vozrozhdeniya» v viktorianskoj Anglii* = Literary works of the Pre-Raphaelites in the context of the «medieval renaissance» in Victorian England: PhD in Philology. Moscow. (In Russ.)

9. Faulkner, P. (2010). The Odd Man Out: Morris Among The Aesthetes. *The Journal of the Decorative Arts Society 1850 – the Present*, 34, 76–91. (The Decorative Arts Society 1850 to the Present.)
10. Kosikov, G. K. (1989). *Teofil' Got'e, avtor «Emalej i Kamej» = Theophile Gautier, the author of «Enamels and Cameos». Gautier T. Emali i kamei = Enamels and Cameos: collected works (pp. 5–28). Compiler G. K. Kosikov. Moscow: Raduga publ. (In Russ.)*
11. Harvey, C., Press, J. (1996). William Morris. Art and Idealism. Victorian Values: Personalities and Perspectives in Nineteenth-Century Society (pp. 201–213). Boston: Addison Wesley Longman.
12. Pakhsar'yan, N. T. (2012). Romanicheskaya proza Teofilya Got'e: mezhdu real'nost'yu i voobrazheniem = Novelistic prose of Theophile Gautier: between reality and imagination. *Gautier T. Romanicheskaya proza*, 1, 521–550. Moscow: Ladimir : Nauka publ. (In Russ.)
13. Sedykh, E. V. (2009). *Tvorchestvo U. Morrisa v kontekste estetizatsii Srednevekov'ya i vzaimodejstviya literatury s drugimi vidami iskusstv = The works of W. Morris in the context of the aestheticization of the Middle Ages and the interaction of literature with other kinds of art: PhD in Philology. St. Petersburg. (In Russ.)*
14. Rubens, M. (2003). *Plasticheskaya radost' krasoty: Ekphrasis v tvorchestve akmeistov i evrop. Tradiciya = The plastic joy of beauty: ekphrasis in the works of Acmeists and the European tradition. St. Petersburg: Akademicheskij proekt. (In Russ.)*
15. Vanslov, V. V. (1987). *Morris ob arhitekture i sinteze iskusstv = Morris on arts' synthesis. Shestakov V. P. Estetika Morrisa i sovremennost' = Morris's aesthetics and modernity (pp. 85–95). Moscow: Izobrazitel'noe iskusstvo. (In Russ.)*
16. Helsinger, E. K. (2009). Listening: Dante Gabriel Rossetti and the Persistence of Song. *Victorian Studies*, 51(3), 409–421.
17. Helsinger, E. (2020). Swinburne's Expansive Poetics. In H. B. Witcher and A. K. Huseby (eds.), *Defining Pre-Raphaelite Poetics* (pp. 282–307). London: Palgrave Macmillan.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Назарова Татьяна Викторовна

аспирант кафедры русской и зарубежной литературы филологического факультета
Российского университета дружбы народов

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Nazarova Tatiana Victorovna

PhD student of Department of Russian and Foreign Literature, Faculty of Philology
Peoples' Friendship University of Russia

Статья поступила в редакцию 15.09.2022
одобрена после рецензирования 14.10.2022
принята к публикации 14.11.2022

The article was submitted 15.09.2022
approved after reviewing 14.10.2022
accepted for publication 14.11.2022

Научная статья

УДК 82.091

DOI 10.52070/2542-2197_2022_13_868_141

«Что значит имя?» (по следам романа Дж. Керуака «Сатори в Париже»)

С. П. Толкачев

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия

stolkachov@yandex.ru

Аннотация. В статье идет речь об одном из последних романов американского писателя-битника Джека Керуака «Сатори в Париже» как о произведении, в котором прозаик превращает свою поездку во Францию с целью найти истоки своей родословной корней в экзистенциальное приключение. Попытка обрести идентичность для писателя становится как поводом для творчества, так и «сказавшимся» произведением (А. П. Бондарев), которое непредсказуемым образом превращается в одну из ярких страниц его биографии и судьбы.

Ключевые слова: писатели-битники, «сказавшееся» произведение, этнокультурная идентичность, дзен-буддизм

Для цитирования: Толкачев С. П. «Что значит имя?» (по следам романа Дж. Керуака «Сатори в Париже») // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2022. Вып. 13 (868). С. 141–147. DOI 10.52070/2542-2197_2022_13_868_141

Original article

What Does the Name Mean (following the footsteps of J. Kerouac's Novel "Satori in Paris")

Sergey P. Tolkachev

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia

stolkachov@yandex.ru

Abstract. The article deals with one of the last novels of the American beatnik writer Jack Kerouac "Satori in Paris" as a work in which the author turns his trip to France in order to find the origins of his ancestral roots into an existential adventure. The attempt to find an identity for the writer becomes both an occasion for creativity and a "spoken" literary work (A. P. Bondarev) which unpredictably turns into one of the bright pages of his biography and fate.

Keywords: beatnik writers, self-begetting literary work, ethno-cultural identity, Zen Buddhism.

For citation: Tolkachev, S. P. (2022). What does the name mean (following the footsteps of J. Kerouac's novel «Satori in Paris»). Vestnik of the Moscow State Linguistic University. Humanities, 13(868), 141–147. 10.52070/2542-2197_2022_13_868_141

ВВЕДЕНИЕ

В одном из своих поздних романов «Сатори в Париже» (1966) американский писатель-битник Джек Керуак повествует о своей поездке в Париж в поисках следов своей родословной и о попытках творческого переосмысления природы литературного вдохновения и своего происхождения с точки зрения французской истории. В отечественном и западном литературоведении было немало попыток проанализировать прозу писателя. Так, очень интересные статьи по творчеству Дж. Керуака были опубликованы различными авторами (Ю. Ю. Васильева, А. О. Школьская, 2016; Ахмедова, 2015) и др. На Западе известны исследования Ж. Трюдо, Р. Вайнрайха и т. д. Роман Керуака «Сатори в Париже» не рассматривался подробно отечественными литературоведами, что обуславливает актуальность данного исследования. Это произведение также не анализировалось и с точки зрения природы творчества и как «сказавшееся произведение» [Бондарев, 2020] данное произведение также не анализировалось, и в этом состоит новизна нашего изыскания.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Роман Керуака «Сатори в Париже» – своего рода «путешествие на край ночи» (Л.-Ф. Селин), в котором делается попытка собрать воедино и расшифровать архетипы французской идентичности и культуры, которые Керуак «разбросал» по своей Легенде о Дулуозе, герое многих его романов, превратившемся в творческую реальность мифе всего литературного наследия американского писателя. Этот миф пронизан приемами деконструкции, которые позволяют лучше понять как смысл цели, поставленной Керуаком перед собой, так и контекст французских аллюзий и реминисценций во всей Легенде, то есть корпусе всех его романов. Процесс деконструкции, начатый в Керуаком в «Биг-Суре», достигает в романе «Сатори в Париже» своей кульминации, превращая Легенду о Дулуозе в реальные факты биографии.

В письме одному своему другу Керуак признался, что всегда хотел создать «эпос, преисполненный великой красоты и мистического смысла» [Trudeau, 2006]. Примерно двадцать лет спустя в авторском вступлении к «Биг Суру» он определит рекомендации для восприятия всего своего литературного наследия: «Мое творчество – одна огромная книга, подобная роману-эпопее Пруста. Первые издатели не разрешали мне использовать одни и те же имена персонажей в каждом

произведении, потому я менял Дулуоз на что-то другое» [Kerouac, 1962, с. 3].

Масштаб, стоящий за Легендой, переключается с литературной жизнью и странствиями писателя, стремившегося вернуться к истокам своей идентичности, которые должны были принять форму вечного возвращения к топологии воображаемого мира, ставшего отчасти реальным, отчасти легендарным. На самом деле происхождение Легенды коренится в путешествии в прошлое, которое, как считает писатель, является необходимым инструментом для деконструкции и воссоздания характера этого *homo franco-americanus* – Джека Дулуоза.

Легенда о Дулуозе – огромный творческий проект, синтезированный из историй и притч с многочисленными рассказчиками – родственниками, друзьями (дядя Майк, тетя Луиза, Мемер, Джеки), встречающимися во многих романах Керуака. Метод написания Легенды состоял в наложении друг на друга голосов и сюжетов, зачастую неправдоподобных, хотя все они способствовали тому, чтобы показать важность восстановления родословной писателя в процессе строительства им грандиозного здания своего творчества. Эта полифония монологов и топосов станет для Керуака материалом для написания семейной саги. Именно в этом наложении и переплетении историй, фантазий и семейных легенд, полных пробелов и недомолвок, Керуак собирается сплести собственную легенду и добавить свою глубоко личностную версию сказки.

В самом начале писатель располагал скудной информацией о своих предках, и он суммировал ее в письме одному своему другу 1964 года. Эти факты станут ключевыми в легенде: «Вы должны знать мою родословную: Lebris de Keroack – это то, как имя дается в «Rivista Araldica», с девизом «Aimer, Travailler, Souffrir» и «Un clous d'argent» на синем поле. «Originaire de Quebec», пионеры Квебека – и они были из Бретани – и капитан Франсуа Александр Лебрис де Керак женился в 1750-х годах на индианке, так что сегодня одна из четырех наций ирокезов называется «Кируак», а другая – «Левеск» (фамилия моей матери). Поэтому я горжусь своими предками и не буду осквернять их могилы доносами о том самом небе, под которым они страдали, в «новом свете» [Trudeau, 2006, с. 184]¹.

Изначально собранная Керуаком информация о своих предках очень скудна, и он понимает, что ему придется сначала расширить свои генеалогические изыскания, прежде чем публиковать их в «Сатори в Париже». Эта одержимость поиском своей родословной лежит в основе желания обрести

¹Зд. и далее перевод наш. – С. Т.

идентичность – как франко-американского канадца и как писателя – и подразумевает поиск значения имени Керуак / Дулуоз, его этимологии, включение его в контекст истории и возвращение во времени и пространстве к эпохе, когда легенды преобладали над историческими фактами.

Опубликованная в 1966 году книга «Сатори в Париже» представляет собой один из последних этапов создания Легенды. Это история поездки Керуака во Францию в поисках фактов о своей родословной. Роман лишен новаторских стилистических качеств предыдущих произведений писателя, выражавшихся в крайних формах спонтанности, и таит в себе интонации скрытой внутренней полемики автора с самим собой, что позволяет лучше понять не только задачи, поставленные Керуаком, но и смысл французских аллюзий во всей Легенде о Дулуозе как в своеобразном метатексте. Значение одноименного сатори как внутреннего персонального переживания, а в нашем случае – как момента творческого озарения возможно, является ключом к построению мифа, который Керуак создал в разные периоды написания своей Легенды.

Речь идет не только о поиске французской родословной и обретении подлинного имени, но и о самом процессе переосмысления французских связей. «Что значит имя?» – это шекспировский вопрос из «Ромео и Джульетты», который Керуак задает себе, и, возможно, он и едет во Францию, чтобы на него ответить. Процесс деконструкции, начатый в романе «Биг-Сур», завершает «Сатори в Париже», придавая самое важное значение созданию легендарной родословной, последним потомком которой был бы Дулуоз / Керуак, Жан Луи Лебрис, принц Бретани, как он себя толи в шутку, то ли в серьез себя называл. «Сатори в Париже» – это путешествие, в ходе которого рассказчик пытается расшифровать, переосмыслить и прояснить французские символы, встречающиеся во всех его романах, связанных сюжетно и идейно, путешествие которое должно завершиться просветлением, вынесенным в заглавие этого произведения.

На первой странице сталкиваешься с вводным замечанием автора: Случилось так, что в какой-то из десяти проведенных мною в Париже (и Бретани) дней я испытал особого рода озарение, которое, казалось, вновь изменило меня, задав направление всей моей жизни на ближайшие лет семь, а может и больше: по сути, это было сатори: японское слово, означающее «внезапное озарение», или «внезапное пробуждение...»¹.

Таким образом, читатель постепенно подготавливается к моменту озарения. Несмотря на

попытку дать ему точное определение – «сатори», японский термин может быть переведен по-разному: «внезапное пробуждение», «внезапное озарение» или даже просто – «удар в глаз».

Однако в следующей главе рассказчик подтверждает, что существует объяснение этого сатори, тайна которого действительно может быть раскрыта в свое время при одном условии: если он расскажет, что произошло с самого начала. Таким образом, автор интригует читателей, предлагая им подождать, пока они не дочитают повествование о приключении до конца и не достигнут кульминации и развязки.

Подчеркивая автобиографический характер романа, автор настаивает на том, что тема книги – «история о моих поисках этого имени [Лебри де Керуак] во Франции» – каким-то образом требовала использования жанра романа-травелога или расследования. Одержимость Керуака поиском своей генеалогии в последние годы жизни выражается в том, что он задает себе и другим многочисленные вопросы по поводу своих фамилии и имени, которые нужно идентифицировать, проверить и которым нужно придать смысл.

Пытаясь создать историю, стоящую за его именем, и сделать ее повествовательной основой романа «Сатори в Париже», автор вписывает свои поиски в свою отчасти реальную и в то же время мифологическую генеалогию и пишет свою Легенду. Загадка вокруг его имени, таким образом, не решается, а переносится в пространство вымысла. Нет никакой разделительной линии между Керуаком и Дулуозом – только загадки и мириады объяснений, придающие названиям и именам эпический масштаб.

Желание Керуака найти корни своей фамилии уже заложено в его предисловии к роману «Биг-Сур». Легенда обладает прустовским и даже балзаковским масштабом и свидетельствует о желании писателя зафиксировать ее на чувствительной пластине искусства, а, возможно, вписать ее в историю литературы наряду с великими европейскими и французскими писателями. Но прежде чем Керуак сможет запечатлеть свое имя в истории, он должен придать ему смысл, доказать, что оно существует, пусть даже не на самых главных страницах прошлого.

Неопределенность этимологии имени неоднократно подчеркивалась биографами Керуака. В частности, будущий писатель был крещен как Жан-Луи Кируак. В свидетельстве о рождении его зовут Жан-Луи Лебри де Керуак, то есть именно так, как он называет себя в «Сатори в Париже». С самого начала в фамилию просочилась ошибка, так что неправильное написание имени подтверждает

¹Зд. и далее ссылки на источник приводятся по: [Керуак, 2015].

проблему с уточнением родословной, тем самым побуждая писателя заполнить пробелы, исправить опечатки и подробно остановиться на этой дворянской частице «де». Это нечто большее, чем просто поиск имени: в этом и заключается смысл такого поиска, начиная с истоков. Дело не столько в том, чтобы найти своих предков – важнее придать этому имени смысл, восстановить изначальное значение, в котором этому имени было отказано. Это тем более важно, если связать этот вопрос с отношением Керуака к своему этническому происхождению и с возможностью анализа этого поиска через призму дискурса о происхождении и этносе.

Как замечает исследователь Р. Вайнрайх, «...согласно этнической семиотике, вначале было имя. Чтобы узнать, кто он такой, жаждущий истины должен понять, откуда произошло его имя. Этнический дискурс – это дискурс оснований жизни» [Weinreich, 1987, с. 81]. Это утверждение перекликается с проблематикой, лежащей в основе ономастического исследования Керуака и его транспонирования в «Легенду». Таким образом, проблема имени заключается в необходимости построить для себя генеалогию, возможно, престижную. Написание легенды в конечном счете можно было бы истолковать как попытку разработать сюжет, стоящий за этим именем, найти историю его происхождения. При этом важно отметить, что, обнаружив свою сущность, заложенную, в фамилии, человек может изменить угол зрения на этнический и начинает осознавать себя как социальный субъект, принадлежащий к определенной общности [там же]. Если сознательный этнический взгляд и точка зрения Керуака и могут быть кем-то опровергнуты, никто не отрицает, что, пытаясь написать историю возникновения имени, писатель неявно и бессознательно осуществляет национально-ориентированный подход к миру своей Легенды.

Как подчеркивает Керуак в зачине романа, он использует свое настоящее имя и полную фамилию, а не литературный псевдоним Дулуоз, чтобы это соответствовало характеру поставленной задачи. Для этого поиска, по-видимому, необходимо приоткрыть завесу и стереть американскую транслитерацию фамилии, чтобы найти ее французские истоки. Первый шаг к такому поиску – штудирование французских газет и поиск письменных доказательств существования родословной, но прежде всего – реальность существования фамилии. Тогда путешествие точно будет сосредоточено на смысле, который и должно раскрыть сатори. Поэтому Керуак отправляется в путешествие, вернее, в турне по парижским и бретонским библиотекам. Дорога приводит его во Французскую национальную библиотеку и Библиотеку Мазарини. Потом

Керуак направляется в библиотеку, La Bibliotque Nationale, просмотреть список офицеров монкальмовской армии в Квебеке 1756 года, а также словарь Луи Морери, и отца Ансельма и так далее, всё что есть о королевском доме Бретани.

Но поиски Керуака оказываются безуспешными, поскольку «немцы разбомбили и сожгли все их французские документы в 1944-м». Уничтожение бумаг – исторический пробел, отрицающий любую возможность вписать имя в историю и прежде всего, подтвердить его подлинность. Однако рассказчику нужно найти эту фамилию для того хотя бы, чтобы проследить ее географическое путешествие. Ему абсолютно необходимо, в любом случае, хоть как-то подтвердить свои исследования. Читатель при этом задается вопросом: что на самом деле мотивирует рассказчика – объект поиска или сам поиск как таковой? На самом деле это исследование является исчерпывающим и длительным творческим квестом, моральным испытанием, которое в конечном итоге выходит за рамки самого романа.

Одним из важных имен для Керуака становится слово «любовь» – он узнал значение этого имени от пожилого туриста, который путешествовал автостопом и которого как-то раз писатель встретил в Сан-Франциско. Тот рассказал Керуаку, что означает слово любовь по-русски в нарицательном смысле. Читатель начинает понимать, что означаемое так же расплывчато, как и означающие. Однако такая неопределенность полезна рассказчику в его литературном проекте, потому что для написания Легенды нужны не столько точные факты, сколько престижные места, люди и даты.

Повествователь черпает факты отовсюду, в своем прошлом, в воображении. Например, когда речь заходит об одной из школьных учительниц Керуака, мисс Динен, он вспоминает, как она писала в своем дневнике:

Нам сказали, что их предки приехали из Франции, и фамилия их была де Керуак. Я всегда чувствовал, что они обладают достоинством и утонченностью аристократии.

Именно в этот момент Керуак выдвигает на первый план проблему, связанную с американизацией его имени Джек. Его раздражает несоответствие между тем, за кого он себя выдает (то есть человека французского аристократического происхождения), и тем, как звучит его имя, ибо Джек как распространенное имя воспринимается не очень аристократично. Писатель лихорадочно ищет хоть какие-то следы той старинной фамилии, следы которой можно было бы проследить на

протяжении любого длительного периода в прошлом:

Я приехал во Францию и Бретань, чтобы разыскать следы своего старого имени, которому около трехсот лет и которое за все это время ни разу не менялось, и кому это надо – менять имя, которое значит просто дом (Ker) в поле (Ouas) [...] Мне просто захотелось понять, почему моя семья так и не изменила своего имени и, кто знает, может тут обнаружится что-то интересное, и можно будет проследить ее историю в прошлом Корнуолла, Бретани, Уэльса, Ирландии, может быть, и ранней Шотландии, так мне кажется, а потом вперед, вплоть до канадского городка на реке Святого Лаврентия...

В конце концов Керуак не только заинтересован в том, чтобы прояснить этимологию своей фамилии «Керуак», но он сам ищет и точное происхождение второй части своей фамилии Лебрис. На этом этапе развития сюжета «этимологическое» путешествие продолжается в Бретани, где постоянно возникают ассоциации между именами и топонимами, и это вдохновляет рассказчика на поиск истинной связи между именем и землей его предков:

...я знаю, что изначально бретонцы назывались бретонами (то есть бретонец – Le Breon), мое второе имя звучит как “Le Bris”, и вот сейчас я нахожусь в городе, называемом “Брест”.

Кажется, всё идет к успешному завершению квеста, но, как саркастично подчеркивает владелец бара в Бресте Фурнье, он скорее покинул бы место, где мог встретиться с Лебрисами всех видов. Тем не менее хозяин заведения же вспоминает некоего человека по имени Улисс де Лебрис, которого он знал, и большинство его предков носили фамилию Лебрис де Лудеак. Его имя – смешение двух фамилий (Лебрис де Керуак и Лебрис де Лудеак), которое создает иллюзию частично успешного поиска. Тем не менее тайна, скрывающая генеалогию и этимологию фамилии, как и прежде, является прекрасным материалом для сочинения мифов и легенд.

Поскольку ономастика стала фундаментом для поиска и одновременно поводом для создания беллетристического произведения, связь между этимологией и генеалогией имени и написанием Легенды становится очевидной. По мере развития сюжета «Сатори в Париже» становится ясно, что мифология, окружающая это имя, важнее его этимологии, о чем свидетельствуют многочисленные литературные аллюзии, разбросанные по всему роману. Несколько раз упоминается фамилия Шатобриана, есть ссылки на фамилии Селина, Вольтера, Бальзака, Паскаля, де Монтерлана, Бретона, Вийона, Стендаля, Гюго, Пруста.

Таким образом, автор заставляет читателя задаться вопросом, не может ли поиск литературных предков быть более важным, чем поиск реальных прародителей. Как объясняет Керуак в четырнадцатой главе, его поездка во Францию была вдохновлена чтением Вольтера, Шатобриана и де Монтерлана. Тень не только французских, но и ирландских писателей сопутствует этому квесту. Например, лестница, используемая для поиска книг на полках Библиотеки Ришелье, о которой упоминает рассказчик, напоминает ему эпизод с падением Финнегана в романе Джойса.

Звучность имени, его коннотация представляют для него больший интерес, чем само имя. Финнеган, как и его усеченная форма Финн, является прямым эхом как «Поминок по Финнегану» Джойса, так и «Гекльберри Финна» Марка Твена. Реальный мотив генеалогических и этимологических поисков выходит на поверхность текста в форме интертекстуальных отсылок. Что на самом деле пытается сделать Керуак – чтобы признали его имя или его литературные достижения? С другой стороны, возникает вопрос: а существует ли вообще тесная связь между именем и творчеством, которая предполагает взаимозависимость одного от другого? Если мы вернемся к вопросу об ономастике и этимологии в связи с объединяющим псевдонимом Керуака в «Легенде о Дулуозе», то заметим, что он так же вписан в литературную мифологию, как и в генеалогические поиски. В самом деле, в «Сатори в Париже» Керуак даже пытается создать связь между этим вымышленным именем и родиной предков, но тщетно:

Я вслепую пытаюсь найти старое бретонское имя Даулас, из которого возникло переделанное Дулуоз, которое смеха ради я придумал в своей писательской юности, чтобы использовать вместо собственного имени в романах.

На самом деле это скорее напоминает некую литературную игру, которую Керуак затевает в романе. Гораздо более важна идея поиска как такового, возможно, даже миф о поиске и эта невероятная одиссея, в которую пускается Керуак, означающая невозможность экзистенциального воссоединения со страной предков. Например, местами писатель говорит о себе как о «маленьком принце Керуаке». Точно также на протяжении всего романа он превращает обычных персонажей, которых встречает, в принцев, подобных мимолетному образу из «Сатори в Париже» некоей «негритянской принцессы из Сенегала», чтобы это соответствовало высокому статусу заявленных поисков. Во многом таким же образом повторяющееся употребление прилагательного *бретонский* становится похожим на новую вывеску, мигающую перед взором читателя, которая беспорядочно освещает генеалогические и

географические изыскания. Хотя рассказчик считает, что имя Улисс де Лебрис, упоминание о котором связано с Брестом, каким-то невероятным образом связано с его судьбой, то он сам превращается в своего рода бродячего Улисса «Сатори в Париже», и природа его поисков и написания романа только сгущают туман в этом беллетристическом произведении, стремящемся притвориться документальным. У читателя благодаря этому возникает иллюзия бесконечности поиска, ощущение, что Керуаку предстоит пройти еще несколько испытаний, чтобы довести свое путешествие до конца.

В конце концов авторские отступления Керуака в романе, его исторические и лингвистические комментарии вводят читателей в состояние растерянности, не проясняя цели поиска, который с самого начала мог быть только поводом для творчества. К концу 14-й главы, еще не пройдя и половины пути, рассказчик уже тоскует по дому – пролептический знак, намек не только на то, чем закончатся поиски, но и доказательство того, как человек сам может полностью изменить свои планы в процессе творческих изысканий. Упоминание этого чувства ностальгии позволяет Керуаку еще раз косвенно представить идею сатори в связи с написанием книги:

И всё же эта книга о том, что неважно, как ты путешествуешь, «удачной» ли была твоя поездка, или ее пришлось сократить, ты всегда чему-нибудь учишься, учишься перемене своих мыслей. И, по своему обыкновению, я просто собрал все это в емком и тысячекратно выплеснутом «Вот!»

В этом *вот!* – заключительный взрыв энергии смеха, которая дает основания предположить, что в конце концов это путешествие и поиски могут быть прочитаны как фарс, как грандиозная комедия под названием «Легенда о Дулуозе»,

срежиссированная автором и обманывающая читателя в своих ожиданиях. Независимо от различных интерпретаций, которые рассказчик дает своим именам и фамилиям, они в конечном счете скорее размыывают, чем проливают свет на его поиски. Многочисленные определения писателя, по-видимому, становятся хранилищем означаемого, которым Керуак манипулирует, ибо он, по-видимому, предпочитает устные легенды, окружающие это имя, чем поиск истинного документального доказательства.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Перечисленные в данном исследовании жанровые особенности делают «Сатори в Париже» уникальным произведением. Роман фактически развенчивает миф, созданный Керуаком для себя и своей Легенды. Помимо того, что рассказчик был пьян почти всю дорогу, он представляет себя трусливым бретонцем и в то же время хитрым никчемным канаком [так на жаргоне называли канадцев – С. Т.], в определенной степени обманщиком, плутом, который понимает, что в отличие от Улисса он не возвращается домой мудрее. Для рассказчика так называемое «сатори» на самом деле является осознанием того, что он никогда больше не сможет вернуться домой в метафизическом смысле. Читатель узнает, что поездка могла быть просто предлогом для того, чтобы растратить на нее дивиденды Легенды о Дулуозе и, таким образом, найти какое-то место, если не в истории, то в беллетристическом сюжете, поскольку, по словам Ж. Трюдо, романы Керуака раскрывают невозможность франко-американских писателей вписать себя в историю [Trudeau, 2006]

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Бондарев А. П. «Дядя Ваня» – сказавшаяся пьеса А. П. Чехова // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Серия: Гуманитарные науки, 2020. Вып. 9 (838). С. 243–257.
2. Trudeau J. Jack Kerouac's spontaneous prose: a performance genealogy of the fiction: dissertation. Louisiana State University and Agricultural and Mechanical College, 2006.
3. Kerouac J. Big Sur. New York: Bantam Book, 1962.
4. Weinreich R. The Spontaneous Poetics of Jack Kerouac: A Study of the Fiction. Southern Illinois University, 1987.

REFERENCES

1. Bondarev, A. P. (2020). «Dyadya Vanya» – skazavshayasya p'sesa A. P. Chekhova // Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 9(838), 243–257. (In Russ.)
2. Trudeau, J. (2006). Jack Kerouac's spontaneous prose: a performance genealogy of the fiction: dissertation. Louisiana State University and Agricultural and Mechanical College.

3. Kerouac, J. (1962). Big Sur. New York: Bantam Book.
4. Weinreich, R. (1987). The Spontaneous Poetics of Jack Kerouac: A Study of the Fiction. Southern Illinois University.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Толкачев Сергей Петрович

доктор филологических наук, профессор
профессор кафедры отечественной и зарубежной литературы
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Tolkachev Sergey Petrovich

Doctor of Philology (Dr. habil), Professor
Professor of the Department of Russian and Foreign Literature
Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia

Статья поступила в редакцию 12.09.2022
одобрена после рецензирования 10.10.2022
принята к публикации 14.11.2022

The article was submitted 12.09.2022
approved after reviewing 10.10.2022
accepted for publication 14.11.2022

Научная статья

УДК 008

DOI 10.52070/2542-2197_2022_13_868_148

Культурно-прагматический потенциал слова в асимметрии лингвокультур мира

Л. С. Гуревич

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия

gurevich_ls@mail.ru

Аннотация. В статье анализируется феномен асимметрии лингвокультур мира как объективной причины проблемы межкультурной коммуникации. Культурно-прагматический потенциал слова лежит в основе асимметрии восприятия и интерпретации культурных знаков, так как национально-специфические смыслы по-разному трактуются в различных культурных контекстах. Прагматика культурного знака обладает высокой степенью неопределенности и интерпретативной вариативности. Терминологическая синонимия и перекрещивание смыслов осложняют анализ диалога культур.

Ключевые слова: культурный знак, лингвокультурема, культурно-этнический компонент, культурная пресуппозиция, лингвокультурные коннотации

Для цитирования: Гуревич Л.С. Культурно-прагматический потенциал слова в асимметрии лингвокультур мира // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2022. Вып. 13 (868). С. 148–156. DOI 10.52070/2542-2197_2022_13_868_148

Original article

The Cultural Pragmatic Potential Capacity of the Word in the Asymmetry of the World Linguocultures

Lyubov S. Gurevich

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia

gurevich_ls@mail.ru

Abstract. The article investigates the phenomenon of asymmetry as the objective reason of the intercultural communication problem. The cultural pragmatic potential capacity of the word accounts for the asymmetry of cultural signs perception and interpretation, since country-specific meanings are subject to conflicting interpretations in different cultural contexts. The cultural sign pragmatics exhibits elevated uncertainty and interpretative variability. Terminological synonymy and meanings blends complicate the dialog of cultures analysis.

Keywords: cultural sign, linguocultureme, ethnocultural component, cultural presupposition, linguocultural connotation

For citation: Gurevich, L. S. (2022). The Cultural Pragmatic Potential Capacity of the Word in the Asymmetry of the World Linguocultures. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 13(868), 148–156. 10.52070/2542-2197_2022_13_868_148

ВВЕДЕНИЕ

Размышляя об асимметрии лингвокультур мира, мы так или иначе отталкиваемся от всеобщей признанной гипотезы о том, что каждый язык по-своему членит мир, и каждый носитель языка видит мир под тем углом зрения, который ему подсказывает родной язык [Гумбольдт, 1985; Сепир, 1993; Уорф, 1960]. Мир по-особому концептуализируется в каждой отдельной лингвокультуре, структурируемой не только ее материальной составляющей, но и богатым набором исторических, географических, экономических и прочих детерминант. Взглянуть на мир глазами носителя другого языка удастся не каждому, познавшему грамматический строй и изучившему широкий пласт иноязычной лексики. Именно в этом заключается своего рода иллюзия знания того, что скрывается за понятными, на первый взгляд, словами. Адекватное восприятие такого важного компонента любой культуры, как национальный язык, невозможно без познания «плана содержания этого языка», и это не просто познание языковой семантики, это овладение языковой картиной мира этого национального языка как «системы его видения мира» [Корнилов, 2003, с. 79]. Изучение языка в данном ключе рассматривается как «продуктивный способ интерпретации человеческой культуры» [Ангелова, 2004, с. 3], открывающей дорогу, «как к пониманию стиля личности, так и к событиям жизни прошлых поколений» [Ельмслев, 1960, с. 131]. На пересечении понятий «язык», «культура» и «человеческая личность» возникает совершенно новый ракурс научного наблюдения, в котором язык рассматривается как человеческий феномен, выступающий как «...связующее звено жизни психической и жизни общественно-культурной и в то же время орудие их взаимодействия» [Бенвенист, 1974, с. 45].

Смещение фокуса научного интереса от языка к человеку и его ментальной деятельности, ставшее одним из существенных характеристик современного антропоцентризма в гуманитарных науках, привело к расширению границ языкового знания и возникновению лингвокультурологического направления, позволяющего анализировать не только «язык в себе и для себя», но и выходящие за пределы языка «оперативные, содержательные единицы памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга, всей картины мира, отраженной в человеческой психике», называемый Е. С. Кубряковой «концептом» [Кубрякова, 1996, с. 90].

Интересно отметить, что предпосылки такого «разрастания» лингвистического объекта исследования и развитие новых смежных гуманитарных направлений были предопределены еще научными

предсказаниями Ф. де Соссюра, который видел в сочетании парадигматических, синтагматических и словообразовательных связях некую «значимость», которая легла впоследствии в основу развития прагматики и прагматической семантики, отражающих «наиболее существенные для данной культуры смыслы, ценностные доминанты, совокупность которых и образует определенный тип культуры, поддерживаемый и сохраняемый в языке» [Карасик, 2004, с. 129]. В семантический состав концепта вошли прагматическая информация языкового знака, иллокутивные функции, «согласующиеся с «переживаемостью» [Степанов, 1997, с. 41] и «интенсивностью» [Перелыгина, 1993, с. 5] духовных ценностей, к которым он отправляет» (прив. по: [Ангелова, 2004, с. 4]).

В современных лингвокультурологических исследованиях сегодня, наряду с культурно-этническим компонентом, отражающим языковую картину мира носителей национального языка, в зону исследовательского интереса начинает входить изучение прагматического потенциала слова, определяемого как способность языковой единицы производить определенный коммуникативный эффект и осуществлять прагматическое воздействие на получателя [Комиссаров, 1999]. Особым, культурно-прагматическим потенциалом обладают фразеологизмы и идиомы в силу их способности к не прямой и косвенно-производной номинации, а также наличия оценочных характеристик номинируемых объектов в их семантической структуре. Дискурсивные языковые знаки сопоставляются с «национально-индивидуальными микромирами», которые содержат в себе «и нравственный закон, и здравый смысл, выраженные в кратком изречении, которые завещали предки в руководство потомкам» [Буславев, 1959, с. 204].

Изучение межкультурной коммуникации обозначило проблемные зоны, связанные с лингвокультурной асимметрией [Билз, 1997; Федоров, 2014; Леонтович, 2003], среди которых были выделены как наиболее значимые следующие аспекты:

1) *когнитивная память слова*, включающая в себя *семантические характеристики языкового знака и лингвокультурные коннотации*, где под последними подразумевается «интерпретация денотативного или образно-мотивированного аспектов значения в категориях культуры» [Телия, 1993, с. 214].

2) *прагматика языкового знака*;

3) *культурно-этнический компонент*¹, определяющий специфику семантики знака, отраженный в наивной национальной языковой картине мира.

¹См.: культурема [Вежицкая, 1999]; лингвокультурема [Воробьев, 1997].

Прагматическая составляющая смысла языковых единиц, которая либо «растворена» в их семантике в виде имплицитно присутствующих смыслов (коннотаций), либо объективируется в речи, прирастая дополнительными лингвокультурными смыслами из области экстралингвистики, приводит к лингвокультурной асимметрии коммуникации и становится серьезным препятствием в межкультурном общении

В рамках данного исследования обозначилась еще одна важная проблема – отсутствие единого терминологического аппарата и методологии исследования обозначенной проблемы. Интеграция трех значимых компонентов «язык», «культура» и «человек» в лингвокультурологическое исследование повлекла за собой параллельную интеграцию исследовательских методик и устоявшихся терминов в отдельных лингвистических, социальных, психологических и культурологических направлениях, в которых близкие по смыслу номинации имеют свое терминологическое соответствие. Компонентам лингвокультуры, обеспечивающим так называемую асимметрию лингвокультур в международном общении, также свойственна проблема перекрещивания смыслов в терминологии и терминологическая омонимия. На анализе некоторых из них остановимся далее.

ОСОБЕННОСТИ ПОНЯТИЙНОЙ СТРУКТУРЫ ТЕРМИНА «КУЛЬТУРНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ СЛОВА»

Термин «культурно-прагматический потенциал слова» еще не получил четкого определения в лингвокультурологии и в когнитивной лингвистике, а также не был описан в научной литературе или сопоставлен со смежными терминами, похожими по своим функциональным и номинативным характеристикам. Тем не менее по всем параметрам он обладает очень широким исследовательским потенциалом, поскольку аккумулирует в себе все признаки междисциплинарности.

С одной стороны, прагматический потенциал слова уже предопределяет особенности его функционирования, включая актуализацию этнокультурных принципов, принятых в языковом сообществе, конвенциональности и других характеристик коммуникативной деятельности, которые привносят дополнительные национально-специфические смыслы, понятные носителям языка и трудноуловимые для тех, кто только пытается постичь всю глубину иноязычного культурного знания. От прагматического потенциала слова зависит по большей части и собственно актуализируемая

прагматика речи, поскольку оба этих явления находятся в прямой зависимости друг от друга.

С другой стороны, термин «культурно-прагматический потенциал слова» указывает на то, что в основе прагматической специфики слова лежит культурный компонент, сужающий рамки возможных интерпретаций до уровня этнокультурных добавочных смыслов. Однако этот факт не приводит к усечению исследовательского поля до уровня совершенно малозначимого языкового явления. Наоборот, он способствует спецификации области знания, позволяя определить четкие границы приращения культурно-специфического смысла без внедрения в зону смежных областей межкультурной коммуникации, таких как коммуникативные стратегии и тактики, коммуникативные интенции партнеров, проксемические факторы и т. п., которые также по-разному трактуются в различных культурных контекстах.

Причина, по которой термин «культурно-прагматический потенциал слова» не получил должного развития, несмотря на то, что наличие этого явления в межкультурной коммуникации было отмечено около четверти века назад, кроется, на мой взгляд, в том, что понятие, номинируемое данным термином, находится в зоне пересечения смежных гуманитарных дисциплин, что не особо приветствуется приверженцами «чистой» науки и привносит некую хаотичность в научное описание данного явления. Исследование этого феномена требует также разработанного междисциплинарного подхода и своей специфической терминологии. Но главным препятствием для развития данного теоретического подхода является такая же междисциплинарная утилитарность термина. Культурно-прагматический потенциал слова может быть предметом научного исследования семантики, прагматики, теории коммуникации, дискурсивных исследований и пр., для которых будут важны одни характеристики исследуемого явления и индифферентны другие. Более того, некоторые характеристики могут оказаться противоречащими собственно научной концепции. Этот факт подтверждается ходом развития научной мысли.

История научных исследований свидетельствует о наличии неких пограничных фактов языка, которые долгое время не принимались классической наукой о языке, так как не вписывались в рамки узко-дисциплинарных концепций. Так, например, не сразу были признаны коннотации как часть семантической структуры слова. Пресуппозиции рассматривались в логике и отрицались в науке о языке. До появления когнитивного направления в лингвистике многие экстралингвистические

факторы вообще не учитывались в интерпретации языковых явлений.

Понятие «культурно-прагматический потенциал слова», аккумулирующее признаки междисциплинарных направлений, – сложное и многогранное по своей сути, но его особая ценность заключается в том, что в период развития интегративных исследовательских методик и междисциплинарности гуманитарного знания, когда в научном континууме появляется множество терминов, рожденных на стыке дисциплин, этот термин является емким и обобщающим, что очень важно для оптимизации и структурирования современного знания о культуре и языке.

Культурно-прагматический потенциал слова – очень емкое понятие. В нем прослеживается наличие некоего устойчивого ядра, соотносящегося с семантикой языковой единицы, и подвижная часть, связанная с ассоциативным приращением специфического лингвокультурного смысла в процессе функционирования языковой единицы в лингвокультурном пространстве. Именно специфика лингвокультурного пространства предопределяет всю ту уникальность формирования национальных языковых картин мира, которые мы изначально определили как специфическое «членение мира» посредством языка. Подвижным компонентом смысла данное приращение является потому, что языковая единица в процессе функционирования, по утверждению Л. П. Крысина, может приобретать, развивать, видоизменять и терять дополнительные лингвокультурные смыслы, когда с течением времени они становятся неактуальными [Крысин, 2008]. Это не семантика и не прагматика языковой единицы, это всего лишь прагматический потенциал, позволяющий дополнительным лингвокультурным смыслам появляться в определенных условиях и бесследно исчезать при отсутствии таковых.

Асимметрия национальных лингвокультурных смыслов заключается в том, что лексемы, являющиеся переводческими эквивалентами на уровне семантики, очень часто не совпадают по их прагматическому потенциалу, что может свести данную эквивалентность в определенных контекстах к нулю. Более того, дополнительные лингвокультурные смыслы лексем могут быть также асимметричны. Так, например, в русскоязычной лингвокультуре *чашка чая* не обладает специфическим лингвокультурным приращением (коннотацией), она не связана ни с какими особыми культурными ассоциациями. В то время, как в англоязычной лингвокультуре *to be one's cup of tea* рассматривается на более высоком уровне – уровне фразеологизмов, – на котором происходит значимая трансформация первичного смысла словосочетания.

На фразеологическом уровне словосочетания двух лингвокультур теряют свою эквивалентность, и фразы *это не моя чашка чая* и *it's not my cup of tea* («это мне не подходит») могут считаться эквивалентами перевода только для определенных контекстов, в которых актуализируется прямое (буквальное), а не фигуральное значение языковых номинаций.

Другой пример на уровне асимметричных лингвокультурных коннотаций в русскоязычной и англоязычной культурах – это символ Рождества. Данный лингвокультурный смысл является национально-культурным приращением к разным лексемам. В русскоязычном языковом сообществе – это *ель*, в англоязычном – *омела*. Культурно-прагматический потенциал слова здесь обусловлен не столько семантикой лексических единиц (вернее, совершенно не обусловлен таковой), сколько национально-специфическими особенностями быта (празднования событий и пр.) Экстралингвистический фактор здесь становится доминантным в создании асимметрии референциальной отнесенности, что на более высоком уровне будет интерпретироваться как асимметрия лингвокультур.

«КУЛЬТУРНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ СЛОВА» В СОПОСТАВЛЕНИИ С ДРУГОЙ ТЕРМИНОЛОГИЕЙ

В отличие от термина «культурно-прагматический потенциал слова», понятие «культурно-этнический компонент» в достаточной степени разработано в современной лингвокультурологии и лингвистике. Дополнительно, в рамках лингвокультурологического подхода был предложен синонимичный термин – *лингвокультурема*, аккумулирующий в себе совокупность сегментов языка (языкового значения) и культуры (внеязыкового культурного смысла) [Воробьев, 1997]. По утверждению автора термина, лингвокультуремой можно назвать языковую единицу практически любого языкового уровня, начиная со слова и заканчивая текстом вплоть до целых художественных произведений [Воробьев, 1993]. Основным критерием данной классификации является принадлежность языковой единицы к категории «культурно-специфичных слов», которые «являются понятийными орудиями, отражающими прошлый опыт нации» [Вежбицкая, 1999, с. 269].

Культурно-специфические слова подразделяют на единицы, эксплицитно указывающие на наличие в их семантике культурно значимой информации, т. е. в денотативном аспекте значения, и на единицы, которые содержат имплицитное указание на наличие у них лингвокультурной

коннотации [Телия, 1996]. Последняя категория – достаточно зыбкая с точки зрения технических классификационных характеристик, ибо она непосредственно связана с процессом интерпретации, а интерпретация всегда субъективна и неоднозначна. К тому же, коннотативные приращения разного рода ассоциативно-фонового, эмпирического, культурно-исторического и др. характера [там же, с. 73] составляют экстралингвистическое, внеязыковое знание, которое по классическим канонам лингвистики не принято рассматривать как часть языкового значения. Можем ли мы считать последнюю категорию слов чисто языковыми единицами, или их следует отнести в категорию уже известных нам лингвокультурем, гибридных сращений языкового и внеязыкового знания, – этот вопрос до сих пор остается открытым.

Данное сомнение разделяется также исследованием Н. Н. Бочеговой, которая утверждает, что следует все же разграничивать понятия национально-культурной специфики и национально культурной коннотации, поскольку первое является частью лексической единицы (содержательного ядра значения лексемы), в то время как национально-культурная коннотация определяется как дополнительное значение, связанное с условиями и участниками коммуникативного акта. В качестве примера автор приводит слово *ranch*, отражающее уникальное явление культуры Северной Америки, утверждая, что семантический признак «находящийся на Западе США или в Канаде» является частью языкового значения слова. Другое же слово *farm* лишено данной культурно-специфической семантической составляющей [Бочегова, с. 2005]. Это исследование подтверждает также и идею специфики лингвокультурного пространства, которая является основой лингвокультурной асимметрии, о чем говорилось ранее. Н. Н. Бочегова указывает на несовпадение семантического прототипа американской фермы с прототипом британской фермы по причине разных культурно-исторических условий формирования данного типа хозяйствования. И здесь вскрывается такой парадокс: при внешнем полном совпадении лексем *farm* в американской и британской лингвокультурах национально-культурная специфика на глубоком семантическом (а, точнее, прагматическом. – Л. Г.) уровне у них разная [там же].

Что касается национально-культурных коннотаций, то здесь мы имеем дело с лингвистическими формами, используемыми для передачи информации, выходящей за рамки денотативной референции слов в сферу эмоциональной, прагматической и символической составляющих коммуникации. Данное явление, по определению Н. Бонвиллейн, называется *культурной пресуппозицией*

[Bonvillain, 1997]. Культурные пресуппозиции выполняют функцию передачи (трансляции) установок национальной культуры, разделяемых представителями данной нации, через язык. И это уже не является частью языкового значения, это информация, накапливаемая людьми в течение всей жизни в виде индивидуального и коллективного опыта через процесс освоения культуры – аккумуляцию. Так, если американцы пристально следили за соревнованиями по бейсболу в течение сезона, им будет понятна культурная пресуппозиция номинации «World Series», чего нельзя сказать о тех людях, которые в совершенстве знают английский язык, но не причастны в силу объективных условий к данной культурной реалии. Для представителей иноязычной культуры культурная пресуппозиция останется пустой, не понятой. По утверждению Н. Н. Бочеговой, культурные пресуппозиции «более сложны, и их интеграция в значение слов представляется более тонкой» [Бочегова, 2005, с. 22]. К тому же, под вопросом остается и сам факт интеграции культурной пресуппозиции в языковое значение, поскольку данное утверждение звучит сомнительно и спорно. Между тем, культурные пресуппозиции можно уверенно отнести к разряду культурно-этнических компонентов, поскольку они представляют собой, если опираться на определение В. Н. Телия, «интерпретацию или дополнение денотативного аспекта разнообразными сведениями: ассоциативно-фонового, эмпирического, культурно-исторического или мировоззренческого характера» [Телия, 1996, с. 73].

На данном уровне логических рассуждений и сопоставлений, наш небольшой, но емкий терминологический круг замыкается: мы возвращаемся к исходному термину «культурно-этнический компонент». Проблема, обозначенная ранее как «терминологическая неоднозначность и неопределенность», высвечивается на уровне толкования в некоем подобии «герменевтического круга», который мы попробуем «разорвать» и упорядочить, хотя бы в самом примитивном варианте дифференциации толкования синонимичной терминологии.

На основании анализа научной литературы и приводимых в научных работах примеров, а также представленного в данной статье научного анализа, мы можем сопоставить термины, их содержание и объем понятий.

«Лингвокультурема» мыслится как гибридное междисциплинарное образование на стыке лингвистики и культурологии, представляющее собой, по определению В. В. Воробьева, «диалектическое единство лингвистического и экстралингвистического (понятийного или предметного) содержания»

[Воробьев, 2006, с. 44–45]. По классической лингвистической теории экстралингвистическое знание не является частью языкового значения лексемы, поэтому, чисто технически, но не содержательно, лингвокультурема может рассматриваться лишь в качестве концептуального содержания языковой единицы в разделе когнитивной лингвистики. Какую лакуну сможет занять данный гибридный термин в когнитивной теории – остается под знаком вопроса. К тому же, по определению, лингвокультурема представляет собой весь спектр языковых единиц от слова до прецедентного текста. Такой «уровневый разброс» не свойственен классическим языковым классификациям, они более упорядочены с точки зрения количества уровней элементов и специфики их распределения. С другой стороны, лингвокультурема не сможет занять полноправную позицию в терминологическом аппарате культурологии, поскольку данная наука не занимается семантикой языковых единиц. Возможно, по этой причине (и не только) многие авторы критикуют некоторые построения лингвокультурологии, называя их псевдонаучными [Березович, 2018], поскольку они не отвечают требованиям общепризнанных научных концепций и не обладают высокой функциональной значимостью в «чистой» науке. Данная научная полемика порождает ряд оппозиционных вопросов. Например, означает ли отрицание междисциплинарных терминов отрицание самих смежных дисциплин? Способна ли «чистая» наука ответить на волнующие человечество вопросы в областях знаний, в которых главным субъектом исследования является такая мультимодальная сущность, как человек? Исходя из современных тенденций в науке мы всё же должны признать, что преимущество в исследовательских предпочтениях и убедительность аргументации, на сегодняшний момент, – на стороне междисциплинарных и интегративных принципов исследования.

В поддержку междисциплинарного термина «лингвокультурема» можно отметить ее способность номинировать «культурно-прагматический потенциал языкового знака», однако в отличие от собственно прагматики, как мы уже отмечали, потенциал не является перманентной характеристикой языкового знака, он нестабилен и зависит от внешних экстралингвистических факторов. При всей ее смысловой (прагматической) нестабильности, в лингвокультуреме, по утверждению В. В. Воробьева, устойчивой является *сочетаемость* лингвистических и культурологических конструктов, «которая фиксирует и воспроизводит наиболее важные для языковой картины мира «кванты» смысла культурных концептов» [Воробьев, 1997, с. 51]. Культурная коннотация

выступает в качестве связующего звена между двумя семиотическими системами: языком и культурой, что обуславливает целесообразность подобного научного построения, и какой бы веской ни была аргументация ученых, называющих гибридизацию терминов, созданных на стыке наук, псевдонаучными, мы вынуждены принять как факт создание междисциплинарных областей знания и разработку собственного терминологического аппарата и методик для их обслуживания. Лингвокультурема – один из примеров специфических гибридных терминов, являющийся исконно междисциплинарным термином лингвокультурологии.

Культурные пресуппозиции связаны непосредственно с процессом аккультурации, они не имеют непосредственной связи с культурно-прагматическим потенциалом слова, и вопрос о теоретической возможности возникновения культурных пресуппозиций связан не столько с семантикой слова, сколько с экстралингвистическими реалиями. Как уже отмечалось ранее, следует отличать национально-культурную специфику от национально-культурной коннотации. Культурные коннотации, по моему убеждению, относятся к разряду национально-культурной специфики, не имеющей ничего общего с языковым значением. Это окказиональные темпоральные образования ментального свойства, присущие определенной национальной культуре или определенной группе представителей нации. Следует отличать лингвокультурные коннотации, в которых приращение дополнительных культурно-этнических смыслов происходит за счет внутренних резервов лексем: наличия специфических сем, выступающих маркерами национально-специфических смыслов. Например, слово *душегрея*, по определению «Большой Российской энциклопедии»¹, «парадная одежда русских крестьянок, которая часто шилась из парчи или бархата», содержит в своей семантике ряд национально-специфических сем, который обуславливает отнесение данного слова к разряду безэквивалентной лексики в переводе. Английский аналог *woman's sleeveless jacket* не передает национального колорита слова душегрея. И когда мы встречаем следующее описание: «На натурной инсценировке (Третьяковская галерея, 4453) слева от смеющегося попа уже отчетливо видна женщина в короткой *душегрее*, накинутой на голову»², мы

¹Душегрея – из книги Р. М. Кирсанова «Костюм в русской художественной культуре XVIII – первой половины XX вв. Опыт энциклопедии» [Кирсанов, 1995].

²Товарищество передвижных художественных выставок.
URL: <http://www.tphv-history.ru/books/istoricheskaya-zhivopis-surikova100.html>

понимаем, что речь идет об описании быта дореволюционной России. Добавочный культурно-этнический смысл «дореволюционная Россия» не заложен в семантике слова, но имплицитно ей. Перманентность добавочного признака к семантике указывает на наличие сращения языковых и культурных (экстралингвистических) смыслов, т. е. наличие *лингвокультуры*.

И, наконец, *культурно-этнический компонент* языкового смысла, который можно понимать двояко: как часть семантики слова (лингвокультурные коннотации) или как часть прагматического потенциала слова, актуализируемого под воздействием присутствующих в семантике языковых маркеров или под влиянием контекстного окружения как дополнительные национально-специфические смыслы.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На основании проведенного исследования мы можем прийти к заключению, что проблемы в межкультурной коммуникации связаны, по большей

своей части, с асимметрией культурно-прагматической составляющей языковых единиц разных лингвокультур. Если установление языковой эквивалентности относится к вопросу чисто технического поиска словарных соответствий, то прагматическая нагруженность языкового знака становится серьезной проблемой в диалоге культур.

Все проанализированные в статье лингвокультурологические термины имеют общие прагматические характеристики и схожи по функциональным свойствам, что делает их практически эквивалентными в научном анализе. Тем не менее данная статья дает схематическую дифференциацию некоторых смежных терминов. Безусловно, данный вопрос требует тщательного и детального изучения.

Проанализированные в работе явления объединяет одно очень важное функциональное свойство: все они создают условия асимметрии для национальных лингвокультур в их сопоставлении и являются ключевой проблемой в межкультурной коммуникации. Все обозначенные вехи лингвокультурологического анализа также нуждаются в глубоком изучении.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Гумбольдт В. фон. Язык и философия культуры / пер. с нем. вступ. статьи А. В. Гулыш, Г. В. Рамишвили. М. : Прогресс, 1985.
2. Сепир, Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. М. : Прогресс Переплет, 1993.
3. Уорф, Б. Л. Лингвистика и логика // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 1. М. : 1960. С. 183–198.
4. Корнилов О. А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. 2-е изд. испр. и доп. М. : ЧеРо, 2003.
5. Ангелова М. М. «Концепт» в современной лингвокультурологии // Актуальные проблемы английской лингвистики и лингводидактики: сборник научных трудов. Вып. 3. М.: Прометей, 2004. С. 3–10.
6. Ельмслев Л. Прологомены к теории языка // Новое в лингвистике. Вып. I. М. : Изд-во Иностранная литература, 1960. С. 131–256.
7. Бенвенист Э. Общая лингвистика. М. : Прогресс, 1974.
8. Кубрякова Е. С. Концепт / Кубрякова Е. С., Демьянков В. З. и др. // Краткий словарь когнитивных терминов. М. : Изд-во МГУ, 1996. С. 90–93.
9. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М. : Гнозис, 2004.
10. Степанов Ю. С. Константы // Словарь русской культуры. Опыт исследования. М. : 1997. С. 40–43.
11. Перелыгина Е. М. Катартическая функция текста: автореф. ... канд. филол. наук. Тверь, 1993.
12. Комиссаров В. Н. Современное переводоведение. Курс лекций. М. : ЭТС, 1999.
13. Буслаев И. Ф. Историческая грамматика русского языка. М. : Учпедгиз, 1959.
14. Билз Р. Л. Аккультурация // Антология исследований культуры. Т. 1: Интерпретация культуры. СПб. : Университетская книга, 1997. С. 348–370. (Культурология XX век).
15. Федоров М. А. Термин «лингвокультура» в аспекте теории культуры // Вестник Бурятского государственного университета, 2014. № 6 (2). С. 83–86.
16. Леонтович О. А. Россия и США: Введение в межкультурную коммуникацию: учебное пособие. Волгоград : Перемена, 2003.
17. Телия В. Н. Культурно-национальные коннотации фразеологизмов (от мировидения к миропониманию) // Славянское языкознание. XI Международный съезд славистов. М. : Наука, 1993. С. 302–314.
18. Воркачев С. Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании // Филологические науки. 2001. № 1. С. 64–72.
19. Вежицкая А. Семантические универсалии и описание языков / пер. с англ. А. Д. Шмелева ; под ред. Т. В. Булыгиной. М. : Языки русской культуры, 1999.
20. Воробьев В. В. Лингвокультурология (теория и методы). М. : Изд-во МГУ, 1997.

21. Крысин Л. П. Слово в современных текстах и словарях: очерки о русской лексике и лексикографии. М.: Знак, 2008.
22. Воробьев В. В. О понятии лингвокультурологии и ее компонентах // Язык и культура: Сб. докл. 2-я междунар. конф. Киев, 1993. С. 42–48.
23. Бочегова Н. Н. Этнос. Культура. Язык: Монография. Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2005.
24. Bonvillain N. Language, Culture and Communication: The Meaning of 157 Messages. Upper Saddle River (NJ), 1997.
25. Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Языки русской культуры, 1996.
26. Воробьев В. В. Лингвокультурология. М.: Изд-во РУДН, 2006.
27. Березович Е. Л. Псевдонаучные построения современной лингвокультурологии // Четвертые Моисеевские чтения: в 2 ч.: материалы Всероссийской (с международным участием) научной конференции. Оренбург: Оренбургская книга, 2018. Ч. 1. С. 132–138.
28. Кирсанов Р. М. Костюм в русской художественной культуре XVIII – первой половины XX вв. Опыт энциклопедии. М.: Большая Российская энциклопедия, 1995. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/1375664>

REFERENCES

1. Humboldt W. V. (1985). Yazyk i filosofiya kul'tury = Language and culture philosophy. Moscow: Progress. (In Russ.)
2. Sepir, E. (1993). Izbrannye trudy po yazykoznaniiu i kul'turologii = Selected works on linguistics and cultural studies. Moscow: Progress, Pereplet. (In Russ.)
3. Whorf, B. L. (1960). Lingvistika i logika = Linguistics and logics. Novoe v zarubezhnoj lingvistike, 1, 183–198. Moscow. (In Russ.)
4. Kornilov, O. A. (2003). Yazykovye kartiny mira kak proizvodnye natsionalnykh mentalitetov = Linguistic picture world as derivatives of national mentality. 2nd revised and enlarged edition. Moscow: CheRo. (In Russ.)
5. Angelova, M. M. (2004). «Kontsept» v sovremennoj lingvokul'turologii = “Concept” in contemporary linguocultural studies. Aktual'nye problemy anglijskoj lingvistiki i lingvodidaktiki, 3, 3–10. Moscow: Prometej. (In Russ.)
6. Hjelmslev, L. (1960). Prolegomeny k teorii yazyka = Prolegomena to a theory of language. Novoe v lingvistike, 1, 131–256. (In Russ.)
7. Benveniste, E. (1974). Obshchaya lingvistika = Problems in general linguistics. Moscow: Progress. (In Russ.)
8. Kubryakova, E. S. (1996). Kontsept = Concept. In Kubryakova, E. S., Dem'yankov, V. Z. (Eds.), Abridged dictionary of cognitive terms (pp. 90–93). Moscow: Moscow State University Publishing House. (In Russ.)
9. Karasik, V. I. (2004). Yazykovoi krug: lichnost', kontsepty, diskurs. Moscow: Gnozis. (In Russ.)
10. Stepanov, Yu. S. (1997). Konstanty = Constants. In Dictionary of Russian Culture (pp. 40–43). The first effort of research. Moscow. (In Russ.)
11. Perehygina, E. M. (1993). Katarticheskaya funktsiya teksta = The cathartic function of the text: abstract of a thesis. Tver'. (In Russ.)
12. Komissarov, V. N. (1999) Sovremennoe perevodovedenie = Modern translation studies. Series of lectures. Moscow: ETS. (In Russ.)
13. Buslaev, I. F. (1959). Istoricheskaya grammatika russkogo yazyka = Historical grammar of the Russian language. Moscow: Uchpedgiz. (In Russ.)
14. Beals, R. L. (1997). Akkul'turatsiya = Acculturation. In Antologiya issledovaniy kul'tury Anthology of cultural studies research (Part 1. Culture interpretation, pp. 348–370). St. Petersburg: Universitetskaya kniga. (In Russ.)
15. Fedorov, M. A. (2014). Termin «lingvokul'tura» v aspekte teorii kul'tury = The term “linguoculture” in the context of the theory of culture. Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta, 6(2), 83–86. Ulan-Ude. (In Russ.)
16. Leontovich, O. A. (2003). Rossiya i SSHA: Vvedenie v mezhkul'turnuyu kommunikatsiyu = Russia and the USA: principles of intercultural communication. Textbook. Volgograd: Peremena. (In Russ.)
17. Teliya, V. N. (1993). Kul'turno-natsional'nye konnotatsii frazeologizmov (ot mirovideniya k miroponimaniyu) = Cultural national connotations of phraseological units. In Slavic language studies (pp. 302–314): XI International Slavic Congress. Moscow: Nauka. (In Russ.)
18. Vorkachev, S. G. (2001). Lingvokul'turologiya, yazykovaya lichnost', kontsept: stanovlenie antropotsentricheskoy paradigmy v yazykoznanii = Linguocultural studies, linguistic persona, concept: anthropocentric paradigm establishment in the study of language. Filologicheskie nauki, 1, 64–72. (In Russ.)
19. Wierzbicka, A. (1999). Semanticheskie universalii i opisanie yazykov = Semantics: Primes and Universals. Moscow: Yazyki russkoj kul'tury. (In Russ.)
20. Vorob'ev, V. V. (1997). Lingvokul'turologiya (teoriya i metody) = Linguocultural studies (theory and methods). Moscow: Moscow State University Publishing House. (In Russ.)
21. Krysin, L. P. (2008). Slovo v sovremennykh tekstakh i slovaryakh: ocherki o russkoj leksike i leksikografii = The word in modern texts and dictionaries: a character sketch of the Russian lexicon and lexicography. Moscow: Znak. (In Russ.)

22. Vorob'ev, V. V. (1993). O ponyatii lingvokul'turologii i ee komponentakh = About the notion of the linguocultural studies and its components. Language and culture (pp. 42–48): The 2nd International conference proceedings. Kiev, 1993. (In Russ.)
23. Teliya, V.N. (1996). Russkaya frazeologiya. Semanticheskij, pragmaticheskij i lingvokul'turologicheskij aspekty = Russian phraseology. Semantic, pragmatic, linguocultural aspects. Moscow: Languages of Russian culture. (In Russ.)
24. Bochegova, N. N. (2005). Etnos. Kul'tura. Yazyk: Monografiya = Ethnos. Culture. Language. Kurgan: Kurgan State University. (In Russ.)
25. Bonvillain, N. (1997). Language, Culture and Communication: The Meaning of 157 Messages. Upper Saddle River, NJ, Prentice Hall.
26. Vorob'ev, V. V. (2006). Lingvokul'turologiya = Linguocultural studies. Moscow: Peoples' Friendship University of Russia. (In Russ.)
27. Berezovich, E. L. (2018). Psevdonauchnye postroeniya sovremennoj lingvokul'turologii = Quasiscientific architecture of contemporary linguocultural studies. In Chetvertye Moiseevskie chteniya (part 1, pp. 132–138). The 4th Moiseev's Readings: in 2 parts. The materials of all-Russia scientific conference (with international participation). Orenburg: Orenburgskaya Kniga. (In Russ.)
28. Kirsanov, R. M. (1995). Kostjum v russkoj hudozhestvennoj kul'ture XVIII – pervoj poloviny XX vv. Opyt jenciklopedii = Costume in Russian artistic culture of the 18th – the first half of the 20th centuries. Encyclopedia experience. Moscow: Bol'shaja Rossijskaja jenciklopedija. <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/1375664> (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Гуревич Любовь Степановна

доктор филологических наук, доцент
 профессор кафедры лингвистики и профессиональной коммуникации
 в области гуманитарных и прикладных наук Института гуманитарных и прикладных наук
 Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Gurevich Lyubov Stepanovna

Doctor of Philology (Dr. habil.), Associate Professor
 Professor at the Department of Linguistics and Professional Communication in Humanitarian
 and Applied Sciences, Institute of Humanitarian and Applied Sciences, Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию 26.09.2022
 одобрена после рецензирования 20.10.2022
 принята к публикации 14.11.2022

The article was submitted 26.09.2022
 approved after reviewing 20.10.2022
 accepted for publication 14.11.2022

Истоки связей России и Франции: о роли Анны Ярославны в диалоге культур

Ю. Н. Сдобнова¹, А. О. Манухина²

^{1,2}Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия

¹vk-sdobnova@yandex.ru

²amanuhina@mail.ru

Аннотация. В статье исследуется роль личности княжны из Киевской Руси Анны Ярославны в контексте исторических связей России и Франции. На основе анализа текстов средневековых латинских документов, изучения работ современных российских и зарубежных культурологов и историков рассматривается деятельность Анны Ярославны в области политики, культуры и благотворительности. Определяется характер влияния на духовную жизнь средневековой Франции первой славянской по происхождению королевы, заложившей основы культурного диалога русского и французского народов.

Ключевые слова: русофония и франкофония, культурный диалог России и Франции, Киевская Русь, средневековые письменные памятники, диахронические исследования

Для цитирования: Сдобнова Ю. Н., Манухина А. О. История связей России и Франции: о роли Анны Ярославны в диалоге культур // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2022. Вып. 13 (868). С. 157–162. DOI 10.52070/2542-2197_2022_13_868_157

Original article

The Origin of Relations between Russia and France: on the Role of Anna Yaroslavna in the Dialogue of Cultures

Yulia N. Sdobnova¹, Alla O. Manuhina²

^{1,2}Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia

¹vk-sdobnova@yandex.ru

²amanuhina@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the study of the role of the personality of the Princess from Kievan Rus, Anna Yaroslavna, in the historical connection between Russia and France. Based on the analysis of texts of medieval Latin documents, the study of the works of modern Russian and foreign cultural scientists and historians, Anna Yaroslavna's activities in the field of politics, culture and charity are considered. The author establishes the nature of the influence on the spiritual life of medieval France of the first Slavic queen, who laid the foundations of the cultural dialogue between the Russian and French peoples.

Keywords: Russophony and Francophony, cultural dialogue between Russia and France, Kievan Russia, medieval written monuments, diachronic studies

For citation: Sdobnova, Y. N., Manuhina, A. O. (2022). The origin of relations between Russia and France: on the role of Anna Yaroslavna in the dialogue of cultures. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 13(868), 157–162. 10.52070/2542-2197_2022_13_868_157

Chaque homme est une humanité,
une histoire universelle¹.

ВВЕДЕНИЕ

Дипломатические и культурные связи России и Франции на протяжении всей своей истории являли собой живой и многогранный процесс. Прошедшие как сквозь конфликты, так и эпоху согласия и сотрудничества, они насчитывают почти десять веков. Об истоках и характере российско-французских отношений можно судить на основе исследования сохранившихся архивных документов, мемориальных предметов, личных вещей правителей и произведений искусства. Многовековая история этого взаимодействия уходит корнями в XI век, эпоху правления Ярослава I Владимировича Мудрого в Киевской Руси и Генриха I, третьего короля династии Капетингов во Франции. Первые контакты древнерусских княжеств и французского королевства восходят к династическому браку короля Генриха и Анны, дочери великого князя Киевского [Амелехина, Булгакова, Панфилов, 2021].

Значимое политическое событие, когда породнились древнерусская и французская правящие династии, должно было служить залогом будущей дружбы и символом крепкой связи двух стран. Анна Ярославна, на которую была возложена определенная дипломатическая посредническая миссия, благодаря своим личным качествам оставила значимый след в не только в жизни современной ей Франции, но и в последующие эпохи. В статье рассматривается роль личности королевы Франции Анны в диалоге двух культур.

ПИСЬМЕННЫЕ ИСТОЧНИКИ ОБ АННЕ ЯРОСЛАВНЕ

Именно русская княжна из Киевской Руси повлияла на ход французской истории, продолжив род Капетингов и став родоначальницей французских королей династии Валуа. Ее жизнь окружена легендами и позднейшими домыслами: древнерусские источники практически не оставили точных сведений о ее жизни до брака, сведения о из сочинений современников ее жизни при французском дворе немногочисленны и не всегда достоверны. Поэтому как в отечественной медиевистике, так и среди французских ученых [Bautier, 1985]

¹ Афоризм о роли личности в истории из книги «Histoire de France» Жюль Мишле (1798–1874), историка, принадлежащего к так называемой романтической историографии.

«предпринимались попытки изучения, систематизации и публикации сохранившихся документов, начиная с XVII века» [Шишкин, 2020, с. 22],

Сохранилось несколько западноевропейских аутентичных письменных памятников, где говорится о сватовстве Генриха I к княжне Анне, их последующем браке и потомстве:

– в анонимной латинской хронике *Chronique de Saint-Pierre-le-Vif de Sens (Chronicon Sancti Petri Vivi Senonensis)*, созданной во французском монастыре Saint-Pierre-le-Vif в XII веке:

Tempore illo, misit rex Hainricus Walterium, Meldensem episcopum ad quemdam regem qui vocabatur Gerisclo, de terra Russie, ut sibi daret filiam suam in uxorem. Ille cum pluribus donis et cum filia remisit in Francia [Chronicon Sancti Petri... 1863, с. 506].

В те времена отправил король Генрих Вальтерия, епископа Мельденского, к некоему царю, которого звали Ярослав (букв. лат: 'Йерисло') из земли Русской, чтобы тот отдал ему свою дочь в жены. И тот с многими дарами и с дочерью отправил его во Францию².

– в «Деяниях современных королей франков» (*Hugonis Floriacensis liber qui modernorum regum Francorum continet actus*) французского хрониста XII века Гуго де Флори, чьи свидетельства вошли в фундаментальный исторический труд «Хроники Сен-Дени»:

Hic ex Anna, fila regis Russie, genuit Philipum regem et Huquonem Magnum, Virmandensem postea comitem [Historia regum... 1925, с. 404].

Там он Анны, дочери русского царя, родил короля Филиппа и Гуго Великого, впоследствии графа Вирманда.

– в анонимной хронике *Ex Historiae Francicae*, открытой и опубликованной немецким институтом изучения Средневековья *Monumenta Germaniae historica* в XIX веке:

Anno MXLIV incarnate Verbi...quo anno Mahildis Regina obit. Qui post Mahildis Reginae humationem, accepit aliam conjugem, filiam Jurislohti Regis Russorum, nomine Annam, quae ei genuit tres filios, Philipum, Hugonem, Rotbertum [Ex Historia Francicae... 1925, с. 61].

В год 1044 от воплощения Слова...в каком году скончалась королева Матильда. После погребения королевы Матильды он принял другую супругу, по имени Анна, которая ему родила трех сыновей: Филиппа, Гуго, Роберта

² Перевод наш. – Авт.

Упоминание в средневековых анналах не оставляет сомнений в реальности Анны Ярославны как исторического персонажа: факт брака французского короля с русской княжной и рождение наследников был важнейшим для Европы событием, о котором продолжали вспоминать в хрониках спустя почти столетие.

КУЛЬТУРНЫЕ АРТЕФАКТЫ, СВЯЗАННЫЕ С АННОЙ ЯРОСЛАВНОЙ

Дочь Ярослава Мудрого, будучи незаурядной личностью, внесла особый вклад в жизнь и культуру Франции XI века. В отличие от своих современниц (принято считать, что, как правило, даже знатные европейские женщины того времени были малограмотными), Анна Ярославна благодаря своему отцу князю Ярославу Мудрому еще в детстве получила прекрасное образование. Как и ее старшие сестры Анастасия и Елизавета, будущие жены венгерского и норвежского монархов, младшая дочь Ярослава, помимо умения читать и писать на кириллице (официальном письме Киевской Руси), прекрасно знала греческий и латинский языки.

Существует легенда, что в качестве одного из многочисленных даров королю Генриху I Анна Ярославна привезла из Киевской Руси рукопись, известную как Реймское Евангелие. Другая легенда повествует о том, что во время свадьбы в Реймском соборе 19 мая 1049 года (по другой версии – 1051 г.) княжна отказалась приносить брачную клятву на латинской Библии и поклялась на Евангелии, которое сопровождало ее во время путешествия из родного Киева. Вступая в брак, Анна не изменила своего имени вероисповедания, что не противоречило церковным канонам эпохи: Великая схизма и раскол христианской церкви на православную и католическую свершился спустя несколько лет, в 1054 году.

Не найдено каких-либо документальных подтверждений этих легенд, и сам факт существования Реймского Евангелия считался вымышленным устным преданием вплоть до начала XIX века, когда русский ученый-славист А. И. Тургенев нашел в Реймской библиотеке (ныне Муниципальная библиотека Реймса) считавшуюся утраченной книгу, идентифицировал ее и первым дал научное описание [Тургенев, 1836]. Сохранившаяся до наших дней рукопись представляет собой конволют как минимум двух манускриптов (кириллической и глаголической частей), написанных в разные века. Современными российскими учеными после подробного палеографического и лингвистического анализов документа были приведены доказательства того,

что самая древняя его часть, написанная кириллицей (в отличие от более поздней глаголической рукописи), представляет собой русский извод XI века, и была создана в Киевской Руси, в скриптории князя Ярослава Мудрого, «хранилась в его библиотеке и через Анну Ярославну попало во Францию» [Николаев, Бикинина, 2005, с. 22].

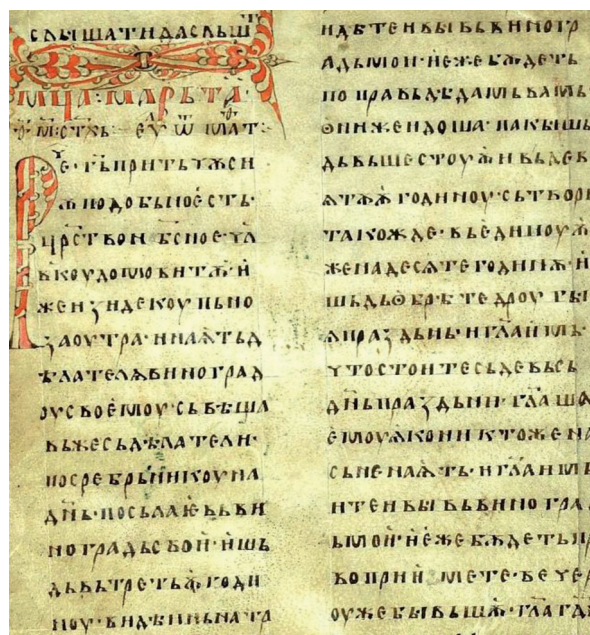

Рис. 1

Скромное «непарадное» оформление (рис. 1) кириллической части манускрипта [Турилов, 2017] косвенно свидетельствует о том, что изначально Евангелие предназначалось именно для личного использования, и книга вполне могла сопровождать Анну Ярославну по пути во Францию.

Реймское Евангелие до сих пор вызывает множество споров среди историков, культурологов и лингвистов, но не вызывает сомнения тот факт, что древняя священная книга из Киевской Руси стала ценнейшим национальным достоянием Франции, частью ее истории и феноменом культурной жизни средневековой Европы.

Став французской королевой, Анна сохранила верность своим славянским корням: на официальных документах она ставила личную подпись с использованием кириллических графем: АНА РЪНА. Историкам известно 28 актов и грамот, датированных периодом с 1051 по 1075 годы, составленных от имени или при участии Анны Ярославны в качестве соправительницы супруга или регентши при малолетнем сыне, короле Филиппе [Шишкин, 2020; Мусин, 2014]. Наиболее известной

из них является уникальная грамота короля Филиппа I от 1063 года из Национальной библиотеки Франции (www.gallica.bnf.fr) с автографом его матери (рис. 2).

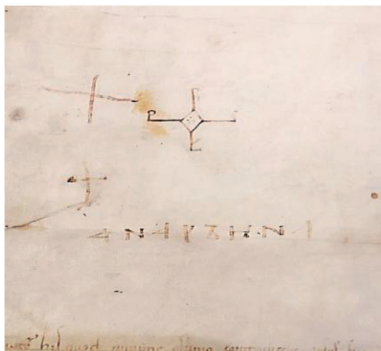

Рис. 2

Как можно видеть из фрагмента документа, Анна Ярославна, в отличие от сына Филиппа и его вельмож, ставивших подпись в виде креста, подписывается своим полным титулом, который можно трактовать как латинское *Anna Regina* (королева Анна) либо, что более вероятно, как старофранцузское *Anna Reine*, записанное кириллицей в фонетической орфографии с учетом особенностей произношения XI века. Характер написания кириллических букв совпадает с каллиграфией полуустава древнейшей части Реймского Евангелия, что является косвенным доказательством истинности версии о принадлежности Реймского Евангелия Анне Ярославне.

Известно также об изображении имени королевы на семи прижизненных грамотах Генриха I и пятнадцати грамотах его сына Филиппа I, где стоит аллографическая латинская подпись королевы Анны (*signum regine Anne*) с ее собственноручным знаком в виде креста (рис. 3).

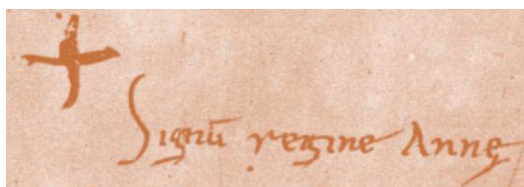

Рис. 3

Дошедшие до наших дней мемориальные предметы и архивные документы, связанные с политической деятельностью Анны Ярославны, дают возможность судить о том, что она была просвещенной королевой, обладала большей свободой и большими правами, чем другие дамы королевской крови, и пользовалась уважением современников: «участвовала в работе королевского совета в правление

мужа, а затем сына» [Шишкин, 2020, с. 24]. Ни до, ни после Анны Ярославны за весь период Средневековья ни одна женщина не имела права ставить подпись рядом с правящим монархом на документах государственной важности. Письменные памятники с автографом Анны Ярославны – уникальный феномен в жизни королевского двора XI века.

ВЛИЯНИЕ АННЫ ЯРОСЛАВНЫ НА ДУХОВНУЮ КУЛЬТУРУ ФРАНЦИИ

Около 1060 года Анна Ярославна основала в Санлисе, где тогда находилась одна из королевских резиденций, аббатство Святого Викентия (*l'abbaye royale Saint-Vincent à Senlis*). Есть версия, что она провела последние годы своей жизни в Санлисе, и впоследствии ему завещала свои земли и доход, чтобы поддержать монастырь. Считается, что именно королева Анна восстановила память раннехристианского мученика V века святителя Викентия Леринского (лат. *Vincentius Lerinensis*, фр. *Vincent de Lérins*), проповедовавшего на северо-востоке Франции, который сейчас почитается как в русской православной, так и в католической традиции.

О значимости этого события в последующей культурной и духовной жизни Франции свидетельствует тот факт, что уже в Новое время, в XVII веке, был установлен в портике монастырской церкви в Санлисе памятник королеве: статуя Анны Ярославны с подписью «*Anne de Russie Reine de France*» в одной руке держала скипетр, в другой – модель заложенного ей монастыря. Здание средневекового храма, монастырь (в котором сейчас располагается частный лицей) и памятник Анны Ярославны подвергались изменениям и реконструкциям как в XIX веке, так и в современности, но сохранились до нашего времени.

Интерес исследователей и французских деятелей культуры к личности Анны Ярославны не угас и в наши дни. Так, одна из распространенных сейчас легенд об Анне Ярославне повествует о якобы отправленном на Русь письме Анны своему отцу, в котором она разочарованно жалуется на жизнь при французском дворе (критикует жилища, церкви и нравы Франции в целом, сравнивая с жизнью в родном Киеве). Но ни в одном из средневековых документов упоминаний о каком-либо письме Анны на Русь не обнаружено. Единственный источник этой информации – художественное произведение Мориса Дрюона «Париж от Цезаря до Людовика Святого» (1964). Это сочинение можно рассматривать как своего рода политический памфлет или сознательную литературную игру – мистификацию французского писателя. Появление

такого рода исторических «загадок» служит еще одним доказательством значимости этой исторической фигуры, повлиявшей на жизнь средневековой Франции.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Изученные в рамках статьи материалы, связанные с биографией Анны Ярославны, свидетельствуют о богатой истории многовековых взаимообогащающих культурных связей России и Франции.

Рассмотренные документы иллюстрируют плодотворную жизнь русской княжны при

французском дворе: не теряя своей самобытности и русской идентичности, она транслировала культурный код своего народа в новый для нее социум. Она смогла влиться в европейскую цивилизацию, заложить основы взаимного интереса к культуре и духовным ценностям наших народов и стать важной вехой в истории Франции. Деятельность Анны Ярославны в качестве королевы-соправительницы при супруге Генрихе I и затем регентши при сыне Филиппе I в области политики, культуры и благотворительности создала традиции взаимного уважения двух стран и заложила основы для последующего диалога России и Франции.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Амелехина С., Булгакова Е., Панфилов Ф. Франция и Россия. Десять веков вместе. М. : Музеи Московского Кремля. 2021.
2. Bautier R.- H. Anne de Kiev, reine de France, et la politique royale au XIe siècle // Rev. des Études slaves. 1985. № 57 (4). P. 539–542.
3. Шишкин В. В. Грамоты Анны Ярославны, королевы Франции (1051/55–1075) // Средние века: исследования по истории Средневековья и раннего Нового времени. Ежеквартальный журнал / РАН, Ин-т всеобщей истории. М. : Наука, 2020. № 3. Т. 81. С. 20–46.
4. Chronicon Sancti Petri Vivi Senonensis // Bibliothèque historique de l'Yonne ou Collection de légendes, chroniques et documents divers pour servir à l'histoire des différentes contrées qui forment aujourd'hui ce département. T. II. Auxerre – Perriquet et Rouille, imprimeurs de la société. Paris: Didron, 1863. P. 506. URL: <https://archive.org/details/bibliothquehist00durugoo/page/506/mode/2up>
5. Historia regum Francorum monastery Sancti Dionysii // Monumenta Germaniae historica. Inde ab anno Christi quingentesimo usque ad annum millesimum et quingentesimum. Scriptorum. T. 9. Leipzig: Verlag Karl W. Hiersemann, 1925. P. 404. URL: https://archive.org/details/sim_monumenta-germaniae-historica_1925
6. Ex Historia Francicae // Monumenta Germaniae historica. Inde ab anno Christi quingentesimo usque ad annum millesimum et quingentesimum. Scriptorum. T. 26. Leipzig: Verlag Karl W. Hiersemann, 1925. P. 61. URL: <https://archive.org/details/p1monumentagerma02hann/mode/2up>
7. Тургенев А. И. Древнее известие об Анне Ярославне и славянское Евангелие в Реймсе // Журнал министерства народного просвещения. СПб. : Типография императорской Академии наук, 1836. Т. 9. С. 229–230.
8. Николаев Г. А., Биккина Э. И. Из наблюдений над языком Реймского Евангелия XI века // Вестник ВолГУ. Серия 2. 2005. Вып. 4. С. 18–22.
9. Турилов А. А. Реймское Евангелие // Древняя Русь в средневековом мире. Энциклопедия / под ред. Е. А. Мельниковой, В. Я. Петрухина. 2-е изд. М. : Ладомир, 2017. С. 677–678.
10. Мусин А. Анна Киевская: между историографией и историей // Княжа доба: Історія І культура. Львів : Інститут українознавства ім. Крип'якевича НАН України, 2014. С. 145–172.

REFERENCES

1. Amelekhina, S., Bulgakova, E., Panfilov, F. (2021). Franciya i Rossiya. Desyat' vekov vmeste = France and Russia. Ten centuries together. Moscow: Muzei Moskovskogo Kremlya. (In Russ.)
2. Bautier, R.- H. (1985). Anne de Kiev, reine de France, et la politique royale au XIe siècle. Rev. des Études slaves, 57(4), 539–542.
3. Shishkin, V. V. (2020). Gramoty Anny Yarovslavny, korolevy Francii (1051/55 –1075) = Charters of Anna Yaroslavna, Queen of France (1051/55–1075). Srednie veka: issledovaniya po istorii Srednevekov'ya i rannego Novogo

- vremeni. Ezhekvartal'nyj zhurnal. Rossijskaya akademiya nauk, In-t vseobshchej istorii (pp. 20–46). Moscow: Nauka. (In Russ.)
4. Chronicon Sancti Petri Vivi Senonensis (1863). Bibliothèque historique de l'Yonne ou Collection de légendes, chroniques et documents divers pour servir à l'histoire des différentes contrées qui forment aujourd'hui ce département. T. II. Paris: Didron. <https://archive.org/details/bibliothquehist00durugoo/page/506/mode/2up>
 5. Historia regum Francorum monasterii Sancti Dionysii (1925). Monumenta Germaniae historica. Inde ab anno Christi quingentesimo usque ad annum millesimum et quingentesimum. Scriptorum. Vol. 9. Leipzig: Verlag Karl W. Hiersemann. https://archive.org/details/sim_monumenta-germaniae-historica_1925
 6. Ex Historia Francicae (1925). Monumenta Germaniae historica. Inde ab anno Christi quingentesimo usque ad annum millesimum et quingentesimum. Scriptorum. Vol. 26. Leipzig: Verlag Karl W. Hiersemann. <https://archive.org/details/p1monumentagerma02hann/mode/2up>
 7. Turgenev, A. I. (1836). Drevnee izvestie ob Anne Yaroslavne i slavyanskoe Evangelie v Rejmse = The Ancient News about Anna Yaroslavna and the Slavic Gospel in Reims. Zhurnal ministerstva narodnogo prosveshcheniya. Vol. 9. St. Petersburg: Tipografiya imperatorskoj Akademii nauk. (In Russ.)
 8. Nikolaev, G. A., Bikkinina, E. I. (2005). Iz nablyudenij nad yazykom Rejmsskogo Evangeliya XI veka = From observations on the language of the Reims Gospel of the XI century. Vestnik VolGU, 4, 18–22. (In Russ.)
 9. Turilov, A. A. (2017). Rejmsskoe Evangelie = The Reims Gospel. Drevnyaya Rus' v srednevekovom mire, Enciklopediya (pp. 677–678). Moscow: Ladomir. (In Russ.)
 10. Musin, A. (2014). Anna Kievskaya: mezhdru istoriografiej i istoriej = Anna of Kiev: between Historiography and history. Knyazha doba (pp. 145–172). (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Сдобнова Юлия Николаевна

кандидат педагогических наук
декан факультета французского языка Московского государственного лингвистического университета
доцент кафедры лексикологии и стилистики французского языка факультета французского языка
Московского государственного лингвистического университета

Манухина Алла Олеговна

кандидат филологических наук, доцент
заведующая кафедрой фонетики и грамматики французского языка факультета французского языка
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Sdobnova Yulia Nikolaevna

PhD (Pedagogy)
Dean of the Faculty of the French Language
Moscow State Linguistic University
Associate Professor of the Department of Lexicology and Stylistics of the French language
Faculty of the French Language, Moscow State Linguistic University

Manuhina Alla Olegovna

PhD (Philology), Associate Prof.
Department of Phonetics and Grammar of the French language, Faculty of the French Language
Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию 15.09.2022
одобрена после рецензирования 11.10.2022
принята к публикации 14.11.2022

The article was submitted 15.09.2022
approved after reviewing 11.10.2022
accepted for publication 14.11.2022

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ «МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Сетевое электронное научное издание

Network electronic scientific publication

**ВЕСТНИК
Московского государственного
лингвистического университета
Гуманитарные науки
Выпуск 13 (868)**

**VESTNIK
of Moscow State Linguistic
University
Humanities
Issue 13 (868)**

Ответственный редактор выпуска
Семина Ирина Александровна,
доктор филологических наук, доцент.

Executive editor
Semina Irina Aleksandrovna,
Doctor of Philology (Dr. habil.), Associate Professor

Редакторы Н. Г. Павлова, М. М. Сингал
Верстка: А. В. Алымов
Разработка макета: А. Алымов

Editors N. G. Pavlova, M. M. Singal
Layout: A. V. Alymov
Layout design: A. V. Alymov

Подписано в печать 28.12.2022
Усл. печ. л. 20,5. Формат 60х90/8
Заказ № 96/22

Signed for print: 28.12.2022
Conventional printed sheets: 20,25. Layout format 60x90/8
Order 96/22

Адрес редакции:
119034, г. Москва, ул. Остоженка, д. 38, стр. 1
Тел.: (499) 245 33 23
Электронная почта: ipk-mglu@rambler.ru

Address:
Ostozhenka St., 38, 1, Moscow, 119034
Tel.: (499) 245 33 23
E-mail: ipk-mglu@rambler.ru

© ФГБОУ ВО МГЛУ, 2022

© FSBEI HE MSLU, 2022

Доменное имя сайта: vestnik-mslu.ru
Учредитель: ФГБОУ ВО МГЛУ

Website domain name: vestnik-mslu.ru
Founder: FSBEI HE MSLU

Издание зарегистрировано 10 июня 2016 г. Эл № ФС77-66051
Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор)

The edition is registered June, 10, 2016, Эл № ФС77-66051
The Federal Service for Supervision of Communications,
Information Technology, and Mass Media
(ROSKOMNADZOR)

За аутентичность цитат отвечают авторы.
Перепечатка материалов возможна при обязательном письменном
согласовании с редакцией издания.
Ссылка на издание при перепечатке обязательна.

The authors are responsible for the authenticity of citations.
Reprinting of materials is possible
with the editors' obligatory written consent.
Reference to the publication is obligatory when reprinting.

«Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки» входит в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим научным специальностям:

- 5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации (10.01.01)
- 5.9.2. Литературы народов мира (10.01.03)
- 5.9.3. Теория литературы (10.01.08)
- 5.9.5. Русский язык. Языки народов России (10.02.01)
- 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (Германские языки) (10.02.04)
- 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (Романские языки) (10.02.05)
- 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (10.02.19, 10.02.20, 10.02.21)
- 5.10.1. Теория и история культуры, искусства (24.00.01)

«Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки» является преемником сборников научных трудов с 1940 года и, начиная с 2002 года, следующих выпусков «Вестника Московского государственного лингвистического университета»: «Лингвистика», «Языкознание», «Филологические науки», «Языкознание и литературоведение», «Восточные языки», «Философия», «Философия и культурология».